

КРИМИНОЛОГИЯ:

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

CRIMINOLOGY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Журнал Санкт-Петербургского международного
криминологического клуба

The journal of St. Petersburg International
Criminology Club

2018

1

2

3

4

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

**Журнал Санкт-Петербургского
международного криминологического клуба
№ 1 (48), 2018**

Санкт-Петербург
2018

ББК 67
УДК 343
К 82

Учредитель

НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб»

Издатель

Редакция журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра»

Главный редактор

Данилов Андрей Петрович

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Заместители главного редактора

Дикаев Салман Умарович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Миненок Михаил Григорьевич

доктор юридических наук, профессор (Калининград, Россия)

Поклад Василий Иванович

кандидат философских наук, доцент (Луганск, Украина)

Сморгунова Валентина Юрьевна

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Тугельбаева Бермета Галиевна

кандидат технических наук, доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Киргизская Республика)

Редакционная коллегия

Алауханов Есберген Оразович

доктор юридических наук, профессор (Алматы, Республика Казахстан)

Алиев Назим Талат оглы

доктор философии по праву, доцент (Баку, Азербайджанская Республика)

Арнольд Йорг

доктор права, профессор (Фрайбург, Федеративная Республика Германия)

Гондолф Эдвард

доктор психологии, профессор (Индиана, Соединённые Штаты Америки)

Горшенков Геннадий Николаевич

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Кабанов Павел Александрович

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Корецкий Данил Аркадьевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Россия)

Кури Хельмут

доктор психологии, профессор (Фрайбург, Федеративная Республика Германия)

Лепс Андо

доктор юридических наук, профессор (Таллин, Эстонская Республика)

Лунеев Виктор Васильевич

доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва, Россия)

Милюков Сергей Фёдорович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Сессар Клаус

доктор права, профессор (Гамбург, Федеративная Республика Германия)

Шестаков Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Корректор

Кононова Валентина Николаевна (Санкт-Петербург, Россия)

Переводчик

Дикаева Милана Салмановна

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. 2018. № 1 (48). 130 с.

Журнал выходит с марта 2001 года. Первоначальное название – «Криминология в развитии. Вестник Санкт-Петербургского криминологического клуба. Научно-теоретический журнал». Освещает общую криминологическую теорию, криминологические отрасли, частные криминологические проблемы, а также деятельность Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Поддерживает теоретические положения невшко-волжской научной школы криминологии.

Адрес редакции:

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб.

191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, юридический факультет.

Телефон: (812) 312–42–07, доб. 224

Факс: (812) 312–99–10

E-mail: criminology_club@mail.ru

Журнал зарегистрирован в качестве СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-40137 от 04.06.2010 г.

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте издания:
<http://criminologyclub.ru>

Подписной индекс в Объединённом каталоге «Пресса России» – 11285

Тираж 1050 экземпляров

ISSN 2218-8576

© Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, 2018

© Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2018

RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL
UNIVERSITY
OF A.I. HERZEN

SAINT-PETERSBURG
INTERNATIONAL
CRIMINOLOGY CLUB

**CRIMINOLOGY:
YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**

**The journal of Saint-Petersburg
International Criminology Club
no. 1 (48), 2018**

St. Petersburg
2018

ББК 67
УДК 343
К 82

The founder

Non-commercial partnership «The Saint-Petersburg International Criminology Club»

The editor

The editorial staff «Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow»

Editor-in-chief

Danilov Andrey Petrovich

PhD in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Deputy editors

Dikaev Salman Umarovich

Doctor of Laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Minenok Mikhail Grigorevich

Doctor of Laws, professor (Kaliningrad, Russia)

Poklad Vasily Ivanovich

PhD, associate professor (Lugansk, Ukraine)

Smorgunova Valentina Yuryevna

Doctor of Philosophy, professor, the Honored science worker of Russia
(Saint-Petersburg, Russia)

Tugelbaeva Bermeta Galievna

PhD in technical sciences, Doctor of Laws, professor (Bishkek, Kyrgyzstan)

Editorial board

Alaukhanov Esbergen Orazovich

Doctor of Laws, professor (Almaty, Kazakhstan)

Aliev Nazim Talat ogly

Doctor of Philosophy in Law, associate professor (Baku, the Republic of Azerbaijan)

Arnold Jorg

Doctor of Laws, professor (Freiburg, Germany)

Gondolf Edward

Doctor of Psychology, professor (Indiana, the USA)

Gorshenkov Gennady Nikolaevich

Doctor of Laws, professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Kabanov Pavel Aleksandrovich

Doctor of Laws, professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Koretskiy Danil Arkadievich

Doctor of Laws, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
(Rostov-on-Don, Russia)

Kury Helmut

Doctor of Psychology, professor (Freiburg, Germany)

Leps Ando

Doctor of Laws, professor (Tallinn, Estonia)

Lunev Victor Vasilevich

Doctor of Laws, professor, Laureate of the Russian National Award,
the Honored science worker of Russia (Moscow, Russia)

Milyukov Sergey Fyodorovich

Doctor of Laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Sessar Klaus

Doctor of Laws, professor (Hamburg, Germany)

Shestakov Dmitry Anatolyevich

Doctor of Laws, professor, the Honored science worker of Russia
(Saint-Petersburg, Russia)

Proof-reader

Kononova Valentina Nikolaevna (Saint-Petersburg, Russia)

Translator

Dikaeva Milana Salmanovna

PhD in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. The journal of St. Petersburg International Criminology Club. 2018. no. 1 (48). 130 p.

The journal has been published since March 2001. The original name was «Criminology in Development: Bulletin of St. Petersburg Criminology Club. Theoretical Journal». The publication covers the general criminological theory, peculiar criminological issues, criminological branches and activities of the St. Petersburg International Criminology Club, and supports the theoretical approach of Neva-Volga Research School of Criminology.

Address of editor's office:

St. Petersburg International Criminology Club
Nab. Moyki 48 The Herzen State Pedagogical University of Russia, Law Faculty
191186 St. Petersburg Russia
Phone: (812) 312-42-07, additional 224
Fax: (812) 312-99-10
E-mail: criminology_club@mail.ru

The journal is registered as mass media in the Federal Control Service in the sphere of communication and information technologies. The registration certificate is ПИ № ФС 77-40137 as of 04.06.2010.

The journal is presented in the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal has a full electronic version on the site of the journal <http://criminologyclub.ru>

The subscription index in the unified catalogue «Press of Russia» – 11285

The circulation 1050 copies

ISSN 2218-8576

© St. Petersburg International Criminology Club, 2018

© The Herzen State Pedagogical University of Russia, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

1. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

Материалы беседы

«К единому праву противодействия преступности»

от 27 апреля 2018 года

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия).

О проекте Кодекса

предупреждения преступлений и мер безопасности 13

П.А. Кабанов (Набережные Челны, Россия).

О кодификации российского криминологического законодательства:

рассуждения по случаю 21

Н.А. Крайнова (Санкт-Петербург, Россия).

О принципах единого права противодействия преступности 26

А.В. Никуленко (Санкт-Петербург, Россия).

О задачах Криминологического кодекса 30

Т.П. Афонченко (Гомель, Республика Беларусь).

Перспективы формирования в Республике Беларусь

права противодействия преступности 34

КРИМИНОЛОГИЯ СФЕРЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Основной доклад международной беседы

«Преступность миграционных процессов»

от 25 мая 2018 года

Х. Кури (Фрайбург, ФРГ).

Интеграция беженцев в Германии –

возросла ли криминальная нагрузка? 37

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

КОРРУПЦИЯ

С.М. Иншаков (Москва, Россия).

Коррупционная война

как элемент гибридного противоборства государств 46

П.А. Скобликов (Москва, Россия).

Как резонансные антикоррупционные дела

влияют на инвестиционный климат России?

Анализ на примере уголовного дела

экс-главы Минэкономразвития 52

<i>В.А. Номоконов</i> (Владивосток, Россия), <i>Ю.Ю. Попова</i> (Владивосток, Россия), <i>В.В. Филиппов</i> (Хабаровск, Россия). Теневое государство как криминогенный фактор	57
--	----

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

<i>А.В. Комарницкий</i> (Санкт-Петербург, Россия). Понятие и виды сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в доктрине криминологической науки и уголовном законодательстве	62
--	----

ВИКТИМОЛОГИЯ

<i>С.А. Черняков</i> (Белгород, Россия). Сотрудник полиции как жертва посягательства на интересы служебной деятельности	68
---	----

3. В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ КЛУБЕ

<i>Д.А. Шестаков</i> (Санкт-Петербург, Россия), <i>С.У. Дикаев</i> (Санкт-Петербург, Россия), <i>А.П. Данилов</i> (Санкт-Петербург, Россия). Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2017	72
--	----

4. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

Зарипу Саидовичу Зарипову – 70 лет!	117
Николаю Васильевичу Щедрину – 65 лет!	118

5. НЕКРОЛОГ

Памяти Виктора Григорьевича Шарыгина	119
К нашим авторам	121
Криминологические издания	125

CONTENTS

1. CRIMINOLOGICAL BRANCHES

CRIMINOLOGY OF LAW

Materials of the seminar

*«To the unified law of counteracting crime»
as of April 27, 2018*

D.A. Shestakov (St. Petersburg, Russia).

On the draft Code

of crime prevention and security measures 13

P.A. Kabanov (Naberezhnye Chelny, Russia).

On the codification of the Russian criminological legislation:

reflections on the occasion 21

N.A. Krainova (St. Petersburg, Russia).

On the principles of the unified law of counteracting crime 26

A.V. Nikulenko (St. Petersburg, Russia).

On the tasks of the Criminological Code 30

T.P. Afonchenko (Gomel, Republic of Belarus).

Prospects for the formation of the law of counteracting crime

in the Republic of Belarus 34

CRIMINOLOGY OF THE MIGRATION OF PEOPLES

The main report of the seminar

*«Crime of migration processes»
as of May 25, 2018*

H. Kury (Freiburg, Germany).

Integration of refugees in Germany –

has the criminal burden increased? 37

2. PARTICULAR CRIMINOLOGICAL ISSUES

CORRUPTION

S.M. Inshakov (Moscow, Russia).

Corruption war

as an element of hybrid confrontation between states 46

P.A. Skoblikov (Moscow, Russia).

How do resonant anti-corruption cases

affect the investment climate in Russia?

Analysis on the example of the criminal case

against the former head of the Ministry of Economic Development 52

<i>V.A. Nomokonov</i> (Vladivostok, Russia), <i>Y.Y. Popova</i> (Vladivostok, Russia), <i>V.V. Filippov</i> (Khabarovsk, Russia). A shadow state as a criminogenic factor	57
--	----

**JUVENILE CRIMES
AND CRIMES AGAINST JUVENILES**

<i>A.V. Komarnitsky</i> (St. Petersburg, Russia). The concept and types of sexual exploitation of juveniles in the doctrine of criminological science and criminal legislation	62
---	----

VICTIMOLOGY

<i>S.A. Chernyakov</i> (Belgorod, Russia). A police officer as a victim of an encroachment on official activity	68
---	----

3. IN THE CRIMINOLOGY CLUB

<i>D.A. Shestakov</i> (Saint-Petersburg, Russia), <i>S.U. Dikaev</i> (Saint-Petersburg, Russia), <i>A.P. Danilov</i> (Saint-Petersburg, Russia). The chronicle of the St.-Petersburg International Criminology Club. The year 2017	72
--	----

4. JUBILEE GREETINGS

Zarip Saidovich Zaripov – the 70th anniversary!	117
Nikolay Vasilievich Shchedrin – the 65th anniversary!	118

5. OBITUARY

In memory of Viktor Grigorievich Sharygin	119
To our authors.	121
Criminological editions	125

1. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

*Материалы беседы «К единому праву противодействия преступности»
от 27 апреля 2018 года*

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.А. Шестаков

О ПРОЕКТЕ КОДЕКСА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И МЕР БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: Разработка Кодекса предупреждения преступлений является важной составляющей частью грядущего единого права противодействия преступности (ППП). При подготовке данного Кодекса необходимо нашу российскую – пока единственную в своём роде – идею ППП соотнести и, по возможности, увязать с законодательством о мерах безопасности.

Ключевые слова: криминология закона; криминологическое законодательство; Кодекс предупреждения преступлений; Кодекс мер безопасности.

D.A. Shestakov

ON THE DRAFT CODE OF CRIME PREVENTION AND SECURITY MEASURES

Summary: The development of the Code of crime prevention is an important part of the coming unified law of counteracting crime (LCC). In preparing this code, our Russian (so far unique) idea of the LCC should be correlated and, if possible, conformed to the legislation on security measures.

Key words: criminology of law; criminological legislation; Code of crime prevention; Code of security measures.

Предыстория. Известно, что в Российской империи действовал Устав о предупреждении преступлений (1832), за которым последовали другие нормативные акты предупредительной направленности. Естественно, что законотворческая деятельность опиралась на научные разработки. В 1980 году об основах правового регулирования социальной профилактики писал Г.А. Аванесов [2]. Проекты законодательных актов о предупреждении преступлений выдвигались В.С. Устиновым [16], А.Х. Миндагуловым [15], В.В. Лунеевым [13]. Уделяли внимание обсуждению этого вопроса Н.Ф. Кузнецова [11, с. 30] и др.

В 1996 году на беседе Санкт-Петербургского международного криминологического клуба в моём докладе о двадцатилетнем опыте чтения преступноведческого курса лекций в СПбГУ было сообщено: «Нами вводится понятие криминологического законодательства, которое употребляется в широком

и узком смысле слова. Криминологическое законодательство в широком смысле трактуется как состоящее из двух разделов: уголовно-правового, включающего в себя нормы материального, процессуального и исполнительного права, а также из собственно криминологического. Собственно криминологическое законодательство составляет нормативную основу социального контроля за преступностью в той его части, которая не связана с применением уголовной репрессии... оно складывается из нормативных актов: 1) определяющих криминологическую политику, 2) направленных на ресоциализацию криминогенных слоёв населения, 3) специально предупреждающих правонарушения несовершеннолетних и молодёжи, 4) обеспечивающих помощь жертвам преступлений (виктимологическое законодательство), 5) регламентирующих деятельность субъектов социального контроля за преступностью».

Материалы беседы были освещены в Вестнике СПбГУ [3].¹ В ней кроме петербуржцев приняли участие В.А. Номоконов (Владивосток), О.В. Старков (Рязань) и др. В 2001 году, уходя из Санкт-Петербургского университета, я опубликовал свой учебник по криминологии, в который включил раздел «Криминологическое законодательство» [27, с. 147–149].

Таким образом, уже при введении в Клубе понятия криминологического законодательства и определении его структуры возникла *предпосылка осмысления норм о некарательном предупреждении преступлений и норм об уголовной ответственности в качестве единого целого*. Эта предпосылка заложена в приведённом выше определении криминологического законодательства в широком смысле.

Значимые составляющие криминологического законодательства. В дальнейшем развитии учения о криминологическом законодательстве в узком смысле слова играют важную роль положения о виктимологическом мониторинге,² криминологической экспертизе как нормативных актов [21, с. 50], так и личности [29, с. 272; 31]. Введение понятия криминологического законодательства стало исходной точкой того теоретического развития, которое привело к выдвиганию нового предложения, а именно к предложению *единого права противодействия преступности* (ППП) [28, с. 111, 113; 26].

Звучит сегодня сказочно? Да, но разве не сказочным воспринималось начальное побуждение к кодификации законодательства

¹ См. также: Шестаков Д.А. Контроль преступности и криминологическое законодательство // Организованная преступность, уголовно-правовые и криминологические проблемы. Отв. ред. М.Г. Миненок. Калининград, 1999. С. 11–23; *его*: Законодательное регулирование контроля преступности: критика российского опыта // Теоретическое и правовое обеспечение реформы в сфере борьбы с преступностью в Республике Беларусь. Материалы международной научно-практической конференции. Минск, 1999. С. 159–162. *Возможно, что сама беседа состоялась чуть раньше, а именно в 1995 г., точно не помню.*

² Термин предложен: Шестаков Д.А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, «Лань», 2001. С. 83.

о некарательном предупреждении преступлений? Теперь, как мы видим, в том числе на примере деятельности В.Н. Орлова, затея уже начинает понемногу воплощаться в жизнь.

От теории к практике. От имени не-вско-волжской школы преступных подсистем я поприветствую труд Владислава Николаевича над проектом с рабочим названием «Криминологический кодекс».³

При подготовке Кодекса о предупреждении преступлений необходимо нашу российскую – пока единственную в своём роде – идею ППП соотнести и, по возможности, увязать с законодательством о мерах безопасности. При этом будем иметь в виду разгоревшиеся в Западной Европе споры в области так называемого права безопасности [8]. Теоретически это нами уже осуществлено. (См.: схемы № 1, № 2). Дело за преломлением учения о криминологическом законодательстве в законотворчество. Предварительно нужно хорошо понять это учение (пока я не вижу должного понимания) и глубоко его осмыслить.

Три в одном или три вместо одного? В модели единого законодательства о противодействии преступности в недавнем прошлом я включал объединённый Кодекс предупреждения преступлений и мер безопасности. Но теперь склоняюсь к тому, чтобы разделить его на два кодекса: «О предупреждении преступлений» и «О мерах безопасности».

Кодекс «О предупреждении преступлений» должен будет регулировать социальную, образовательную, воспитательную, психологическую, информационную стороны противодействия преступности, криминологическую экспертизу *обеих разновидностей*, отмеченных выше. В нём надо определить также *порядок отслеживания и совершенствования политики противодействия преступности*.

Кодекс «О мерах безопасности» призван управлять ограничительными, запретительными мерами и – самое главное – действиями

³ Нельзя не отметить допущенные В.Н. Орловым досадные неточности в описании постановки теоретического вопроса о криминологическом законодательстве. См.: Криминология, учебник для аспирантов / под ред. И.М. Мацкевича. М.: Норма, ИНФРА-М, 2017. С. 11–29. Надеюсь, что в последующих изданиях они будут исправлены.

ми, связанными с вмешательством в личную жизнь, с вынужденным применением физического и материального вреда. Чаще всего эти меры привязаны к пресечению преступлений. В пользу разъединения кодексов говорит то, что нормы безопасности и предупредительные нормы исполняются совершенно разными субъектами. Для норм безопасности в качестве субъектов выступают, прежде всего, силовые учреждения, вплоть до Вооружённых Сил.

Не следует забывать, что рассматриваемая модель наряду с кодексами предупреждения преступлений и мер безопасности включает в себя Кодекс об ответственности и ресоциализации несовершеннолетних. (См.: схема № 1). Весьма вероятно, что законодотворчески идея ППП получит первоначальную обкатку именно в направлении единого регулирования ответственности и ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей. В невско-волжской школе этими вопросами занимаются А.В. Комарницкий [9], О.В. Лукичёв [12] и др.

О правовой основе криминологической коррекции семейных отношений в связи с семейными судами и правосудием в отношении молодёжи. В монографии «Семейная криминология» разработана правовая основа криминологической коррекции семейных отношений [29, с. 271–292]. А ещё в 1992 году мной было предложено создать в России семейную юстицию, основу которой должны составить семейные суды [32, с. 61–62; 23]. По крайней мере, с 1995 года призываю объединить усилия по созданию семейных и ювенальных (молодёжных) судов и добиваться организации подлинно *семейного правосудия*, охватывающего правонарушение несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних, все внутрисемейные преступления, независимо от возраста виновных и потерпевших, а также гражданско-правовые споры, затрагивающие интересы семьи и несовершеннолетних [22, с. 96–97; 30, с. 175, 249–250].⁴

Значимость этих вопросов с годами не утрачена. Сегодня российское общество постоянно подвергается феминистским атакам

⁴ Бурлаков В.Н., Шестаков Д.А. Предупреждение насилия в семье и его законодательное регулирование // Вестник СПбГУ, 1996, сер. 6, вып. 1. С. 123. (В этом сообщении о майском заседании

на семейные отношения, вследствие чего безусловно первостепенную роль семьи в воспитании молодого поколения необходимо поддерживать.

Основанный не на феминистской, а на диалектической концепции причин воспроизводства внутрисемейных преступлений [20, с. 62–78] раздел должен найти место в Кодексе предупреждения.

Вклад в осмысление криминологического законодательства на линии соприкосновения криминологии закона и семейной криминологии вносят исследования В.С. Харламова [17], Костыри Е.А [10], А.В. Чуракова [18; 19].

Над чем надо ещё потрудиться? Набросок законопредложения, сделанный Орловым, по большей части тяготеет к мерам безопасности: предупредительное воздействие, исполнение и отбывание мер предупредительного воздействия, прогрессивная система исполнения и отбывания мер предупредительного воздействия. Причём, представляет Владислав Николаевич предупредительную работу в основном в духе уголовно-исполнительного права, проходя мимо предусмотренных законом разных стран мер, к которым неприменимо слово «отбываются», поскольку им подвергаются ни в чём невиновные люди. Я имею в виду разного рода досмотры, видеонаблюдение, применение насилия вплоть до лишения жизни пассажиров воздушного или водного судна, которые имели несчастье купить билет на самолёт или корабль, облюбованный террористами для захвата.

По сути дела, мы сейчас обсуждаем проект Кодекса безопасности. Такой кодекс, безусловно, нужен. Но недопустимо готовить его без предварительного теоретического углубления в ту схватку, которая происходит в мире между правом, с одной стороны, на безопасность и, с другой стороны, на свободу. Например, С.Ф. Милюков рассматривает «внепроцессуальную (внесудебную) репрессию» в качестве метода борьбы с преступностью, требующего, однако, экономного применения

Санкт-Петербургского международного криминологического клуба представлен мой авторский проект ФЗ РФ «О предупреждении насильственных преступлений в семье», который я в 1995 г. отстаивал в группе разработчиков ГД РФ. Ст. 6 моего законопроекта посвящена *семейно-молодёжным судам*.

и строго регламентированного в УК, в законах о полиции, Национальной гвардии, исполнении лишения свободы и др. [14, с. 111–115]. Правоприменительную лепту в данный спор вносит Федеральный Конституционный Суд ФРГ, который, ссылаясь на принципы вины и соразмерности, существенно сглаживает в Германии англо-американскую истерическую политику безопасности [1, с. 184].

Мы в нашей научной школе на площадке нашего клуба уже достаточно давно ведём преступноведческое осмысление этой схватки и продолжим его в течение ближайших двух-трёх лет на трёх беседах с участием известных немецких специалистов.

Спешить с принятием упомянутых кодексов не следует, потому что требуется многое сделать предварительно. Прежде всего, надо разработать проект рамочного закона, посвящённого основам законодательства о противодействии преступности, уделив первостепенное значение разумным и гуманным основополагающим принципам, в числе которых я бы предложил принципы 1) уравнивания отношений в обществе, 2) вины, 3) соразмерности, 4) сбережения употребляемого государством насилия и др. К равновесию взывает, наряду с германским Конституционным судом, концептуальная модель, названная её автором «шар терпимости» – (шар Данилова), в соответствии с которой умеренная терпимость должна определять политику противодействия преступности. Нужно, чтобы она всецело преобладала над неумеренными терпимостью и нетерпимостью [7].

Далее надлежит на государственном уровне принять доктрину взаимной увязки и ограничения законодательства о безопасности и Уголовного кодекса – и уж потом на этой весомой основе взяться за кодексы предупреждения преступлений, мер безопасности и, разумеется, за Кодекс об ответственности и ресоциализации несовершеннолетних.

Имея в виду косность законодателя, кто скажет: идея ППП, конечно, хороша, но

утопична и лучше уж синица в руках, чем журавль в небе. Во всяком случае, все три кодекса нужно готовить с учётом желательного построения в будущем единого законодательства о противодействии преступности.

Криминология закона или наука криминологического права? Криминология закона в качестве отрасли преступноведения при поддержке известных преступноведов [6] ещё только-только утверждается. К её предмету относятся, в частности, общие проблемы кодификации законодательства криминологического, безопасности, а также о ресоциализации и ответственности несовершеннолетних. Ставя вопрос о возможном возникновении науки криминологического права, как это делает В.Н. Орлов, имеет смысл названную предполагаемую в будущем самостоятельную науку сопоставить с уже существующей отраслью криминологии закона.

С кем нам по пути? Последовательное осмысление грядущего ППП весьма желательно вести, сотрудничая с Н.В. Щедриным, имея в виду его давнюю плодотворную работу в области мер безопасности [33]. Обращу внимание также на исследования Д.Ю. Гончарова, защитившего докторскую диссертацию «Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности».

Следуя, хотя пока и не всегда осознанно, руслом отечественной криминологии закона, Гончаров подключился к обсуждению проблемы законодательства о противодействии преступности и по-своему очертил предмет его регулирования. Его набросок заслуживает внимания [5]. К сожалению, в отличие от Щедрина, этот автор всё ещё не замечает проблемы неправо безопасности (Sicherheitsunrecht).⁵ Этот пробел ему необходимо восполнить.

В итоге скажу, что разработку Кодекса предупреждения преступлений рассматриваю в качестве важной составляющей части грядущего единого права противодействия преступности.

⁵ Буквально: неправо безопасности (нем.).

Схема № 1. Модель единого законодательства о противодействии преступности

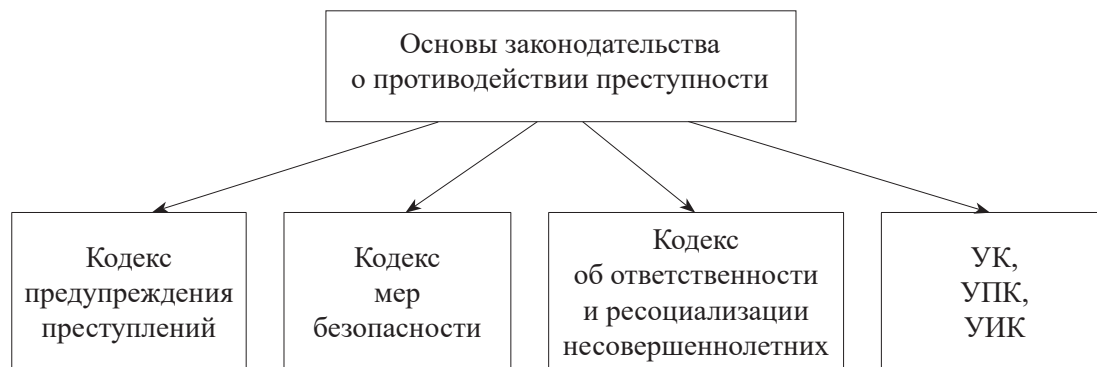

Схема № 2. Законодательство о противодействии преступности – между свободой и безопасностью

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Albrecht H.-J.* Freiheit und Innere Sicherheit? // *Sicherheitsforschung im Dialog. Beiträge aus dem Forschungsforum Öffentliche Sicherheit.* Hrsg. S. Steiger, J. Schiller, L. Gerhold. Peter Lang Edition, Frankfurt a. M., 2015.
2. *Аванесов Г.А.* Криминология и социальная профилактика. М., 1980.
3. *Бурлаков В.Н., Гилинский Я.И., Шестаков Д.А.* Преподавание криминологии в современных условиях // *Вестн. СПбГУ.* 1996. Сер. 6, вып. 3. С. 12–25.
4. *Бурлаков В.Н., Шестаков Д.А.* Предупреждение насилия в семье и его законодательное регулирование // *Вестник СПбГУ,* 1996, сер. 6, вып. 1.
5. *Гончаров Д.Ю.* Межотраслевые взаимосвязи в законодательстве о противодействии преступности. М.: Изд-во «Юрлитинформ». 2014.
6. *Горшенков Г.Н.* Криминология закона как правозащитный принцип учёного (О книге Д.А. Шестакова «Введение в криминологию закона» // *Криминология: вчера, сегодня, завтра,* 2012. № 2 (25). С. 29–38.
7. *Данилов А.П.* Преступноведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2015. № 4 (39). С. 27–30.
8. *Дикаев С.У.* Право безопасности и доктрина информационной безопасности России // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2017. № 1 (44). С. 37–39.

9. *Комарницкий А.В.* Основы ювенального права. СПб.: СПБивЭСЭП, 2011.
10. *Костыря Е.А.* Внутрисемейное преступное поведение женщин в контексте проблем семейной криминологии: дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 1999.
11. Криминология, учебное пособие (программа курса, план и тезисы лекций, вопросы к зачётам и экзаменам, практикум / Под ред. лауреата Государственной премии СССР, профессора Н.Ф. Кузнецовой. М.: Зерцало, ТЕИС, 1996.
12. *Лукичёв О.В.* Некоторые проблемы социальной патологии современной семьи, детства и молодёжи // Преступность и профилактика девиантного поведения молодёжи: материалы межвузовской научно-практической конференции / под ред. П. П. Баранова, Д. А. Корецкого, В.Н. Королёвой, В.Н. Перекрёстова. Ростов-на-Дону, 1996.
13. *Лунеев В.В.* К Проекту Закона «О предупреждении преступности» // Государство и право. 1996. № 1. С. 38–48.
14. *Милоков С.Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000.
15. *Миндагулов А.Х.* Концепция Закона о профилактике преступлений // Формирование правового государства и совершенствование деятельности органов внутренних дел. Сборник научных трудов. Хабаровск: Изд-во ВШ МВД СССР, 1991. С. 128–139.
16. *Устинов В.С.* Проект основ законодательства Союза ССР и республик о профилактике правонарушений. Горький, 1990.
17. *Харламов В.С.* Отечественный и зарубежный опыт противодействия криминальному насилию в семье. СПб.: Филиал ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Северо-Западному федеральному округу, 2014.
18. *Чураков А.В.* Законодательство о противодействии семейному насилию: предпосылки, теория, разработка в России, Грузии, Кыргызстане, Украине / Науч. ред. Д.А. Шестаков. СПб., 2014.
19. *Чураков А.В.* Правовая регламентация противодействия семейному насилию на постсоветском пространстве // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2008. № 1 (14). С. 245–270.
20. *Шестаков Д.А.* Введение в криминологию семейных отношений. Л.: ЛГУ, 1980.
21. *Шестаков Д.А.* Введение в криминологию закона. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011.
22. *Шестаков Д.А.* Законодательная регламентация предупреждения насилия в семье // Преступность и закон. Тезисы конференции. М.: Криминологическая Ассоциация, Академия МВД СССР, 1996. С. 96–97.
23. *Шестаков Д.А.* Законодательная регламентация предупреждения насилия в семье // Criminological Situation and Security in Society. First International Social Deviant Behavior Symposium of the Black Sea Countries. Chinau, 9–11 November, 1995. С. 128–130.
24. *Шестаков Д.А.* Законодательное регулирование контроля преступности: критика российского опыта // Теоретическое и правовое обеспечение реформы в сфере борьбы с преступностью в Республике Беларусь. Материалы международной научно-практической конференции. Минск, 1999. С. 159–162.
25. *Шестаков Д.А.* Контроль преступности и криминологическое законодательство // Организованная преступность, уголовно-правовые и криминологические проблемы. Отв. ред. М.Г. Миненок. Калининград, 1999. С. 11–23.
26. *Шестаков Д.А.* Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 47–50.
27. *Шестаков Д.А.* Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского госуниверситета, «Лань», 2001.
28. *Шестаков Д.А.* Постлиберальная парадигма и право противодействия преступности // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования. Коллективная монография // Ответствен. ред. д.ю.н. А.Е. Мизанбаев. Костанай, 2012.
29. *Шестаков Д.А.* Семейная криминология (криминофамилистика). СПб., 2-е издание, переработанное и дополненное. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003.
30. *Шестаков Д.А.* Семейная криминология. Семья – конфликт – преступление. СПб.: Изд-во СПб ГУ, 1996.
31. *Шестаков Д.А.* Семейные суды – перспектива правосудия в отношении несовершеннолетних // Предупреждение преступности. Казахстанская криминологическая ассоциация. Юридический журнал. 2004. № 1 (7). С. 28–30.
32. *Шестаков Д.А.* Супружеское убийство как общественная проблема. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.
33. *Щедрин Н.В.* Введение в правовую теорию мер безопасности: Монография. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1999.

REFERENCES

1. *Albrecht H.-J.* Freiheit und Innere Sicherheit? // Sicherheitsforschung im Dialog. Beiträge aus dem Forschungsforum Öffentliche Sicherheit. Hrsg. S. Steiger, J. Schiller, L. Gerhold. Peter Lang Edition, Frankfurt a. M., 2015.
2. *Avanesov G.A.* Kriminologiya i sotsialnaya profilaktika. [Criminology and social prevention]. M., 1980.
3. *Burlakov V.N., Gilinskiy Y.I., Shestakov D.A.* Prepodavanie kriminologii v sovremennykh usloviyakh. [Teaching criminology in modern conditions]. *Vestn. SPbGU – Bulletin of St. Petersburg State University*. 1996, ser. 6, vol. 3, pp. 12–25.
4. *Burlakov V.N., Shestakov D.A.* Preduprezhdenie nasiliya v semye i ego zakonodatelnoe regulirovanie. [Prevention of domestic violence and its legislative regulation]. *Vestnik SPbGU – Bulletin of St. Petersburg State University*. 1996, ser. 6, vol. 1.
5. *Goncharov D.Y.* Mezhotraslevye vzaimosvyazi v zakonodatelstve o protivodeystvii prestupnosti. [Interbranch connections in the law on combating crime]. M.: Izd-vo «Yurlitinform», 2014.
6. *Gorshenkov G.N.* Kriminologiya zakona kak pravozashchitnyy printsip uchenogo (O knige D.A. Shestakova «Vvedenie v kriminologiyu zakona»). [Criminology of law as a human rights principle of a scholar (on D.A. Shestakov's book «Introduction to the criminology of law»)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 2 (25), pp. 29–38.
7. *Danilov A.P.* Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpimosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti). [Criminological theory of tolerance]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2015, no. 4 (39), pp. 27–30.
8. *Dikaev S.U.* Pravo bezopasnosti i doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossii. [Security law and the Russian doctrine of information security]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 1 (44), pp. 37–39.
9. *Komarnitskiy A.V.* Osnovy yuvenalnogo prava. [Fundamentals of juvenile law]. SPb.: SPbIVESEP, 2011.
10. *Kostyrya E.A.* Vnutrisemeynoe prestupnoe povedenie zhenshchin v kontekste problem semeynoy kriminologii: dis. ...kand. jurid. nauk. [Domestic criminal behavior of women in the context of problems of family criminology]. SPb., 1999.
11. Kriminologiya, uchebnoe posobie (programma kursa, plan i tezisy lektsiy, voprosy k zacetam i ekzamenam, praktikum). [Criminology, a textbook (course program, plan and theses of lectures, questions to tests and exams, practical work)]. Pod red. laureata Gosudarstvennoy premii SSSR, professora N.F. Kuznetsovoy. M.: Zertsalo, TEIS, 1996.
12. *Lukichev O.V.* Nekotorye problemy sotsialnoy patologii sovremennoy sem'i, detstva i molodezhi. [Some problems of social pathology of the modern family, childhood and youth]. Prestupnost i profilaktika deviantnogo povedeniya molodezhi: materialy mezhdvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, pod red. P.P. Baranova, D.A. Koretskogo, V.N. Korolevoy, V.N. Perekrestova. Rostov-na-Donu. 1996.
13. *Luneev V.V.* K Proektu Zakona «O preduprezhdenii prestupnosti». [To the Draft Law «On Crime Prevention»]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 1996, no. 1, pp. 38–48.
14. *Milyukov S.F.* Rossiyskoe ugovolnoe zakonodatelstvo: opyt kriticheskogo analiza. [Russian criminal legislation: the experience of critical analysis]. SPb., 2000.
15. *Mindagulov A.H.* Kontseptsiya Zakona o profilaktike prestupleniy. [The concept of the crime prevention law]. Formirovanie pravovogo gosudarstva i sovershenstvovanie deyatel'nosti organov vnutrennikh del. Sbornik nauchnykh trudov. Khabarovsk: Izd-vo VSh MVD SSSR. 1991, pp. 128–139.
16. *Ustinov V.S.* Proekt osnov zakonodatelstva Soyuza SSR i respublik o profilaktike pravonarusheniy. [Draft framework for the legislation of the USSR and republics on the prevention of offences]. Gorkiy, 1990.
17. *Kharlamov V.S.* Otechestvenniy i zarubezhniy opyt protivodeystviya kriminalnomu nasiliyu v semye. [Domestic and foreign experience of counteraction to criminal domestic violence]. SPb.: Filial FGKU «VNI MVD Rossii» po Severo-Zapadnomu federalnomu okragu, 2014.
18. *Churakov A.V.* Zakonodatelstvo o protivodeystvii semeynomu nasiliyu: predposylki, teoriya, razrabotka v Rossii, Gruzii, Kyrgyzstane, Ukraine. [Legislation on counteraction to domestic violence: background, theory, development in Russia, Georgia, Kyrgyzstan, Ukraine]. Nauch. red. D.A. Shestakov. SPb., 2014.
19. *Churakov A.V.* Pravovaya reglamentatsiya protivodeystviya semeynomu nasiliyu na postsovet'skom prostranstve. [Legal regulation of counteraction to family violence in the post-Soviet space]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2008, no. 1 (14), pp. 245–270.
20. *Shestakov D.A.* Vvedenie v kriminologiyu semeynykh otnosheniy. [Introduction to criminology of family relations]. L.: LGU, 1980.
21. *Shestakov D.A.* Vvedenie v kriminologiyu zakona. [Introduction to criminology of law]. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2011.

22. *Shestakov D.A.* Zakonodatel'naya reglamentatsiya preduprezhdeniya nasiliya v semye. [Legislative regulation of the prevention of domestic violence]. *Prestupnost i zakon. Tezisy konferentsii*. M.: Kriminologicheskaya Assotsiatsiya, Akademiya MVD SSSR, 1996, pp. 96–97.
23. *Shestakov D.A.* Zakonodatel'naya reglamentatsiya preduprezhdeniya nasiliya v semye. [Legislative regulation of the prevention of domestic violence]. *Criminological Situation and Security in Society. First International Social Deviant Behavior Symposium of the Black Sea Countries*. Chianau, 9–11 November, 1995, pp. 128–130.
24. *Shestakov D.A.* Zakonodatel'noe regulirovanie kontrolya prestupnosti: kritika rossiyskogo opyta. [Legislative regulation of crime control: criticism of the Russian experience]. *Teoreticheskoe i pravovoe obespechenie reformy v sfere borby s prestupnostyu v respublike Belarus. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Minsk, 1999, pp. 159–162.
25. *Shestakov D.A.* Kontrol prestupnosti i kriminologicheskoe zakonodatel'stvo. [Crime control and criminological legislation]. *Organizovannaya prestupnost, ugovovno-pravovye i kriminologicheskie problemy – Organized crime, legal and criminological problems*. *Otv. red. M.G. Minenok*. Kaliningrad, 1999, pp. 11–23.
26. *Shestakov D.A.* Kriminologicheskoe zakonodatel'stvo i pravo protivodeystviya prestupnosti. [Criminological legislation and right to crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2013, no. 1 (28), p. 47–50.
27. *Shestakov D.A.* Kriminologiya: prestupnost kak svoystvo obshchestva. *Kratkiy kurs*. [Criminology: crime as a social trait]. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosuniversiteta, «Lan», 2001.
28. *Shestakov D.A.* Postliberal'naya paradigma i pravo protivodeystviya prestupnosti. *Pravotvorcheskie i pravoprimenitelnye paradigmy rekonstruktsii ugovovnogo zakonodatel'stva: natsionalniy i mezhdunarodniy opyt modelirovaniya*. [Post-liberal paradigm and right to combating crime. Law-making and law enforcement paradigms of legislation reconstruction: national and international models]. *Kollektivnaya monografiya*. *Otvetstven. red. d.y.n. A.E. Mizanbaev*. Kostanay, 2012.
29. *Shestakov D.A.* Semeynaya kriminologiya (kriminofamilistika). [Family criminology (kriminofamilistics)]. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. SPb.: «Yuridicheskii tsentr Press», 2003.
30. *Shestakov D.A.* Semeynaya kriminologiya. *Semya – konflikt – prestuplenie*. [Family Criminology. Family – conflict – crime]. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1996.
31. *Shestakov D.A.* Semeynye sudy – perspektiva pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh. [Family courts – the prospect of juvenile justice]. *Preduprezhdenie prestupnosti. Kazakhstanskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya. Yuridicheskii zhurnal – Prevention of Crime. Kazakhstan Criminological Association. Juridical journal*. 2004, no. 1 (7), pp. 28–30.
32. *Shestakov D.A.* Supruzheskoe ubiystvo kak obshchestvennaya problema. [Marriage murder as a social problem]. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1992.
33. *Shchedrin N.V.* Vvedenie v pravovuyu teoriyu mer bezopasnosti: Monografiya. [Introduction to the legal theory of security measures: Monograph]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. gos. un-ta, 1999.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Анатольевич Шестаков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, соучредитель, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий криминологической лабораторией Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: shestadi@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitriy Anatolievich Shestakov – Doctor of Laws, professor; honoured scientist of the Russian Federation, co-founder, president of Saint-Petersburg International Criminology Club, head of the Laboratory of criminological at Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: shestadi@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

П.А. Кабанов

О КОДИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: РАССУЖДЕНИЯ ПО СЛУЧАЮ

Аннотация: Для глубинного преобразования современного российского криминологического законодательства – его кодификации – требуется длительный подготовительный период, огромный объем научных исследований по мониторингу исполнения действующего криминологического законодательства и оценке качества его применения.

Ключевые слова: криминология закона; криминологическое законодательство; право противодействия преступности.

P.A. Kabanov

ON THE CODIFICATION OF THE RUSSIAN CRIMINOLOGICAL LEGISLATION: REFLECTIONS ON THE OCCASION

Summary: Deep reformation of modern Russian criminological legislation (its codification) requires a long preparatory period and a huge amount of scientific research on monitoring the implementation of the current criminological legislation and assessing the quality of its application.

Key words: criminology of law; criminological legislation; law of counteracting crime.

Кодификация криминологического законодательства как высшая форма его систематизации требует значительного объема научно-исследовательской работы. О её необходимости отечественными специалистами говорится уже давно. Ещё в СССР разрабатывались концепции криминологического кодифицированного законодательства [14] и предлагались к принятию проекты кодифицированных законов о профилактике правонарушений [19].

О необходимости кодификации современного криминологического законодательства говорит и тот факт, что в Российской империи такое законодательство существовало [17]. В последующем вопросы о необходимости принятия федерального криминологического законодательства поднимались отечественными криминологами неоднократно [2; 18], в том числе президентом Санкт-Петербургского международного криминологического клуба Д.А. Шестаковым [27], который и ввёл в научный оборот категорию «криминологическое законодательство» [3].

Этот термин, получивший научную поддержку, сейчас активно используется рос-

сийскими и зарубежными специалистами. Хотя отдельные исследователи именуют его «законодательством о предупреждении преступлений» [4], «предупредительным законодательством» [16], «законодательством о противодействии преступности» [5]. В связи с бурным развитием российского криминологического законодательства высказываются суждения о том, что оно подлежит исследованию в рамках самостоятельного направления – криминологистики [12].

Выполненная отечественными криминологами работа принесла свои плоды: летом 2016 года был принят кодифицированный акт – Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [22], который является базовым для всего российского криминологического законодательства. Проект этого закона длительное время публично обсуждался, в том числе и специалистами в области криминологии, высказывались обоснованные замечания и предложения по его совершенствованию. Заявленных ранее предложений по содержанию проекта закона оказалось не достаточно

и критика отдельных положений уже принятого закона со стороны специалистов интенсивно продолжается [13; 15].

Следует отметить, что принятие базового федерального криминологического закона не повлияло на действующее федеральное специальное или отраслевое криминологическое законодательство о противодействии отдельным видам противоправного поведения (терроризму [20], экстремизму [24], коррупции [25], отмыванию преступных доходов [21], преступлениям несовершеннолетних [23] и другим [26]).

Вместе с тем, вступление в действие базового федерального криминологического закона повлияло на изменение базового регионального криминологического законодательства, в которое были внесены необходимые изменения и дополнения, а в отдельных случаях произошла отмена старого криминологического законодательства и принятие нового, соответствующего требованиям федерального законодательства. Среди таких субъектов РФ, где произошла замена регионального криминологического законодательства, оказался город федерального значения Санкт-Петербург, в котором в феврале 2018 года был принят новый региональный закон «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» [11], пришедший на смену предыдущему, прослужившему более 10 лет [10].

На сегодняшний день в субъектах РФ приняты законодательными (представительными) органами государственной власти и действуют 56 региональных базовых криминологических законов, регулирующих вопросы профилактики правонарушений. В арсенале регионов находится несколько сотен отраслевых законов о противодействии отдельным видам противоправного поведения (терроризму, коррупции, экстремизму, противоправному поведению несовершеннолетних и др.). Достаточно посмотреть на подготовленный нами летом 2017 года сборник антикоррупционного законодательства субъектов Российской Федерации объёмом 1120 страниц [1], чтобы понять, насколько значительны

объёмы регионального отраслевого криминологического законодательства.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что в субъектах РФ существует несколько видов регионального инструментального криминологического законодательства, регулирующего вопросы криминологического планирования и программирования [8; 9], государственного стимулирования криминологической практики [7], а также организации деятельности отдельных субъектов противодействия преступности [6].

Очевидно, что действующее российское криминологическое законодательство интенсивно развивается не только на федеральном, но и на региональном уровне. Оно постоянно формируется в единую взаимосвязанную, взаимозависимую и взаимодополняемую двухуровневую систему российского криминологического законодательства. Под воздействием различных по своей природе объективных причин российское криминологическое законодательство будет совершенствоваться (изменяться и дополняться). От криминологического сообщества необходимо только одно – оказывать посильную помощь в совершенствовании этой системы.

Для глубинного преобразования современного российского криминологического законодательства – его кодификации – требуется длительный подготовительный период, огромный объём научных исследований по мониторингу исполнения действующего криминологического законодательства и оценке качества его применения. Однако это не препятствует созданию теоретической модели Криминологического кодекса РФ и возможности его принятия в очень отдалённой перспективе: через 25–30 лет на благо новым поколениям россиян.

Поэтому попытку нашего московского коллеги Владислава Николаевича Орлова, представившего своё видение теоретической модели этого кодекса, следует признать удачной, перспективной и требующей поддержки криминологического сообщества. Возможно, данный проект найдёт сподвижников, которые займутся активным исследованием права противодействия преступности.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антикоррупционное законодательство субъектов Российской Федерации: сборник нормативных актов / Отв. ред. В.М. Баранов. М.: Проспект, 2017.
2. *Барينوва Л.В., Миньковский Г.М., Ревин В.П.* Концепция проекта Федерального закона «Об основах предупреждения преступлений» // Государство и право. 1998. № 3. С. 43–49.
3. *Бурлаков В.Н., Гилинский Я.И., Шестаков Д.А.* Преподавание криминологии в современных условиях // Вестник СПбГУ. 1996. Сер. 6, вып. 3. С. 12–25.
4. *Гончаров Д.Ю.* Законодательство о предупреждении преступлений // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 51–57.
5. *Гончаров Д.Ю.* Институты законодательства о противодействии преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2. С. 28–34.
6. Закон Курской области от 14.08.2006 № 55-ЗКО «Об общественных советах профилактики правонарушений в Курской области» // Курская правда. – 2006. – 29 августа.
7. Закон Пензенской области от 30.04.2009 № 1722-ЗПО «Об учреждении награды Пензенской области – почётного знака Пензенской области “За отличие в профилактике правонарушений на территории Пензенской области”» // Пензенские губернские ведомости. – 2009. – 7 мая.
8. Закон Республики Ингушетия от 31.12.2007 № 59-РЗ «Об утверждении республиканской целевой Программы “Профилактика правонарушений в Республике Ингушетия на 2008–2011 годы”» // Ингушетия. – 2008. – 22 января.
9. Закон Республики Татарстан от 12.01.2007 № 6-ЗРТ «Об утверждении Комплексной программы по профилактике правонарушений в Республике Татарстан на 2007–2010 годы» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2007. – № 1 (I часть). – Ст. 7.
10. Закон Санкт-Петербурга от 04.06.2007 № 230-42 «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» // Санкт-Петербургские ведомости. – 2007. – 19 июня.
11. Закон Санкт-Петербурга от 19.03.2018 № 124-26 «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга: <http://www.gov.spb.ru>, 20.03.2018.
12. *Зикеев В.А.* Криминологистика – направление криминологии о нормативно-правовых основаниях противодействия преступности // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 97–101.
13. *Каширина О.Н.* К вопросу о доктринальной состоятельности нового закона о профилактике правонарушений // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4 (43). С. 73–77.
14. *Миндагулов А.Х.* Концепция Закона о профилактике преступлений // Формирование правового государства и совершенствование деятельности органов внутренних дел. Сборник научных трудов. Хабаровск: Изд-во ВШ МВД СССР, 1991. С. 128–139.
15. *Миронов А.Н.* О правовых коллизиях в положениях Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 132–135.
16. *Пудовочкин Ю.Е.* Предупредительное законодательство как предмет криминологии // Безопасность личности и виктимологические проблемы предупреждения преступлений. М., 2007. Ч. 2. С. 35–38.
17. Свод Уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. 1885. Ч. 2. Т. 14.
18. *Устинов В.С.* Концепция Закона о профилактике преступлений // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. С. 83–85.
19. *Устинов В.С.* Проект основ законодательства Союза ССР и республик о профилактике правонарушений. Горький, 1990.
20. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
21. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3418.
22. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3851.
23. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
24. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
25. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

26. Федеральный закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4193.

27. Шестаков Д.А. Законодательное регулирование контроля преступности: критика российского опыта // Теоретическое и правовое обеспечение реформы в сфере борьбы с преступностью в Республике Беларусь. Материалы международной научно-практической конференции. Минск, 1999. С. 159–162.

REFERENCES

1. Antikorrupsionnoe zakonodatelstvo subyektov Rossiyskoy Federatsii: sbornik normativnykh aktov. [Anticorruption legislation of the subjects of the Russian Federation: a collection of legal acts]. Otv. red. V.M. Baranov. M.: Prospekt, 2017.

2. Barinova L.V., Minkovskiy G.M., Revin V.P. Kontsepsiya proekta Federalnogo zakona «Ob osnovakh preduprezhdeniya prestupleniy». [The concept of the Draft Federal Law «On the basics of crime prevention»]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 1998, no. 3, pp. 43–49.

3. Burlakov V.N., Gilinskiy Y.I., Shestakov D.A. Prepodavanie kriminologii v sovremennykh usloviyakh. [Teaching criminology in modern conditions]. *Vestnik SPbGU – Bulletin of St. Petersburg State University*. 1996, ser. 6, vol. 3, pp. 12–25.

4. Goncharov D.Y. Zakonodatelstvo o preduprezhdenii prestupleniy. [Legislation on crime prevention]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2013, no. 1 (28), p. 51–57.

5. Goncharov D.Y. Instituty zakonodatelstva o protivodeystvii prestupnosti. [Institutes of legislation on combating crime]. *Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2012, no. 2, pp. 28–34.

6. Zakon Kurskoy oblasti ot 14.08.2006 № 55-ZKO «Ob Obshchestvennykh sovetakh profilaktiki pravonarusheniy v Kurskoy oblasti». [Law of the Kursk Region No. 55-ZKO of 14.08.2006 «On public councils for the prevention of offenses in the Kursk Region»]. *Kurskaya pravda*. 2006, August 29.

7. Zakon Penzenskoy oblasti ot 30.04.2009 № 1722-ZPO «Ob uchrezhdenii nagrody Penzenskoy oblasti – pochetnogo znaka Penzenskoy oblasti «Za otlichie v profilaktike pravonarusheniy na territorii Penzenskoy oblasti». [Law of the Penza Region No. 1722-ZPO of 30.04.2009 «On the establishment of the award of the Penza Region – an honorary sign of the Penza region “For the excellent work in the prevention of violations in the territory of the Penza Region”»]. *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 2009, May 7.

8. Zakon Respubliki Ingushetiya ot 31.12.2007 № 59-RZ «Ob utverzhdenii respublikanskoj tselevoy Programmy «Profilaktika pravonarusheniy v Respublike Ingushetiya na 2008–2011 gody»». [Law of the Republic of Ingushetia No. 59-RZ of 31.12.2007 «On approval of the Republican Target Program “Prevention of offenses in the Republic of Ingushetia for 2008–2011”»]. *Ingushetia*. 2008, January 22.

9. Zakon Respubliki Tatarstan ot 12.01.2007 № 6-ZRT «Ob utverzhdenii Kompleksnoy programmy po profilaktike pravonarusheniy v Respublike Tatarstan na 2007–2010 gody». [Law of the Republic of Tatarstan No. 6-ZRT of 12.01.2007 «On approval of the Comprehensive Program for the prevention of offenses in the Republic of Tatarstan for 2007–2010»]. *Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Tatarstana*. 2007, no. 1 (part I), st. 7.

10. Zakon Sankt-Peterburga ot 04.06.2007 № 230-42 «O profilaktike pravonarusheniy v Sankt-Peterburge». [Law of St. Petersburg No. 230-42 of 04.06.2007 «On the prevention of offenses in St. Petersburg»]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 2007, June 19.

11. Zakon Sankt-Peterburga ot 19.03.2018 № 124-26 «O profilaktike pravonarusheniy v Sankt-Peterburge». [The Law of St. Petersburg No. 124-26 of 19.03.2018 «On the Prevention of Offenses in St. Petersburg»]. *Ofitsialniy sayt Administratsii Sankt-Peterburga – Official website of the Administration of St. Petersburg*. URL: <http://www.gov.spb.ru> (date of submission: 20.03.2018).

12. Zikeev V.A. Kriminologiya – napravlenie kriminologii o normativno-pravovykh osnovaniyakh protivodeystviya prestupnosti. [Criminologistics – the direction of criminology on the legal framework for counteracting crime]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 2017, no. 3 (61), pp. 97–101.

13. Kashirina O.N. K voprosu o doktrinalnoy sostoyatelnosti novogo zakona o profilaktike pravonarusheniy. [On the question of doctrinal consistency of the new Prevention of Crime Act]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2016, no. 4 (43), p. 73–77.

14. Mindagulov A.H. Kontsepsiya Zakona o profilaktike prestupleniy. [The concept of the Crime Prevention Act]. *Formirovanie pravovogo gosudarstva i sovershenstvovanie deyatelnosti organov vnutrennikh del*. Sbornik nauchnykh trudov. Khabarovsk: Izd-vo VSH MVD SSSR, 1991, pp. 128–139.

15. Mironov A.N. O pravovykh kolliziyakh v polozheniyakh Federalnogo zakona «Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii». [On legal collisions in the provisions of the Federal Law

«On the basics of the prevention of offenses in the Russian Federation»). *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017, no. 3 (43), pp. 132–135.

16. *Pudovochkin Y.E.* Predupreditelnoe zakonodatelstvo kak predmet kriminologii. [Preventive legislation as a subject of criminology]. *Bezopasnost lichnosti i viktimologicheskie problemy preduprezhdeniya prestupleniy – Personal security and victimological problems of crime prevention*. M., 2007, part 2, pp. 35–38.

17. *Svod Ustavov o preduprezhdenii i presechenii prestupleniy*. [Code of Statutes on the prevention and suppression of crimes]. *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii*. 1885, part 2, vol. 14.

18. *Ustinov V.S.* Kontsepsiya Zakona o profilaktike prestupleniy. Reagirovanie na prestupnost: kontsepsiya, zakon, praktika [The concept of the Crime Prevention Act. Reacting to crime: concepts, law, practice]. M.: Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya. 2002, pp. 83–85.

19. *Ustinov V.S.* Proekt osnov zakonodatelstva Soyuzu SSR i respublik o profilaktike pravonarusheniy. [Draft framework for the legislation of the USSR and republics on the prevention of violations]. Gorkiy, 1990.

20. Federalnyy zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ «O protivodeystvii terrorizmu». [Federal Law No. 35-FZ of 06.03.2006 «On counteracting terrorism»]. *SZ RF*. 2006, no. 11, st. 1146.

21. Federalnyy zakon ot 07.08.2001 № 115-FZ «O protivodeystvii legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma». [Federal Law No. 115-FZ of 07.08.2001 «On counteracting the legalization (laundering) of income from criminal activity and financing of terrorism»]. *SZ RF*. 2001, no. 33 (part 1), st. 3418.

22. Federalnyy zakon ot 23.06.2016 № 182-FZ «Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii». [Federal Law No. 182-FZ of 23.06.2016 «On the basics of the system of prevention of offenses in the Russian Federation»]. *SZ RF*. 2016, no. 26 (part 1), st. 3851.

23. Federalnyy zakon ot 24.06.1999 № 120-FZ «Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh». [Federal Law No. 120-FZ of 24.06.1999 «On the basics of the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency»]. *SZ RF*. 1999, no. 26, st. 3177.

24. Federalnyy zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ «O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti». [Federal Law No. 114-FZ of 25.07.2002 «On counteracting extremist activity»]. *SZ RF*. 2002, no. 30, st. 3031.

25. Federalnyy zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ «O protivodeystvii korruptsii». [Federal Law No. 273-FZ of 25.12.2008 «On counteracting corruption»]. *SZ RF*. 2008, no. 52 (part 1), st. 6228.

26. Federalnyy zakon ot 27.07.2010 № 224-FZ «O protivodeystvii nepravomernomu ispolzovaniyu insayderskoy informatsii i manipulirovaniyu rynkom i o vnesenii izmeneniy v otdelnye zakonodatelnye akty Rossiyskoy Federatsii». [Federal Law No. 224-FZ of 27.07.2010 «On counteracting the illegal use of insider information and market manipulation and on amending certain legislative acts of the Russian Federation»]. *SZ RF*. 2010, no. 31, st. 4193.

27. *Shestakov D.A.* Zakonodatelnoe regulirovanie kontrolya prestupnosti: kritika rossiyskogo opyta. [Legislative regulation of crime control: criticism of the Russian experience]. *Teoreticheskoe i pravovoe obespechenie reformy v sfere borby s prestupnostyu v respublike Belarus. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Minsk, 1999, pp. 159–162.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Павел Александрович Кабанов – доктор юридических наук, доцент, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России (Нижний Новгород, Россия).

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Pavel Aleksandrovich Kabanov – Doctor of Laws, associate professor, member of the St. Petersburg International Criminology Club, professor of the department of criminology of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Nizhny Novgorod, Russia).

УДК 343.9
ББК 67.51

Н.А. Крайнова

О ПРИНЦИПАХ ЕДИНОГО ПРАВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация: Целесообразно оформление норм, регламентирующих правоотношения в сфере противодействия преступности, в рамки кодифицированного нормативно-правового акта.

Ключевые слова: право противодействия преступности; принципы; криминологическое законодательство.

N.A. Krainova

ON THE PRINCIPLES OF THE UNIFIED LAW OF COUNTERACTING CRIME

Summary: It is advisable to formalize the norms regulating legal relations in the sphere of combating crime, within the framework of a codified legal act.

Key words: law of counteracting crime; principles; criminological legislation.

Вопрос о формировании единого права противодействия преступности не является сиюминутным и не относится к вопросам исключительно дня сегодняшнего. Необходимость разработки стратегии и тактики противодействия преступности уже достаточно длительный период времени является предметом дискуссий на самых разных научных площадках.

Вопросы о понятии и системе криминологического законодательства были подняты на беседе Санкт-Петербургского международного криминологического клуба в 1996 году, на которой Д.А. Шестаков в своём докладе сообщил о введении понятия «криминологическое законодательство», употребляемого в широком и узком смысле слова.

«Криминологическое законодательство в широком смысле трактуется как состоящее из двух разделов: уголовно-правового, включающего в себя нормы материального, процессуального и исполнительного права, а также из собственно криминологического. Собственно криминологическое законодательство составляет нормативную основу социального контроля за преступностью в той его части, которая не связана с применением уголовной репрессии... оно складывается из нормативных актов: 1) определяющих криминологическую политику, 2) направленных на ресоциализацию криминогенных слоёв населения,

3) специально предупреждающих правонарушения несовершеннолетних и молодёжи, 4) обеспечивающих помощь жертвам преступлений (виктимологическое законодательство), 5) регламентирующих деятельность субъектов социального контроля за преступностью» [1].

Таким образом, был констатирован определённый отправной пункт для разработки подходов к формированию права противодействия преступности [3]. В дальнейшем работа в данном направлении продолжилась и, в настоящее время можно говорить не только о существовании общественных отношений в сфере противодействия преступности, но и о возможности их комплексной правовой регламентации.

Актуальность вопроса, предложенного для обсуждения В.Н. Орловым, очевидна и обусловлена необходимостью законодательного закрепления положений о предупреждении преступлений, о котором в данный момент много говорят, но его комплексная правовая регламентация практически отсутствует.

Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» не может в полной мере заполнить созданный правовой вакуум в данной сфере. Безусловно, принятие данного закона является позитивным шагом, свидетельствующим о том, что госу-

дарство и общество осознают необходимость правового регулирования, однако вопрос требует более детальной проработки. Анализ текста указанного закона демонстрирует отсутствие у законодателя чётких представлений о системе противодействия преступности, не просматривается комплексный подход, имеют место погрешности в терминологии.

Прежде чем приступить к исследованию вопроса о разработке криминологического законодательства необходимо определиться с формулировками. Почему именно противодействие преступности? В отношении обозначения реакции государства и общества на преступность используются различные термины: «предупреждение», «борьба», «управление», «социальный контроль», «противодействие». Каждый из них несёт свою смысловую нагрузку. Возможно, между указанными формулировками в определённом контексте можно поставить знак равенства, но, говоря о конкретном правовом регулировании, необходимо оперировать точными понятийными категориями.

Анализируя сущность и инструментальный эффект использования указанных терминов, Д.А. Шестаков обоснованно говорит о предпочтительности употребления термина «противодействие преступности», «который ориентирует не столько на владение информацией о преступности (её созерцание), сколько на активные меры против неё» [4, с. 246].

Разрабатывая основы права противодействия преступности, Д.А. Шестаков совершенно справедливо выделяет среди факторов, влияющих на противодействие преступности в целом, и, в частности, на предупреждение преступлений, направленность общей государственной политики [5, с. 10].

Надеемся, формирование единого права противодействия преступности разрешит спор между так называемыми «широким» и «узким» подходами к определению термина «уголовная политика». Взаимосвязь и взаимообусловленность уголовной политики и противодействия преступности позволяет, на наш взгляд, ставить знак равенства между понятиями «уголовная политика» и «политика в сфере противодействия преступности», хотя такая позиция и подвергается критике в научной литературе [2, с. 18].

Логика рассуждений о едином праве противодействия преступности приводит к со-

поставлению понятий «противодействие преступности» и «право безопасности». Исследование вопросов права безопасности, составляющих его инструментальную часть, мер безопасности, противопреступного потенциала права безопасности в российской уголовно-правовой доктрине проводит в своих трудах Н.В. Щедрин, который выдвигает постулат о необходимости антикриминальной безопасности. Он ратует за смену парадигмы российской уголовной политики в сторону антикриминальной безопасности, и с этим трудно не согласиться [6].

Должны ли меры безопасности входить в единую систему противодействия преступности? Ответим положительно: они должны входить, учитывая специфику субъектного состава и характеристики конкретных мер безопасности, регламентироваться нормами криминологического законодательства на уровне отдельного законодательного акта либо раздела Криминологического кодекса.

Формирование единого права противодействия преступности в соответствии с выработанной государством чёткой линией противодействия (уголовной политикой) преступности должно иметь продуманную логическую составляющую, основанную на правовых принципах. И принципы эти, как представляется, будут едины и для Кодекса предупреждения преступлений, и для Кодекса мер безопасности.

Говоря о принципах права противодействия преступности следует, в первую очередь, определиться с понятийным аппаратом. В данном случае, на наш взгляд, следует придерживаться традиционного подхода к определению принципов, как руководящих начал, основополагающих идей правового регулирования отношений, возникающих в сфере противодействия преступности.

В рамках правового регулирования отношений построение системы правового регулирования осуществляется в соответствии с общеправовыми и специфическими для вида правового регулирования принципами. Проводя исследование вопроса о принципах единого права противодействия преступности, вряд ли следует отказываться от такого достаточно традиционного подхода. Принципы справедливости, законности, гуманизма, комплексности, приоритета прав человека, системности совершенно логично и естественно

лежат в основе правового регулирования отношений в рамках противодействия преступности.

Формулируя специфические для единого права противодействия преступности принципы, следует учитывать особенности состава регулируемых отношений, прежде всего, особенности субъектов воздействия, так как в отношении предмета регулирования можно констатировать некое единообразие в понимании. Предметом регулирования единого права противодействия преступности являются отношения, возникающие в сфере противодействия преступности.

Существующие принципы должны учитывать многосубъектность участников правоотношений в сфере права противодействия преступности, определённую полярность данных субъектов, среди которых и органы государственной власти, и разнообразные структуры гражданского общества.

Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в ст. 5 в качестве субъектов профилактики правонарушений называет только органы государственной власти и органы местного самоуправления, в то время как иные субъекты профилактики именуются в законе «лицами, участвующими в профилактике правонарушений».

Не соглашаясь в принципе с такой позицией законодателя, предложим в новом криминологическом законодательстве относить все указанные категории к субъектам права противодействия преступности. А в качестве специфического принципа единого права противодействия преступности назовём принцип участия в противодействии преступности всех субъектов правоотношений.

К принципам права противодействия преступности следует отнести также принцип приоритета профилактики преступлений и принцип экономии принудительных мер, как соответствующие качественно новому уровню развития государственности. Современная уголовная политика должна быть ориентирована на экономию репрессии. Российский законодатель чрезмерно увлёкся вопросами совершенствования уголовно-правового ре-

гулирования посредством изменения УК РФ, используя инструменты криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации в качестве основного способа воздействия на преступность, в то время как вопросам предупреждения преступлений уделяется чрезвычайно мало внимания.

Принцип социальной обусловленности применения мер профилактики предопределяет взаимосвязь и взаимообусловленность всех социальных процессов. Определяя преступность как свойство общества порождать преступления, следует констатировать эффективность действия противопреступных мер только во взаимосвязи с теми социальными институтами, которые данный вид преступности порождают.

Принцип индивидуализации применения мер безопасности и мер профилактики должен быть также положен в основу правового регулирования, так как необходим учёт не только объективных, но и субъективных особенностей сферы правового воздействия в целях достижения максимального эффекта от применения противопреступных мер.

Д.А. Шестаков в качестве принципов права противодействия преступности определяет такие, как уравнивание отношений в обществе, принцип соразмерности. Указанные принципы вполне логично вписываются в общую систему принципов анализируемой сферы правового регулирования, лежат в основе нерепрессивной парадигмы противопреступной деятельности.

Меры профилактического воздействия, меры безопасности следует конструировать, опираясь на идею баланса общественных отношений и, в то же время, противопреступное воздействие должно быть соразмерным тому негативному социальному явлению, предупреждать которое оно призвано.

Известно, что одним из признаков права является его формальная определённость. Форма права не менее значима, чем его содержание. Оформление норм, регламентирующих правоотношения в сфере противодействия преступности, в рамки кодифицированного нормативно-правового акта целесообразно.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурлаков В.Н., Гилинский Я.И., Шестаков Д.А. Преподавание криминологии в современных условиях // Вестник СПбГУ. 1996. Сер. 6, вып. 3. С. 12–25.
2. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009.
3. Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 47–50.
4. Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
5. Шестаков Д.А. Обусловленность качества профилактической деятельности милиции // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 2 (11).
6. Щедрин Н.В. Ключевые категории антикриминальной безопасности // Криминальные угрозы современности и стратегии антикриминальной безопасности личности, общества и государства (2-е Каиржановские чтения). Часть 1. Алматы: Казак университети, 2012. С. 203–209.

REFERENCES

1. Burlakov V.N., Gilinskiy Y.I., Shestakov D.A. Prepodavanie kriminologii v sovremennykh usloviyakh. [Teaching criminology in modern conditions]. *Vestnik SPbGU – Bulletin of St. Petersburg State University*. 1996, ser. 6, vol. 3, pp. 12–25.
2. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika. [The criminal policy]. M.: Volters Kluver, 2009.
3. Shestakov D.A. Kriminologicheskoe zakonodatelstvo i pravo protivodeystviya prestupnosti. [Criminological legislation and right to crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2013, no. 1 (28), p. 47–50.
4. Shestakov D.A. Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti: Kriminogennye zakony i kriminologicheskoe zakonodatelstvo. Protivodeystvie prestupnosti v izmenyayushchemsya mire: Uchebnik. [Criminology: new approaches to crime. Criminogenic laws and criminological legislation. Counteracting crime in a changing world. A Textbook]. 2-e izd., pererab. i dop. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press», 2006.
5. Shestakov D.A. Obuslovlennost kachestva profilakticheskoy deyatel'nosti militsii. [Conditionality of quality in militia prevention activities]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2006, no. 2 (11).
6. Shchedrin N.V. Klyuchevye kategorii antikriminalnoy bezopasnosti. Kriminalnye ugrozy sovremennosti i strategii antikriminalnoy bezopasnosti lichnosti, obshchestva i gosudarstva. [Key categories of anticriminal security. Criminal threats of our time and strategies of anticriminal security of a person, society and a state]. 2-e Kaizhanovskie chteniya. Chast 1. Almaty: Kazak universiteti, 2012, pp. 203–209.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Надежда Александровна Крайнова – кандидат юридических наук, доцент, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: kna1976@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nadezhda Aleksandrovna Krainova – PhD in Laws, associate professor, member of the St. Petersburg International Criminology Club, dean of the faculty of law of St. Petersburg State Economic University (St. Petersburg, Russia); e-mail: kna1976@rambler.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

А.В. Никуленко

О ЗАДАЧАХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КОДЕКСА

Аннотация: Мы выражаем солидарность с Д.А. Шестаковым, определившим предлагаемый В.Н. Орловым Криминологический кодекс, как Кодекс мер безопасности. В новом Кодексе следует уделить внимание самой системе мер профилактического воздействия, органам, его осуществляющему, их ответственности.

Ключевые слова: Криминологический кодекс; Кодекс мер безопасности; право безопасности; научно-консультативный Совет при Верховном суде РФ.

A.V. Nikulenko

ON THE TASKS OF THE CRIMINOLOGICAL CODE

Summary: We express solidarity with D.A. Shestakov, who defined the proposed by V.N. Orlov Criminological Code as the Code of security measures. The new Code should pay attention to the system of preventive measures, to the bodies that implement it and to their responsibility.

Key words: Criminological Code; Code of security measures; security law; Scientific Advisory Council under the Supreme Court of the Russian Federation.

Прежде чем приступить к созданию принципиально новой законодательной базы, на наш взгляд, необходимо ответить на множество вопросов, в том числе на такой: «Какие задачи призвана решить предлагаемая новация?».

Очевидно, В.Н. Орлов предлагает принять концептуальный кодекс, направленный на противодействие преступности, объединив в нём ряд законов: «1) о противодействии терроризму; 2) о противодействии экстремистской деятельности; 3) о противодействии наркотизму; 4) о противодействии коррупции; 5) о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма; 6) о противодействии рецидиву преступлений и т.д.».

В этот перечень можно добавить и полицейское законодательство (Федеральный закон «О полиции»), а также Федеральный закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Причём в последнем в статье 4 («Органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») определены органы, входящие в систему профилактики: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, федеральные органы государственной власти и органы государствен-

ной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, органы опеки и попечительства, органы по делам молодёжи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции).

«У семи нянек дитя без глаза». Вряд ли можно согласиться с предложением В.Н. Орлова о создании нового органа (ведомства, федеральной службы, департамента, главного управления и т.п.), осуществляющего меры предупредительного воздействия. Скорее всего, следует разграничить полномочия между имеющимися министерствами и федеральными службами, при этом наделив их соответствующими полномочиями. В противном случае, мы будем лишь постфактум констатировать неудачи в профилактике преступлений.

Мы уже говорили о возможных последствиях изменения законодательства в сфере профилактики семейно-бытового насилия [3]. 8 июня 2015 года в Общественной Палате РФ обсуждали законопроект «О предупреждении и профилактике семейно-бытового насилия».

Нам представляется, что его принятие губительно для семьи и семейных ценностей. Юридически безграмотно выделять правонарушения (преступления) семейно-бытового характера в отдельную категорию. Если имеет место преступление, не важно, в отношении кого оно совершено: супруга или незнакомого лица. Правовой оценки это не меняет (или, по крайней мере, не должно менять). Основатель семейной криминологии Д.А. Шестаков неоднократно писал и говорил о том, что составы внутрисемейных преступлений были бы излишни постольку, поскольку они дублировали бы составы преступлений против личности [6; 7, с. 271–292].

В первую очередь, необходимо задать себе вопросы (и получить на них ответы): «А готовы ли мы к возможному вмешательству органов социальной защиты и/или полиции в семейно-бытовой конфликт? Готовы ли открыть двери своего дома постороннему представителю государства для проверки бытовых условий, наличия еды для ребёнка или престарелого? Готовы ли отказаться от своего права на воспитание детей?».

На наш взгляд, ответ очевиден. А возможными последствиями принятия данного закона может стать только ещё больший кризис семейных отношений, когда любые формы проявления «насилия» будут либо тщательно скрываться, либо подвергаться широкой огласке – в зависимости от умысла и целей «потерпевшей» стороны.

В то же время право безопасности всё больше вторгается в нашу жизнь. Несмотря на официальное снижение числа преступлений в России, да и в мире в целом, безопасней не становится. Нарастающие угрозы со стороны различных террористических и экстремистских организаций требуют от государства всё более жёстких мер, противодействующих указанным проявлениям.

В настоящее время на первый план выходит концепция, получившая название «право безопасности». Проблему «мер безопасности» разрабатывает Д.А. Шестаков. Под ними он понимает «причинение чрезвычайного вреда (лишение жизни, здоровья, свободы, разрушение имущества), не основанное на установленном судом совершении преступления, но решающее задачу устранения угрозы, нависшей над государствами, государством, обществом либо над отдельными людьми» [5,

с. 14]. Вопросами мер безопасности также активно занимается на протяжении уже довольно длительного времени Н.В. Щедрин [8].

Право безопасности предусматривает возможность причинения любого вреда для обеспечения общественной и личной безопасности причинителя вреда. В последнее время мы видим множество примеров уничтожения боевиков, иных опасных преступников. Причём очень часто задерживать их явно никто и не собирался. И ни у надзирающих за законностью органов, ни у подавляющей части населения страны это не вызывает ни малейших вопросов.

О внесудебном способе расправы (правда, не называя его мерой безопасности) в своё время писали Д.А. Корецкий и С.Ф. Милюков [2]. Кроме того, право на причинение вреда прямо предоставлено ст. 22 Федерального закона «О противодействии терроризму», ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

О праве безопасности говорят нормы и других федеральных законов, в частности, регламентирующих основания и порядок применения оружия. Что касается сотрудников полиции, то порядок оказания ими силового воздействия на правонарушителей регламентирован Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Следует отметить, что, несмотря на подключение к его разработке ведущих учёных-юристов, учреждений МВД и практиков, а также общественное обсуждение на стадии законопроекта, уже в первый и последующие годы его действия в него пришлось внести целый ряд поправок и дополнений.

Мы выражаем солидарность с Д.А. Шестаковым, определившим предлагаемый В.Н. Орловым Криминологический кодекс, как Кодекс мер безопасности. Не вполне понятно, какие задачи будет призван решить предлагаемый Владиславом Николаевичем Кодекс, кроме как систематизации имеющихся нормативных правовых актов и разграничения полномочий субъектов профилактики.

На наш взгляд, следует уделить внимание самой системе мер профилактического воздействия, органам, его осуществляющему, их ответственности, криминологической экспертизе [4, с. 50] действующего и вновь принимаемого законодательства. Таковой мог бы заняться специальный орган. Например,

как предлагает А.П. Данилов, «научно-консультативный Совет при Верховном суде РФ. Подобный орган уже создан в Белоруссии – научно-консультативный Совет при Генеральной прокуратуре Республики Беларусь.

Совету необходимо иметь следующие права: самостоятельно выступать с криминализационной законодательной инициативой; определять преступную сущность деяния; давать обоснованное заключение об установлении за него ответственности; определять расположение новой нормы в соответствии со структурой УК РФ и, в целом, с органической целостностью единого законодательства

о противодействии преступности; проводить криминологическую экспертизу законопроектов и действующих нормативно-правовых актов на предмет их криминогенности и преступности» [1, с. 72].

Не сделав этого, мы так ничего и не изменим: законы будут «штамповаться» без какого-либо научного обоснования, лишь для обеспечения немедленной реакции законодателя на громкие публикации в СМИ. Так было со статьями УК РФ о половых преступлениях против несовершеннолетних, экономических преступлениях и, наконец, нормах о доведении до самоубийства.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов А.П. Преступное законодательство: на пересечении криминологических отраслей // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (45). С. 71–76.
2. Корецкий Д., Милуков С. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. № 1. С. 112–114.
3. Никулenco А.В. О некоторых проблемах противодействия семейному насилию // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 1 (40). С. 35–38.
4. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011.
5. Шестаков Д.А. Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 13–22.
6. Шестаков Д.А. О феминистке на ст. 156 УК РФ. URL: <http://www.criminologyclub.ru/video/240--156-.html> (дата обращения: 15.02.2018).
7. Шестаков Д.А. Семейная криминология (криминофамилистика). 2-е издание. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
8. Щедрин Н.В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

REFERENCES

1. Danilov A.P. Prestupnoe zakonodatelstvo: na peresechenii krimonologicheskikh otrasley. [Criminal legislation: at the intersection of criminological branches]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 2 (45), pp. 71–76.
2. Koretskiy D., Milyukov S. Vnesudebnaya repressiya kak zakonniy sposob borby s prestupnostyu. [Extrajudicial repression as a legitimate way to combat crime]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 2004, no. 1, pp. 112–114.
3. Nikulenko A.V. O nekotorykh problemakh protivodeystviya semeynomu nasiliyu. [On some issues of domestic violence prevention]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2016, no. 1 (40), pp. 35–38.
4. Shestakov D.A. Vvedenie v krimonologiyu zakona. [Introduction to criminology of law]. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2011.
5. Shestakov D.A. Eshche raz o prave bezopasnosti v svyazi s pravom protivodeystviya prestupnosti. [More about the right to security in the context of the right to crime prevention]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2014, no. 1 (32), pp. 13–22.
6. Shestakov D.A. O feminoatake na st. 156 UK RF. [On feminist's attack on the Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation]. URL: <http://www.criminologyclub.ru/video/240--156-.html> (date of submission: 15.02.2018).
7. Shestakov D.A. Semeynaya krimonologiya (kriminofamilistika). [Family criminology (kriminofamilistics)]. 2-e izdanie. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003.
8. Shchedrin N.V. Mery bezopasnosti kak sredstvo preduprezhdeniya prestupnosti: dis. ... dokt. yurid. nauk. [Security measures as a means of preventing crime]. Ekaterinburg, 2001.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Вячеславович Никуленко – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: nikulenkoa@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Andrey Vyacheslavovich Nikulenko – PhD in Laws, associate professor, deputy head of the department of criminal law at Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: nikulenkoa@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

Т.П. Афонченко

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ПРАВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация: Сегодня в Белоруссии уже имеются предпосылки для становления единого права противодействия преступности. Процесс создания предложенных Д.А. Шестаковым кодексов следует продолжить в русле принятия рамочных законов.

Ключевые слова: право противодействия преступности; криминологическое законодательство; Криминологический кодекс; Республика Беларусь.

T.P. Afonchenko

PROSPECTS FOR THE FORMATION OF THE LAW OF COUNTERACTING CRIME IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary: Today there is already a background for the formation of a unified law of counteracting crime in Belarus. The process of creating codes that are proposed by D.A. Shestakov should be continued in line with the adoption of framework laws.

Key words: law of counteracting crime; criminological legislation; Criminological code; Republic of Belarus.

Одним из значимых направлений развития правовой системы Республики Беларусь является кодификация законодательства. В числе 26 кодексов, действующих на данный момент в республике, присутствуют как сравнительно недавно принятые – Кодекс о судоустройстве и статусе судей (2006 г.), Кодекс Республики Беларусь об образовании (2011 г.), Кодекс Республики Беларусь о культуре (2016 г.), не имеющие аналогов в советском периоде развития белорусской государственности, так и традиционные, существующие в любом государстве континентальной системы права – Кодекс о браке и семье, Гражданский, Гражданско-процессуальный, Трудовой и другие.

Первый кодифицированный нормативный акт, действовавший на значительной части территории современной Республики Беларусь, – Статут Великого княжества Литовского 1529 года [4]. К триаде отраслей так называемого криминального цикла относятся уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное право. Нормы данных отраслей закреплены соответственно в Уголовном, Уголовно-процессуальном и Уголовно-исполнительном кодексах Республики Беларусь.

Сегодня в рамках динамично развивающегося научного знания не просто предлагается совершенствовать действующие кодексы, но и аргументируется более глобальное реформирование уголовно-правовых отраслей. Так, В.Н. Орловым на протяжении 2017–2018 годов последовательно обосновывается идея принятия Уголовно-исполнительного процессуального кодекса [2].

К числу важных предложений, способных видоизменить «лицо» современного преступноведения, безусловно, следует отнести идею создания Криминологического кодекса Российской Федерации, за которой также стоит В.Н. Орлов [3]. Данная концепция основана на положениях криминологического законодательства, понятие которого введено в научный оборот Д.А. Шестаковым [1].

В целом оценивая предложение по разработке Криминологического кодекса РФ как обладающее серьезным потенциалом для практической реализации, а также проведения дальнейших исследований в данном направлении, представляется целесообразным высказать некоторые замечания.

В первую очередь, криминология рассматривается как теоретическая междисципли-

нарная отрасль научного знания. Криминология – учение о преступлении. В этой связи подобное наименование для официального документа, который получит реализацию в правоприменительной деятельности, представляется не совсем комфортным для восприятия.

Дискуссионной, предполагающей кропотливую детализацию и доработку, представляется и предложенная автором структура Кодекса. С точки зрения юридической техники достаточно сложно обеспечить адекватную реализацию в одном нормативном акте масштабных правовых институтов, сочетающих как концептуальные положения о противодействии преступности, непосредственные мероприятия по противодействию различным группам (видам) преступных проявлений, так и подробным образом регламентированную предупредительную деятельность.

Отметим, что раздел о ресоциализации лиц, освобождённых от отбывания наказания, не нашёл отражения в предлагаемой В.Н. Орловым структуре Кодекса. Таким образом, целесообразно обратиться к трудам Д.А. Шестакова, который, развивая идею криминологического законодательства, приходит к выводу о необходимости создания единого права противодействия преступности [8, с. 111, 113], принятия не одного, а нескольких кодексов: Кодекса о предупреждении преступлений, Кодекса о мерах безопасности, Кодекса об ответственности и ресоциализации несовершеннолетних [6], что представляется более оптимальным с точки зрения юридической техники и правоприменения.

Элементом формирующейся правовой отрасли – права противодействия преступности – является законодательство о профилактике правонарушений. В Республике Беларусь термин «профилактика правонарушений» закреплён в Законе Республики Беларусь № 122-З от 04.01.2014 г. «Об основах деятельности по

профилактике правонарушений». Это определение удачно объединило в себе различные формы предупредительного воздействия на лицо, допускающее противоправное поведение. Данный Закон определённое время не имел аналогов на постсоветском пространстве.

В Российской Федерации осуществление профилактической работы регулировалось на уровне отдельных административно-территориальных единиц. Например, Закон г. Санкт-Петербурга «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» (2007 г.), а систематизированный акт – Закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» был принят только в 2016 году [5].

Основы правового регулирования профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Белоруссии закреплены в Законе Республики Беларусь № 200-З от 31 мая 2003 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Этот Закон предусматривает несколько уровней профилактических мероприятий, проводимых в отношении несовершеннолетних, перечень и содержание данных мероприятий, закрепляет полномочия вовлечённых в профилактическую деятельность субъектов.

Сегодня в Белоруссии уже имеются предпосылки для становления единого права противодействия преступности с выделением ряда подотраслей и институтов соответствующего законодательства, объединённые в кодифицированные акты. Процесс создания предложенных Д.А. Шестаковым кодексов следует продолжить в русле принятия рамочных законов. Например, наряду с названными выше законами профилактической направленности представляется целесообразным принять Закон «О социальной адаптации лиц, освобождённых от отбывания наказания».

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурлаков В.Н., Гилинский Я.И., Шестаков Д.А. Преподавание криминологии в современных условиях // Вестник СПбГУ. 1996. Сер. 6, вып. 3. С. 12–25.
2. Орлов В.Н. Уголовно-исполнительный процессуальный кодекс РФ: концепция, основные положения // Уголовное судопроизводство. 2017. № 3. С. 6–10.
3. Официальный сайт Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. URL: <http://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/335-2018-04-30-18-31-07.html> (дата обращения: 30.04.2018).
4. Статут Великого Княжества Литовского 1529 г. / Под ред. академика АН Литовской ССР К.И. Яблонского. Мн.: Изд-во АН БССР, 1960. 254 с.

5. Федеральный Закон № 182-ФЗ от 23.06.2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (Ч. I). Ст. 3851.
6. Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 47–50.
7. Шестаков Д.А. Криминология. Краткий курс. Преступность как свойство общества. СПб.: «Лань», 2001. 264 с.
8. Шестаков Д.А. Постлиберальная парадигма и право противодействия преступности // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования. Коллективная монография // Ответствен. ред. д.ю.н. А.Е. Мизанбаев. Костанай, 2012.

REFERENCES

1. Burlakov V.N., Gilinskiy Y.I., Shestakov D.A. Prepodavanie kriminologii v sovremennykh usloviyakh. [Teaching criminology in modern conditions]. *Vestnik SPbGU – Bulletin of St. Petersburg State University*. 1996, ser. 6, vol. 3, pp. 12–25.
2. Orlov V.N. Uголовно-исполнительный процессуальный кодекс РФ: концепция, основные положения. [The Criminal Executive Procedure Code of the Russian Federation: concept, main provisions]. *Uголовное судопроизводство – Criminal Proceedings*. 2017, no. 3, pp. 6–10.
3. Ofitsialniy sayt Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba. [Official website of the St. Petersburg International Criminology Club]. URL: <http://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/335-2018-04-30-18-31-07.html> (date of submission: 30.04.2018).
4. Statut Velikogo Knyazhestva Litovskogo 1529 g. [Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529]. Pod red. akademika AN Litovskoy SSR K.I. Yablonskisa. Mn.: Izd-vo AN BSSR. 1960, 254 p.
5. Federalniy zakon № 182-FZ ot 23.06.2016 «Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii». [Federal Law No. 182-FZ of 23.06.2016 «On the basics of the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency»]. SZ RF. 2016, no. 26 (part 1), st. 3851.
6. Shestakov D.A. Kriminologicheskoe zakonodatelstvo i pravo protivodeystviya prestupnosti. [Criminological legislation and right to crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2013, no. 1 (28), p. 47–50.
7. Shestakov D.A. Kriminologiya. Kratkiy kurs. Prestupnost kak svoystvo obshchestva. [Criminology: crime as a social trait]. SPb.: Lan. 2001, 264 p.
8. Shestakov D.A. Postliberalnaya paradigma i pravo protivodeystviya prestupnosti. Pravotvorcheskie i pravoprimenitelnye paradigmy rekonstruktsii ugolovnogo zakonodatelstva: natsionalniy i mezhdunarodniy opyt modelirovaniya. [Post-liberal paradigm and right to combating crime. Law-making and law enforcement paradigms of legislation reconstruction: national and international models]. Kollektivnaya monografiya Otvetstven.red. d.y.n. A.E. Mizanbaev. Kostanay, 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Петровна Афонченко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (Гомель, Республика Беларусь); e-mail: atp76@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Tatiana Petrovna Afonchenko – PhD in Laws, associate professor, associate professor of the department of law and economic theories of the Belarusian Trade and Economic University of Consumer Cooperation (Gomel, Republic of Belarus); e-mail: atp76@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЯ СФЕРЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

*Основной доклад международной беседы
«Преступность миграционных процессов»
от 25 мая 2018 года*

УДК 343.9
ББК 67.51

Х. Кури

ИНТЕГРАЦИЯ БЕЖЕНЦЕВ В ГЕРМАНИИ – ВОЗРОСЛА ЛИ КРИМИНАЛЬНАЯ НАГРУЗКА?¹

Аннотация: Германия очень многое делает для поддержки и интеграции новоприбывших. Значительная часть усилий прилагается добровольцами. Специалисты дают разные оценки того, насколько хорошо удастся интегрировать в общество большое число иммигрантов.

Ключевые слова: иммигранты; беженцы; преступления; Германия.

Н. Кury

INTEGRATION OF REFUGEES IN GERMANY – HAS THE CRIMINAL BURDEN INCREASED?

Summary: Germany does a lot to support and integrate new arrivals. A significant part of the effort is made by volunteers. Experts give different estimates of how well a large number of immigrants can be integrated into society.

Key words: immigrants; refugees; crimes; Germany.

Введение. С 2014 года западноевропейские страны, прежде всего Германия, столкнулись с наплывом большого числа беженцев и просителей убежища из Сирии, Ирака, Ирана и Афганистана. Несмотря на всё ещё широко распространённую «культуру гостеприимства», проблема иммиграционных потоков выдвигает на первый план всё большее число политиков, придерживающихся позиций, занятых недавно созданной политической партией «Альтернатива для Германии» (АдГ).

Эта партия, основанная в феврале 2013 года в Берлине, заявляет о чрезмерности нагрузки на страну от иностранного засилья. В первую очередь, она направляет свою деятельность против практикуемой федеральным правительством либеральной иммиграционной политики. Критике было подвергнуто часто повторяемое в Германии в контексте роста иммиграционных квот высказывание бунде-

сканцлера Ангелы Меркель на федеральной пресс-конференции 31 августа 2015 года, ставшее основным слоганом новой «культуры гостеприимства»: «Мы справимся!».

В последние годы растёт уровень скептицизма относительно того, сможет ли Германия справиться с этой постоянно растущей частью населения, будет ли ислам интегрирован в стране, где преобладают христиане. Бывший федеральный президент Германии Кристиан Вульф ещё в 2010 году заявил, что в Германии для ислама есть место. Это мнение сегодня всё чаще подвергают сомнению. Средства массовой информации вновь и вновь указывают на ведение отдельными мечетями антигерманской политики. Именно по этой причине правительство Австрии закрывает 7 мечетей и высылает из страны большое число турецких имамов.

Скепсис относительно дальнейшей иммиграции – не только немецкий феномен, он имеет место и в других странах. Так, В. Андреску подчёркивает: «Хотя недавние исследования выявили существенные различия в

¹ Перевод подготовлен Еленой Сергеевной Ушаковой.

отношении силы антииммигрантских настроений в новых и старых странах иммиграции, большинство исследований показывает, что общественность всё больше поддерживает ограничительную иммиграционную политику» [1, с. 61].

Неопределённость мнения населения в отношении растущего притока иностранцев становится всё более заметна на фоне усложняющейся жизни, что обусловлено открытием границ, значительным ростом цифровизации. Интернационализация и глобализации, с трудом понимаемые обычным человеком, выдвигают новые требования, в связи с которыми человек чувствует свою зависимость от правительственных чиновников [5]. В рамках опроса, проведённого в Германии в 2017 году, 55 % респондентов заявили о своей обеспокоенности тем, что политики не справляются со своими задачами.

Отдельные исследователи отмечают: «Если люди не могут быть уверены в том, что власти действуют в их интересах, что преступления или иные нежелательные действия пресекаются, то возрастает недоверие к иммигрантам и, следовательно, опасение роста их числа. Доверие к официальным учреждениям является той переменной, которая наиболее тесно связана с отношением к иммигрантам [18].

Особенно большое число мигрантов и беженцев прибыло в Германию в 2015 году. По данным Федерального ведомства по делам миграции и беженцев ФРГ, если в 2014 году в Германии было подано 202 834 прошения о предоставлении убежища, то в 2015 году – уже 476 649 (рост на 135 %), в 2016 году – 745 545. В 2017 году число прошений сократилось до 222 683. Люди, подавшие прошение о предоставлении убежища в 2017 и 2018 году, представляют почти все возрастные группы, однако большинство просителей – лица в возрасте до 30 лет, самая большая группа – дети и подростки (до 15 лет).

Мужчины подают прошение о предоставлении убежища чаще женщин. В 2017 году большинство просителей прибыло из Сирии, менее – из Афганистана и Ирака. В 2016 году из Германии были депортированы 25 375 человек, большинство – в страну своего происхождения, в 2017 году – 23 966 человек. Депортированы в основном люди, прибывшие из балканских государств: Албании, Косово,

Сербии, Македонии. Кроме того, в 2017 году более 4000 человек были перенаправлены из Германии в другие страны ЕС, большинство – в Италию, Польшу и Францию.

В 2015 году было зарегистрировано 2,14 миллиона мигрантов. Это наибольшее число мигрантов с начала их статистической регистрации в 1950 году. Многие из них покинули свои страны из-за войн и насилия, но среди них было также много граждан из стран Европейского союза (около 120 000). Однако по сравнению с 2014 годом на 9 % (до 998 000 человек) выросло и количество убывших, что также является самым высоким показателем. Таким образом, профицит миграции в Германии в 2015 году составил 1 139 000 человек, что более чем на полмиллиона превышает показатель 2014 года [12].

В конце 2016 года в Германии в Центральном реестре по учёту иностранцев (ЦРИ) было зарегистрировано более 10 миллионов человек с исключительно иностранным гражданством, при этом население Германии составляло около 84,4 миллионов. Это было наибольшее число иностранцев, когда-либо зарегистрированных в Германии с момента создания ЦРИ в 1967 году. Только в 2015 и 2016 годах число иностранцев увеличилось на 1,886 миллиона (+ 23,1 %). Зарегистрированное в ЦРИ иностранное население из государств, не входящих в ЕС, возросло с начала 2015 года на 1,279 миллиона (+ 28,5 %).

Общеввропейское сравнение показывает, что Германия по-прежнему и во всё возрастающей степени является основной целью мигрантов. По сравнению с другими европейскими странами она значительно усиливает в последние годы свою привлекательность. Несомненно, это связано с хорошей экономической ситуацией в стране [12]. В ходе проведённого нами опроса 825 беженцев, находящихся в Германии, 75,2 % указали, что Германия является желанной страной для их переселения, 72,1 % – подчеркнули, что чувствуют гостеприимство страны, 14,5 % – чувствуют его по большей части, только 5,5 %, в основном мужчины, не чувствуют себя желанными гостями [9, с. 335]. Наряду с этим, высокие показатели иммиграции отмечаются также в Великобритании, Франции и Италии.

Из 84,4 миллионов жителей Германии в 2015 году около 17,1 миллионов человек, то есть приблизительно каждый пятый, имели

мигрантскую историю, это значит, что сам человек или, по меньшей мере, один из его родителей получил немецкое гражданство не по праву рождения [12].

По данным Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в Германии было подано наибольшее число прошений о предоставлении убежища. За ней следуют США (172 700), Швеция (156 400) и Российская Федерация (152 500) [6]. Тем не менее, отдельные авторы справедливо указывают, что по отношению к числу населения доля иммигрантов, например, в Люксембурге, маленькой европейской стране с населением около 602 000 человек, значительно выше и достигает в настоящее время почти 50 %. На этом фоне в стране возникает всё больше вопросов относительно возможности социальной интеграции беженцев, взаимосвязей и конфликтов между группами [3, с. 341].

Результаты исследования контактов между коренными жителями и лицами, имеющими иммигрантскую историю, показывают, что первые демонстрируют самое критичное отношение к приезжим, включая иммигрантов второго поколения. На их отношения оказывает влияние интенсивность контакта между группами. Люксембург имеет относительно короткую историю иммиграции и один из наиболее высоких показателей доли иммигрантов в сравнении с другими европейскими государствами. Наибольшее число иммигрантов прибыло в страну из 25 стран ЕС, прежде всего, из Португалии, Франции, Италии и Бельгии. В стране относительно небольшое число мигрантов из развивающихся государств, чем она отличается, например, от Германии [16].

Для Германии иммиграция – не новое явление. В 2008 году 19 % населения Германии, то есть 15,6 миллиона человек, имело иммигрантскую историю. Из числа иностранного населения на тот момент приблизительно четвертая часть прибыла из Турции, 7,8 % – из Италии и 5,9 % – из Польши [8].

Резкое увеличение числа иммигрантов в Германии привело к заметному росту у населения опасений по поводу того, что страна не сможет справиться с этой проблемой: нагрузка на экономику может оказаться несоразмерной. Принимается всё больше законодательных и политических мер с целью снижения показателей иммиграции и, прежде всего,

увеличения числа лиц, направляемых обратно в страну своего происхождения. Всё больше государств объявляются безопасными, что облегчает высылку в них.

Опрос взрослого населения Германии показывает заметный рост чувства неуверенности и страха у граждан. В ходе опроса 2017 года 71 % респондентов (жен. – 75 %; муж. – 66 %) указали, что боятся террористических актов, 62 % (жен. – 64 %; муж. – 59 %) – политического экстремизма и 61 % (жен. – 62 %; муж. – 60 %) – напряжённости вследствие притока иностранцев [11].

В сравнении с 2016 годом число опасящихся немцев снизилось на 6 % (2016 – 52 %; 2017 – 46 %). Если в 2005 году приблизительно 90 % респондентов в качестве важной проблемы рассматривали безработицу, то к началу 2017 года этот показатель снизился приблизительно на 10 %. Зато в 2015–2016 годах самой значимой стала тема «Иностранцы, интеграция, беженцы» (для 90 % респондентов).

При этом следует отметить, что на фоне роста немецкой экономики всё больше ощущается дефицит подрастающего молодого поколения, что объясняется низкой рождаемостью, которая за период с середины 1960-х годов сократилась вдвое. Германия имеет один из самых низких уровней рождаемости в ЕС. В течение прошедших десятилетий она компенсировалась лишь за счёт иммиграции [7, с. 96].

Согласно прогнозам, к 2040 году в Германии нехватка квалифицированной рабочей силы может составить почти 4 миллиона человек. Прежде всего, ожидается дефицит квалифицированной рабочей силы в немецкой промышленности. Экономике нужны образованные люди, а прибывающие беженцы, как правило, не обладают какой-либо квалификацией. Лишь около 8,8 % имеют законченное высшее образование [9, с. 333]. Если экономическая ситуация в Германии ухудшится, может ужесточиться и отношение к мигрантам. Как отмечают Бурнс и Гимпель, сопротивление мигрантам усиливается в фазах экономической рецессии [2, с. 202].

Несмотря на большое число добровольцев, старающихся сделать пребывание беженцев в специализированных центрах комфортным, дающих им уроки немецкого языка, помогающих соответствующим службам при проведении интеграционных мероприятий,

общество отчасти отвергает мигрантов. На отдельных лиц или их жилища совершаются нападения. Ситуация с проживанием беженцев в приютах, переполненных жилых контейнерах сложна потому, что часто она долговременна без какой-либо определённости для мигрантов.

Конфликты возникают, как правило, на фоне различных религиозных установок и ценностей, из-за тесноты проживания в приютах, жилых контейнерах. Они способны привести к совершению преступлений. Неопределённость относительно дальнейших решений властей о статусе пребывания беженцев часто усиливает мучительность положения последних. Языковые проблемы затрудняют установление ими контактов с жителями. Чтобы не допустить возникновения в крупных городах гетто, как это отчасти было в период прежних волн миграции, чрезвычайно важно смешение коренных жителей и мигрантов, их совместная работа.

Нагрузка, которой подвергаются беженцы. Справедливо отметить значительные физические и психологические нагрузки на беженцев в их родных странах, например, из-за ведущихся там военных действий. Последствия таковых часто требуют оказания профессиональной психологической помощи, которая, однако, в большинстве случаев не может быть им оказана из-за отсутствия достаточного числа специалистов, а также из-за незаинтересованности в решении проблем самих пострадавших, связанной с их происхождением и языковыми сложностями [10].

Положение беженцев, покидающих свою страну в связи с угрозой их жизни вследствие боевых действий, как, например, это имеет место в Сирии, несопоставимо с положением экономических мигрантов, оставляющих родные края после планирования, чтобы обеспечить себе лучший уровень жизни в той стране, в которую они стремятся.

По мнению отдельных исследователей, значительная часть живущих в Германии беженцев испытала у себя на родине или во время переселения травматические переживания [4]. У беженцев в Германии проявляются симптомы, свидетельствующие о посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР). По нашим данным, это расстройство наблюдается у 34,8 % из них.

Люди, страдающие ПТСР, избегают ситуаций, способных пробудить в них воспоминания о травматическом событии, что может вести к значительным поведенческим ограничениям. Не редкостью для них являются мысли о самоубийстве. Дети отражают травматические события через игру, демонстрируют нарушения развития и поведения, например, усиливающуюся поведенческую агрессивность [15]. Данный контекст может способствовать проявлению насилия и правонарушений, совершаемых беженцами.

Больше беженцев – больше преступлений? В обстановке растущего потока критических сообщений о беженцах всё больше внимания в Германии привлекают к себе случаи совершения ими тяжких преступлений. Значительную часть беженцев, как это было сказано выше, составляют лица мужского пола в возрасте от 15 до 30 лет. Федеральное ведомство уголовной полиции Германии в своём недавнем докладе о положении с преступлениями иммигрантов подчёркивает, что среди лиц, обратившихся за предоставлением убежища, 73 %, то есть почти три четверти, имели возраст до 30 лет, при этом две трети (66 %) из них – мужчины [13]. В общемировом сравнительном разрезе криминальная нагрузка в этой возрастной группе велика.

В 2017 году в Германии в сфере общих преступлений (без нарушений законодательства в связи со статусом иностранного гражданина) было зарегистрировано 167 268 подозреваемых-мигрантов, что в сравнении с предшествующим годом меньше на 4 %. Общее количество подозреваемых за этот период также сократилось. Большую часть подозреваемых-мигрантов составляют лица из Сирии (20 %), Афганистана (11 %) и Ирака (8 %).

Доля подозреваемых-мигрантов из Сирии, Афганистана и Ирака составила 39 % от общего числа подозреваемых, в то время как их доля от общего числа просителей убежища – 61 %. Доля же подозреваемых-мигрантов из стран Магриба, таких как Алжир, Марокко и Тунис, составила 9 %, а их доля среди просителей убежища – только 2,4 %. Доля просителей убежища из Российской Федерации – 1,4 %, их доля среди проходящих в качестве подозреваемых мигрантов – 1,8 % [13].

Подавляющее большинство (87 %) подозреваемых-мигрантов – лица мужского пола, 66 % из них – моложе 30 лет. Среди лиц в воз-

расте от 18 до 30 лет доля просителей убежища составила 37 %, а их доля среди проходящих в качестве подозреваемых иммигрантов – 53 % [13].

Сравнение возрастной структуры подозреваемых-мигрантов с возрастной структурой всех находящихся под подозрением лиц показывает следующее. В возрастной группе до 18 лет эта доля сопоставима (среди иммигрантов – 13 %; среди подозреваемых лиц в целом – 12 %), в возрастной группе от 18 до 30 лет доля подозреваемых-мигрантов значительно выше (53 % против 34 %), в возрастной группе от 30 до 40 лет показатели сопоставимы (22 % против 21 %). В возрастной группе старше 40 лет доля подозреваемых-мигрантов относительно низкая (12 % против 33 %) [13].

Около трети подозреваемых-мигрантов (32 %) в 2017 году неоднократно попадали под подозрение в совершении преступлений, и на них пришлось более двух третей всех уголовных преступлений, в совершении которых подозреваются мигранты. Среди общего числа зарегистрированных полицией лиц, подозреваемых в совершении преступлений, доля многократно подозреваемых (27 %) существенно ниже. 83 % многократно подозреваемых лиц попадали в поле зрения полиции в связи с совершением уголовного преступления от трёх до пяти раз. Значительно выше среднего доля лиц, многократно зарегистрированных в качестве подозреваемых в совершении преступления, среди иммигрантов из

стран Магриба – Алжира, Марокко и Туниса, а также из Грузии.

В 2017 году в сфере общих преступлений (без нарушений законодательства в связи со статусом иностранного гражданина) было зарегистрировано 289 753 уголовных преступления, в рамках которых в качестве подозреваемого проходил, по меньшей мере, один иммигрант. По сравнению с 2016 годом заметно некоторое уменьшение числа данных преступлений.

Общее количество расследованных уголовных преступлений составило в Германии в 2017 году 3 111 751. Более трёх четвертых от числа уголовных преступлений, совершённых с участием, по меньшей мере, одного иммигранта, приходится на кражи (26 %), имущественные преступления и преступления в сфере оборота контрафактной продукции, а также преступления, совершённые с особой жестокостью и преступления против личной свободы (по 25 %). Отмечается рост числа преступлений, направленных против жизни человека, связанных с продажей или употреблением наркотических средств, против сексуального самоопределения. В части последних этот рост может быть связан с внесением изменений в Уголовный кодекс ФРГ и соответствующей адаптацией полицейской криминальной статистики. Например, состав преступления «сексуальное домогательство» был в 2017 году впервые учтён в статистике как сексуальное преступление [13].

Таблица 1. Уголовные преступления, совершённые с участием, по меньшей мере, одного иммигранта.

Год / Вид преступления	2017	2016
Кража	75 748	92 229
Имущественные преступления и преступления в сфере оборота контрафактной продукции	73 644	74 482
Преступления, совершённые с особой жестокостью, и преступления против личной свободы	71 000	69 035
Прочие уголовные преступления	34 633	31 866
Преступления, связанные с продажей или употреблением наркотических средств	26 761	20 498
Преступления против сексуального самоопределения	5258	3404
Преступления против жизни	532	453

Выросла доля подозреваемых лиц из среды иммигрантов в общем числе всех зарегистрированных подозреваемых в совершении преступлений против жизни. Это вызывает значительную обеспокоенность в обществе. Если в 2016 году были зарегистрированы только 453 иммигранта в качестве подозреваемых в совершении уголовных преступлений против жизни, то в 2017 году это число составило 532. Иммигранты, подозреваемые в совершении преступлений против жизни, почти все мужского пола (93 %). Их возраст на момент совершения преступления более чем в 2/3 случаев не превышал 30 лет (67 %), каждый четвёртый – был моложе 21 года (25 %).

Приблизительно в 77 % случаев преступлений, совершённых с особой жестокостью, и преступлений против личной свободы с участием, по меньшей мере, одного мигранта, речь идёт о телесном повреждении. Подозреваемыми лицами в 92 % случаев являлись мужчины, большую часть составляют иммигранты из стран, где ведутся боевые действия: Сирия (23 %), Афганистан (16 %) и Ирак (9 %), что может быть связано с ожесточением вследствие пережитых событий (войн).

Число краж с участием не менее одного подозреваемого из числа мигрантов в 2017 году в сравнении с 2016 годом значительно снизилось: с 92 229 до 75 748 преступлений. Почти 2/3 данных преступлений представляют собой магазинные кражи. Сократилось также число преступлений в области квартирных взломов и карманного воровства. Почти в половине случаев имущественных преступлений и преступлений в сфере оборота контрафактной продукции речь идёт о преступлениях, связанных с неоплатой проезда на транспорте (46 %). Число таких случаев, в сравнении с предыдущим годом, также заметно снизилось. И, напротив, значительно увеличилось число преступлений, связанных с подделкой документов, мошенничеств в сфере предоставления социальных услуг, деликтов, непосредственно связанных со статусом иммигранта.

Что касается преступлений, связанных с продажей или употреблением наркотических средств, то число расследованных в 2017 году преступлений с участием, по меньшей мере, одного подозреваемого из числа мигрантов, вновь возросло – до 26 761 преступлений (максимальный показатель за последние 5 лет), что соответствует 8,7 % от числа всех

подобных преступлений (306 082). Общее число всех расследованных в 2017 году преступлений, связанных с продажей или употреблением наркотических средств, увеличилось на 8 %. Доля преступлений с участием не менее одного иммигранта, составила 9 %, в 2016 году она составляла 7 %. Речь идёт, прежде всего, о преступлениях в сфере потребительского рынка, например, употребление конопли (каннабиса). Возможно, это связано и с психологическим состоянием иммигрантов, их жилищной ситуацией.

В случаях, когда проситель убежища или, соответственно, беженец был зарегистрирован в качестве жертвы преступления, речь шла в основном о преступлениях, связанных с причинением телесного повреждения (82 %). 80 % жертв среди просителей убежища или, соответственно, беженцев составили мужчины, 20 % – женщины [13].

В 2017 году среди общего числа жертв (95 148) уголовных преступлений, совершённых мигрантами, 39 096 человек были немцами (41 %). В 72 % случаев преступлений сексуального характера с участием подозреваемых-мигрантов жертвами стали немецкие граждане, в 33 % – просители убежища/беженцы.

В 2017 году в среде беженцев и иммигрантов всё большее развитие получают организованные криминальные структуры. Они занимаются размещением иммигрантов, охраной лагерей/приютов для беженцев (службы безопасности), организацией незаконного пересечения границы. В общей сложности состоялось 572 судебных процесса по организованной преступной деятельности беженцев, из них 51 – по подозрению в преступлениях, связанных с незаконным пересечением границы (переправкой беженцев). Приблизительно в трети организованных преступных групп доминировали сирийские, нигерийские, иракские и турецкие граждане [13].

Отчасти в результате разжигания антииммигрантских настроений в Германии, особенно со стороны правого политического фланга, стали совершаться преступления, направленные против мигрантов. Однако в 2017 году по сравнению с 2016 годом число данных преступлений снизилось на 43 %. Приблизительно в трети случаев совершения таких преступлений (37 %) речь идёт о разжигании розни и, приблизительно, в 16 % случаев – о насиль-

ственных деликтах. Так, в 2015 году было зарегистрировано 1031 преступление против приютов для беженцев, в 2016 году – 995, в 2017 году – 312 [13].

Дискуссия. Беженцы и мигранты стали в последние годы в Германии и других западноевропейских промышленно развитых странах центральной темой для дискуссий. Изначальная политика, называемая «культурой гостеприимства», всё больше и больше пробуксовывает в связи с возрастающей криминальной, а также огромной финансовой нагрузкой, связанной с размещением и содержанием иммигрантов.

Население, часто возбуждаемое публикациями СМИ, боится роста числа тяжких преступлений, таких как изнасилования и убийства. Беженцами в Германии и, соответственно, в других западных странах, считаются люди, покинувшие свою родину, например, Сирию, из-за грозящей их жизням опасности или в связи с серьёзными угрозами и преследованием и обладающие в соответствии с международными правовыми нормами охраняемым статусом. Лица, которые желают въехать в страну по экономическим причинам, надеясь на более высокий уровень жизни, к этой группе не относятся.

Для успешной интеграции беженцев, имеющих вид на жительство, необходимо, чтобы они овладели немецким языком и были трудоустроены. Процветающей в настоящее время немецкой промышленности срочно требуется рабочая сила, поэтому иммигранты, особенно имеющие хорошее образование или же мотивированные к продолжению обучения, приветствуются особо.

Однако включение в профессиональную трудовую жизнь составляет лишь часть интеграции в общество, причём, не главную. Так, например, Хайнмюллер и Хопкинс подчёркивают: «Постоянно отмечается, что отношение к иммиграции мало зависит от личных экономических обстоятельств. Напротив, отношение к ней связано с социотропными опасениями её культурного влияния – и, в меньшей степени, её экономического влияния – на нацию в целом. Такой характер результатов находит подтверждение при проведении специалистами всё большего числа экспериментов и характерен для США, Канады и Западной Европы [17]. Тем не менее, необходимы дополнительные исследования для подтверждения причинно-следственной идентификации социотропных опасений и точного определения того, как, когда и почему они становятся значимыми для формирования отношения населения к мигрантам.

Фетцер рассматривает три причины, объясняющие отношение общества к иммигрантам: маргинальность, собственные экономические интересы, контакт с новоприбывшими. Именно маргинализованные группы, по его мнению, склонны объединяться с другими угнетёнными и образовывать гетто [14].

Германия очень многое делает для поддержки и интеграции новоприбывших. Значительная часть усилий прилагается добровольцами. Специалисты дают разные оценки того, насколько хорошо удастся интегрировать в общество большое число иммигрантов

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андрееску В.* Отношение к иммигрантам и иммиграционная политика в Соединённом Королевстве // Журнал исследований в области идентичности и миграции. 2011. № 5. С. 61–85.
2. *Бёрнс П., Гимпель Дж. Дж.* Экономическая незащищённость, предвзятые стереотипы и общественное мнение об иммиграционной политике // Политология ежеквартально. 2000. № 115. С. 201–225.
3. *Валентова, М., Берзоса, Г.* Отношение к иммигрантам в Люксембурге. Контакты имеют значение? // Международный обзор социологии. 2012. № 22. С. 341–363.
4. *Гебель У., Руф М., Шауэр М., Оденвальд М., Нойнер Ф.* Распространённость посттравматического стрессового расстройства среди просителей убежища в Германии и усилия по обнаружению данного расстройства при прохождении процедуры предоставления убежища // Журнал клинической психологии и психотерапии. 2005. № 35. 12–20.
5. *Гиссен, Х.В., Ринк, Ц.* Миграция, разнообразие и культурная идентичность. Социальные и культурные научные перспективы. Гейдельберг, 2018.
6. Глобальные тренды. Принудительное перемещение в 2016 г. Женева: УВКБ ООН. URL: <http://www.unhcr.org/5943e8a34> (дата обращения: 25.05.2018).
7. *Зюсмут Р.* Миграция и интеграция. Тест для нашего общества. Мюнхен, 2006.

8. Истории иммиграции в Германию после 1950 года. URL: <http://www.bpb.de/politik/grundfragen/deutsche-verhaeltnisse-eine-sozialkunde/138012/geschichte-der-zuwanderung-nach-deutschland-nach-1950?p=all> (дата обращения: 25.05.2018).

9. Кури Х., Редо С. Беженцы и мигранты в законодательстве и политике. Вызовы и возможности для глобального гражданского образования. Гейдельберг, 2018.

10. Пападопулос Р.К. Беженцы и психологическая травма: психологические перспективы. URL: http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic1230869.files/arc_1_10refandpsych-1.pdf (дата обращения: 25.05.2018).

11. Страхи немцев 2017. URL: <https://www.ruv.de/static-files/ruvde/downloads/presse/aengste-der-deutschen-2017/grafiken/RV-Aengste-2017-Grafiken.pdf> (дата обращения: 25.05.2018).

12. Федеральное ведомство по делам миграции и беженцев ФРГ. Миграционный отчет 2015. Центральные события. Нюрнберг: Исследовательский центр проблем миграции, интеграции и предоставления убежища. URL: www.bamf.bund.de (дата обращения: 25.05.2018).

13. Федеральное ведомство уголовной полиции ФРГ. Преступность в контексте иммиграции. Ситуация в стране 2017. Висбаден: Федеральное управление уголовной полиции, 2018.

14. Фетцер Дж.С. Отношение общественности к иммиграции в США, Франции и Германии. Кембридж, Великобритания: издательство Кембриджского университета. 2000.

15. Флаттен Г., Гаст Ю. и др. Рекомендация по посттравматическому стрессовому расстройству // Травма & насилие. 2011. № 3. 202–211.

16. Хаверкамп Р. Иммиграция беженцев в Северо-Западную Европу: Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Нидерланды и Великобритания // Кури Х., Редо С. Беженцы и мигранты в законодательстве и политике. Вызовы и возможности для глобального гражданского образования. Гейдельберг, 2018. С. 39–75.

17. Хайнмюллер Дж., Хопкинс Д.Дж. Отношение общественности к иммиграции. URL: <https://www.researchgate.net/publication/260264224> (дата обращения: 25.05.2018).

18. Халатуну В., Паас Т., Таммару Т., Шютц А. Связано ли институциональное доверие с положительным отношением к иммигрантам? Общеευропейское видение. URL: <https://www.researchgate.net/publication/262309488> (дата обращения: 25.05.2018).

REFERENCES

1. Andreescu V. Otnoshenie k immigrantam i immigratsionnaya politika v Soedinennom Ko-rol'evstve. [Attitudes toward immigrants and immigration policy in United Kingdom]. *Zhurnal issledovaniy v oblasti identichnosti i migratsii – Journal of Identify and Migration Studies*. 2011, no. 5, pp. 61–85.

2. Burns P., Gimpel J.G. Ekonomicheskaya nezashchishchennost, predvzyatyie stereotypy i obshchestvennoe mnenie ob immigratsionnoy politike. [Economic insecurity, prejudicial stereotypes, and public opinion on immigration policy]. *Politologiya ezhekvarturno – Political Science Quarterly*. 2000, no. 115, pp. 201–225.

3. Valentova M., Berzosa G. Otnoshenie k immigrantam v Lyuksemburge. Kontakty imeyut znachenie? [Attitudes toward immigrants in Luxembourg. Do contacts matter?]. *Mezhdunarodniy obzor sotsiologii – International Review of Sociology*. 2012, no. 22, pp. 341–363.

4. Gäbel U., Ruf M., Schauer M., Odenwald M., Neuner F. Rasprostranennost posttravmaticheskogo stressovogo rasstroystva sredi prositeley ubezshishcha v Germanii i usiliya po obnaruzheniyu dannogo rasstroystva pri prokhozhenii protsedury predostavleniya ube-zhishcha. [Prevalence of post-traumatic stress disorder among asylum-seekers in Germany and efforts to detect this disorder during the asylum procedure]. *Zhurnal klinicheskoy psikhologii i psikhoterapii – Journal of Clinical Psychology and Psychotherapy*. 2005, no. 35, pp. 12–20.

5. Giessen H.W., Rink, C. Migratsiya, raznoobrazie i kulturnaya identichnost. [Migration, diversity and cultural identity]. *Sotsialnye i kulturnye nauchnye perspektivy – Social and cultural scientific perspectives*. Heidelberg, 2018.

6. Globalnye trendy. Prinuditelnoe peremeshchenie v 2016 g. [Global trends. Forced displacement in 2016]. Zheneva: UVKB OON. URL: <http://www.unhcr.org/5943e8a34> (date of submission: 25.05.2018).

7. Süßmuth R. Migratsiya i integratsiya. Test dlya nashego obshchestva. [Migration and Integration. Test for our society]. München, 2006.

8. Istorii immigratsii v Germaniyu posle 1950 goda. [History of immigration to Germany after 1950]. URL: <http://www.bpb.de/politik/grundfragen/deutsche-verhaeltnisse-eine-sozialkunde/138012/geschichte-der-zuwanderung-nach-deutschland-nach-1950?p=all> (date of submission: 25.05.2018).

9. Kury H., Redo S. Bezhtsy i migranty v zakonodatelstve i politike. Vyzovy i vozmozhnosti dlya globalnogo grazhdanskogo obrazovaniya. [Refugees and migrants in law and policy. Challenges and opportunities for global civic education]. Heidelberg, 2018.

10. Papadopoulos R.K. Bezhtsy i psikhologicheskaya travma: psikhologicheskie perspektivy. [Refugees and psychological trauma: psychological perspectives]. URL: http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic1230869.files/arc_1_10refandpsych-1.pdf (date of submission: 25.05.2018).

11. Strakhi nemtsev 2017. [Fears of Germans 2017]. URL: <https://www.ruv.de/static-files/ruvde/downloads/presse/aengste-der-deutschen-2017/grafiken/RV-Aengste-2017-Grafiken.pdf> (date of submission: 25.05.2018).
12. Federalnoe ведомство по делам мигрантов и беженцев FRG. Миграционный отчет 2015. Центральные события. [Federal Office for Migration and Refugees of Germany. Migratory report 2015. Central events]. Nürnberg: Исследовательский центр проблем миграции, интеграции и предоставления убежища. URL: www.bamf.bund.de (date of submission: 25.05.2018).
13. Federalnoe ведомство уголовной полиции FRG. Преступность в контексте иммиграции. Ситуация в стране 2017. [Federal Office of Criminal Police of Germany. Crime in the context of immigration. Situation in the country 2017]. Wiesbaden: Федеральное управление уголовной полиции. 2018.
14. Fetzner J.S. Отношение общественности к иммиграции в США, Франции и Германии. [Public attitudes toward immigration in the United States, France and Germany]. Cambridge, Великобритания: издательство Кембриджского университета. 2000.
15. Flatten G., Gast Y. и др. Рекомендация по посттравматическому стрессовому расстройству. [Recommendation for post-traumatic stress disorder]. *Trauma & violence – Trauma & Violence*. 2011, no. 3, pp. 202–211.
16. Haverkamp R. Иммиграция беженцев в Северо-Западную Европу: Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Нидерланды и Великобритания. [Immigration of refugees to northwestern Europe: Austria, Belgium, France, Germany, the Netherlands, and the United Kingdom]. Кюри Х., Редо С. Беженцы и мигранты в законодательстве и политике. Вызовы и возможности для глобального гражданского образования. Heidelberg, 2018, pp. 39–75.
17. Hainmueller J., Hopkins D.J. Отношение общественности к иммиграции. [Public attitudes toward immigration]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/260264224> (date of submission: 25.05.2018).
18. Halapuu V., Paas T., Tammaru T., Schütz A. Связано ли институциональное доверие с положительным отношением к иммигрантам? Общоевропейское видение. [Is institutional trust related to pro-immigrant attitudes? A pan-European evidence]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/262309488> (date of submission: 25.05.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Хельмут Кури – профессор, доктор психологии, профессор университета им. Альбрехта-Людвига (Фрайбург, ФРГ); e-mail: helmut.kury@web.de

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Helmut Kury – professor, Doctor of Psychology, professor of the Albert Ludwig University (Freiburg, Germany); e-mail: helmut.kury@web.de

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

КОРРУПЦИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

С.М. Иншаков

КОРРУПЦИОННАЯ ВОЙНА КАК ЭЛЕМЕНТ ГИБРИДНОГО ПРОТИВОБОРСТВА ГОСУДАРСТВ

Аннотация: Коррупционные процессы в России являются одним из элементов гибридной войны, ведущейся США против Российской Федерации. Изучение феномена коррупционной войны представляет собой важное направление исследования коррупции в целом.

Ключевые слова: коррупция; гибридная война; коррупционная война; антикоррупционная политика.

S.M. Inshakov

CORRUPTION WAR AS AN ELEMENT OF HYBRID CONFRONTATION BETWEEN STATES

Summary: Corruption processes in Russia are one of the elements of the hybrid war that is waged by the USA against the Russian Federation. The study of the phenomenon of corruption war is an important direction of research on corruption in general.

Key words: corruption; hybrid war; corruption war; anti-corruption policy.

Коррупция как криминальный феномен – сверхсложный объект исследования и ещё более сложный объект воздействия. Проблему коррупции разрешить не легче, чем доказать гипотезу Пуанкаре. Однако достаточно часто лучшие умы, к сожалению, думают не о том, как избавить человечество от раковой опухоли коррупции, а об обогащении за счёт коррупционных механизмов.

Рассмотрение коррупции как инструмента гибридной войны представляется продуктивным подходом, позволяющим, во-первых, существенно углубить представления о природе этого явления, его роли в социогенезе и, во-вторых, трезво оценивать перспективы противодействия коррупции. Такой подход показывает, что коррупция – не просто тайное получение вознаграждения в той или иной форме за недобросовестное использование должностных полномочий. Функции коррупции не ограничиваются внесением поправок в официально задекларированный государством механизм распределения национальных ресурсов.

Три главные особенности вышеуказанного подхода к исследованию коррупции заключаются в следующем:

– коррупция рассматривается как весьма значимый элемент механизма конкурентной борьбы между государствами;

– главными субъектами коррупции являются не коррупционные сети, организованные преступные группы, а конкурирующие государства (государства-противники). Именно эти субъекты целесообразно рассматривать в качестве главных объектов антикоррупционного воздействия;

– политическое значение коррупции доминирует над экономической составляющей.

Гибридная война – термин, введённый в научный оборот американскими военными специалистами в начале XXI века применительно к анализу военно-политической ситуации в Ливане [1]. Изначально им описывалась связь комбатантов и мирного населения – хезболла. Сегодня понятием «гибридная война» охватывается весь спектр способов причинения вреда противнику.

Гибридная война не исключает открытого вооружённого противостояния. Однако в связи с тем, что после появления ядерного оружия рациональная парадигма «горячей» войны была утрачена, крен в гибридной войне всё больше делался в сторону скрытых способов причинения вреда. Такая форма противоборства по существу стала гибридом: сегодня уже нет мира, хотя, кажется, что нет и войны.

Анализ характера международных отношений конца XX – начала XXI века показывает, что коррупция является фундаментальным элементом гибридной войны. Механизм использования коррупции в межгосударственном противодействии детально описал сотрудник американских спецслужб Д. Перкинс в своей книге «Исповедь экономического убийцы». Он лично многие годы участвовал в организации коррупционных войн против различных государств [2]. Коррупционную составляющую «холодной войны» можно рассматривать в качестве одного из самых значимых инструментов разрушения СССР [4].

Как отмечает Д.А. Шестаков, коррупция имеет место во всём мире и во все времена. Она разрастается в рыночном обществе потребления, где всё, что покупается, то и продаётся. Особенно заметна коррупция в постсоветских, постсоциалистических обществах, торговля в которых прежде была ограничена, и в новых условиях многие люди, не имея значительных духовных ориентиров, без оглядки бросились продавать и продаваться [1, с. 38].

Коррупция, как инструмент войны, не является находкой современных теоретиков. Ещё в древности была сформулирована военная хитрость: «Перед ослом, навьюченным золотом, открываются ворота самой неприступной крепости». В наше время наиболее ярко коррупционное оружие проявило себя во время американской агрессии в Ираке в 2003 году. Командиру батальона личной охраны С. Хусейна за его предательство была дана огромная взятка (1 млрд долларов). Сегодня военачальники, замешанные в коррупционных войнах, уже не таят своих секретов [5].

Для криминологов особо значимо изучение феномена коррупционной войны. Без учёта деятельности зарубежных субъектов, коррумпирующих Россию, все меры по противодействию коррупции будут пробуксовывать.

Во времена «холодной войны» зарубежными спецслужбами осуществлялся подкуп

советских должностных лиц, в том числе и высших. В современной гибридной войне зарубежный субъект также предпринимает шаги по коррумпированию наших чиновников, что даёт мощный импульс развитию коррупции в стране в целом.

Можно выделить следующие этапы коррупционной войны против России:

I. Тотальное коррумпирование политической элиты страны. К числу главных инструментов такого коррумпирования относятся:

- приведение к власти в стране лиц со значительным коррупционным потенциалом. При условии выполнения ими требований зарубежных кураторов им обеспечиваются практически безграничные возможности коррупционной практики в России;

- оказание прямого и косвенного воздействия из-за рубежа на должностных лиц, организующих уголовное преследование субъектов, причастных к коррупции;

- разработка эффективных схем коррупционного присвоения национальных богатств государства, в том числе путём принятия соответствующих изменений законодательства;

- представление коррупционерам возможности сбережения коррупционных активов за рубежом. В 1990-е годы это гарантировало им относительную безопасность от отечественных правоохранительных органов;

- обеспечение возможности уехать за рубеж в случае угрозы уголовного преследования в России.

II. С помощью коррумпированной политической элиты создаются условия, способствующие интенсивному развитию коррупции в стране. Формируется и укореняется имитационный стиль антикоррупционного противодействия: трансформации законодательства, судебной и следственной практики, практики оперативных разработок.

III. На первый план выходит коррупционная самодетерминация. Механизм коррупционной деградации социума запущен и начинает функционировать самостоятельно. Схема этой самодетерминации такова:

- Верхний элитарный слой втягивает в коррупционную деятельность средний социальный уровень, а средний – низший.

- Системная коррупция продуцирует коррупцию несистемную. Здесь уместно вспомнить закон подражания (Г. Тард) [7].

IV. Коррупция превращается в социальную норму и элемент государственного управления. Она стимулирует приток на госслужбу энергичных и честолюбивых субъектов, а угроза привлечения к ответственности за коррупцию создаёт рычаги, обеспечивающие управляемость данных лиц.

Тотальное коррумпирование государственного аппарата и общественного сознания начинает выполнять по отношению к коррупционерам охранную функцию:

1) невозможно привлечь к уголовной ответственности всех коррумпированных чиновников в стране: для этого элементарно не хватит мощностей юстиционных механизмов, да и без чиновников (хоть и коррумпированных) в стране начнётся хаос;

2) в социуме, поражённом коррупционной идеологией, на смену коррумпированным чиновникам могут прийти только те, кто внутренне готов коррумповаться.

Коррупцирование страны – беспроблемный вариант гибридной войны:

1) если коррупционная элита выполняет все требования зарубежного субъекта, на коррупцию зарубежные правозащитники закрывают глаза;

2) если элита выходит из-под контроля, зарубежные кураторы организуют народ на антикоррупционный протест. Но он направляется в такое русло, чтобы на смену вышедшей из повиновения коррупционной элите пришла послушная и не менее коррупционная. События на Украине продемонстрировали именно эту схему.

В такой системе детерминант коррупция начинает претендовать на статус не только неприступной крепости, но и непобедимого врага, с которым нет смысла бороться, а лучше сотрудничать. Весьма актуальной становится стратегема: «Если социальный процесс нельзя пресечь или заблокировать, его надо возглавить».

Известно, что распутать gordiev узел невозможно. А найдется ли герой, способный его разрубить? И найдется ли у него, чем разрубить? Разрубить gordiev узел – красивый афоризм. Одно движение – и нет проблемы. Реальность же такова, что одним движением с коррупцией справиться невозможно. Более того, неосторожное движение может привести к негативным последствиям, которые существенно превзойдут коррупционную угрозу.

Стратегия государственного воздействия на коррупцию зависит от политических целей руководителя страны и от политических установок правящей элиты. Лидеры, в зависимости от своего положения, могут придерживаться следующих стратегий поведения в части управления государствами:

1. утративших или утрачивающих политическую субъектность;

2. обеспечивающих стабильность на низком, среднем или высоком уровнях;

3. восстанавливающих или укрепляющих свою политическую субъектность.

Главкомы гибридной войны нацеливаются на то, чтобы держать политическое руководство страны, против которой они интригуют, в рамках первой стратегии. Тогда коррупция имеет статус искомой сущности – того, к чему стремятся враги, что является нормой для компрадорской элиты.

Когда компрадорам удаётся угодить своим зарубежным патронам, политическому руководству позволяют стабилизировать ситуацию в стране и, порой, оказывают содействие в этом плане. Коррупция в стратегии стабилизации подлежит ограничению: от низовой коррупции в этих странах, как правило, избавляются.

Наиболее сложной является задача по обретению страной политической субъектности. Суть коррупционной войны в том и заключается, что при определённом уровне коррупции государство неминуемо утрачивает политическую субъектность и способность к её возрождению. Соответственно, указанная задача предполагает введение коррупции в определённые рамки, позволяющие ставить сложные политические цели и достигать их [6].

Реализация такой задачи начинается в самых неблагоприятных условиях. Отправной точкой её формирования является политическая воля руководителя. Как верно отмечено, факторами неэффективности антикоррупционной политики являются: рекламно-популистский характер принимаемых мер, ожидание мгновенного эффекта от антикоррупционных мер, неприменение антикоррупционных мер к главным субъектам политики, отсутствие необходимой политической воли у высшего руководства страны [3]. Однако такая может стать основой для преобразования общества лишь при условии поддержки главы государства со стороны правящей элиты.

Схемы реализации этой задачи далеки от классических разработок. Главными инструментами введения коррупции в заданные рамки выступают символические кнут и пряник. В роли кнута у знаменитого сингапурского лидера Ли Куан Ю были угрозы, физическое насилие, уголовное преследование.

Российский «кнут» более цивилизованный: привлечение к уголовной ответственности ряда должностных лиц, в том числе губернаторов и министра экономики, законодательный запрет для чиновников иметь счета в зарубежных банках. Тотальная зачистка коррупционеров в Дагестане в феврале 2018 года вполне может претендовать на региональный вариант итальянской операции «Чистые руки». Однако вряд ли эту акцию следует рассматривать как репетицию аналогичных действий в масштабах всей страны. Более корректно оценить её как поднятый кнут. Хотя угроза настолько убедительна, что впору поверить в перспективу «Чистых рук» федерального масштаба.

В качестве пряника может рассматриваться индальгенция на завуалированную коррупцию. Например, «заморозка» законопроекта о криминализации незаконного обогащения (ст. 20 Конвенции ООН против коррупции). Уровень данной коррупции не исключает усиления страны, не препятствует обретению ею политической субъектности.

Такие правовые принципы, как неотвратимость наказания, равенство всех перед законом в тотально коррумпированном государстве реализованы быть не могут. Но отказываться от них публично было бы политической ошибкой.

Мировой опыт показывает, что в основе эффективного противодействия коррупции находятся прагматичные принципы. К их числу относятся:

– интуитивизм в использовании кнута и пряника. Лидер нащупывает рабочие параметры жёсткости и интенсивности мер воздействия и определяет пределы, которые не стоит превышать;

– информационное обеспечение антикоррупционной политики – такое обеспечение, при котором общество воспринимает как приемлемые и уровень коррупции, и меры по противодействию ей. Приемлемы параметры, исключают социальные волнения и катаклизмы украинского типа.

Показателем удовлетворительного уровня коррупции являются качественные параметры функционирования государственного механизма – уровень сложности задач, которые государству удается решать.

При реализации указанной стратегии политический лидер находится в своего рода вилке. Избыток жёсткости может привести к предательству элит и государственному перевороту. Некорректное информационное сопровождение может детерминировать народное возмущение. Классическим примером некорректного информационного сопровождения антикоррупционной политики является то, как было организовано уголовное преследование бывшего министра обороны РФ А. Сердюкова и его подчинённой Е. Васильевой. Несколько подобных акций могли бы опустить рейтинг Президента РФ до нулевой отметки и сорвать реализацию антикоррупционной стратегии. Вероятно, организаторами этой акции такая цель и ставилась.

Надо отдать должное В. Путину: интуиция его не подводит, анализ внутривнутриполитической ситуации и международной обстановки на высоте. В сложнейших ситуациях он находит верные решения. Ему удалось загнать коррупцию в рамки, позволяющие проводить эффективную государственную политику: успех сочинской Олимпиады 2014 года, возвращение Крыма в состав России, завершение строительства космодрома «Восточный», успешная военная операция в Сирии, возведение Крымского моста – всё это было бы невозможно без эффективной антикоррупционной политики.

Криминологический анализ порождает сомнения в эффективности антикоррупционной политики в России, а результаты политической деятельности свидетельствуют иное. Может быть, дело в том, что криминологи привыкли анализировать статистические данные о преступлениях, а они являются не столь уж надёжными показателями параметров социальных процессов.

Ещё один важный аспект антикоррупционной политики, открывающийся в ракурсе анализа коррупции как элемента гибридной войны. Она ведётся различными способами. И для политика, в отличие от криминолога, важно выиграть войну, а не отдельное (антикоррупционное) сражение. При таком подходе успешное проведение внешнеполитических

акций может весьма существенно отразиться на результатах антикоррупционной политики.

Схема здесь несложная. Например, присоединение Крыма – западные санкции – угроза замораживания зарубежных активов российских коррупционеров. Успешные внешнеполитические акции вынуждают зарубежных субъектов создавать препятствия в реализации их же стратегии коррупционной войны. В классическую криминологическую схему эта акция не укладывается. Но позитивные результаты налицо. Да и для классической политологии это решение является нестандартным. Обычно внешняя политика следует в фарватере политики внутренней. А здесь всё наоборот – внешнеполитические акции вынуждают корректировать в нужном направлении внутреннюю политику.

Проведённый анализ заставляет задать правомерные вопросы: «Какова же роль криминологии в разработке и реализации стратегии противодействия преступности? Нуждается ли руководитель государства в криминологическом обеспечении противодействия коррупции?».

Ведь, с одной стороны, как показывает анализ, к числу главных принципов антикоррупционной стратегии относятся интуитивизм руководителя в выборе средств и неклассический характер воздействия на коррупцию. С другой стороны, криминология не всегда готова работать в системе координат политики, тяготея к идеализации подходов и принципов, максимизации результатов. В итоге реальная практика и криминологические теории не стыкуются.

Соотношение между классической и реальной криминологией примерно такое же, как между классической и квантовой физикой. А ведь именно квантовая физика лежит в основе технологических прорывов – атомная бомба, атомная энергетика, атомные подводные лодки. Сложившаяся ситуация показывает и слабость нашей науки, и направление её развития. Если наука оказывается неспособной адаптироваться к исследованию реальности (даже сверхсложной и законспирированной), это является основанием для её негативной оценки. И тут у науки два пути: утратить свою социальную значимость или открыть новые возможности для исследования.

Не исключено, что помимо интуиции руководитель государства опирается на анали-

тические разработки, которые оказались способны смоделировать подходы, позволяющие вырабатывать криминологические схемы, эффективно работающие в условиях политики. Это направление развития криминологии, вероятно, вполне корректно будет определить в качестве перспективного.

Также важным направлением криминологических исследований, которые, несомненно, будут оцениваться политическим руководством как актуальные, является изучение детерминант и разработка мер противодействия низовой коррупции. К этим исследованиям криминология вполне готова. Самое сложное здесь – разработать меры блокирования детерминационной связки низовой коррупции с коррупцией среднего и высшего уровней.

Исследование коррупции среднего уровня может стать для криминологии тем учебным полигоном, на котором она отработает способность влиять на политику, а это уже достаточно сложная задача. Однако здесь криминологи вполне могут рассчитывать на поддержку государства. Особый акцент в этих исследованиях целесообразно сделать на анализе уровня латентности этого вида коррупции и на изучении эффективности реализуемой в обществе системы антикоррупционных мер.

Связь коррупции среднего уровня с коррупцией высшего достаточно велика. Разорвать её возможно лишь в определённых сферах. Это один из самых сложных аспектов исследования. Однако не вызывает сомнений, что данная проблема решаема. Хотя не исключено, что такие исследования потребуют особого государственного патронажа.

Исследование коррупции высшего уровня – задача непростая. Объективную информацию системного характера об этом феномене получить чрезвычайно сложно, фрагментарная же информация не исключает необоснованных выводов.

Разработать корректные рекомендации по воздействию на этот феномен без достаточной информации невозможно. Если предположить идеальный вариант (достаточную информированность), то всё равно разработка системы мер, востребованной руководством страны, без консультаций и согласований с ним, практически невозможна.

В исследовании коррупции высшего уровня возможны три направления:

– общие теоретические исследования феномена коррупции, включающие все уровни, в том числе и высший. Это перспективные исследования, ориентированные на развитие социальной культуры (национальной и общечеловеческой);

– анализ влияния коррупции высшего уровня на перспективы социальных протестов и дестабилизацию социально-политической ситуации в стране. Это направление вполне может быть востребовано руководством государства;

– радикальное направление, ориентированное на изменение политической системы или политического режима. Проводя исследование

в радикальном направлении, надо иметь в виду, что весьма велик риск оказаться в русле организаторов коррупционной войны. Эти исследования могут способствовать направлению России по украинскому сценарию развития.

Таким образом, сфера криминологических исследований коррупции достаточно велика. Для того, чтобы эти исследования обрели социальную значимость, необходима не только их корректная организация. Криминология как наука и направление исследований должна претерпеть определённые трансформации и выйти на более высокую ступень развития. Тогда она сможет рассматриваться в качестве одного из инструментов противодействия коррупционной войне.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hoffman F.G.* Hybrid warfare and challenges // *Joint Force Quarterly*. 2009. I. 52.
2. *Percins J.* Confessions of an economic hit man. San Francisco, 2004.
3. *Данилов А.П.* Факторы неэффективности антикоррупционной политики // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2011. № 1 (20). С. 69–72.
4. *Лютвак Э.Н.* Государственный переворот. М., 2012.
5. *Лютвак Э.Н.* Стратегия. Логика войны и мира. М., 2017.
6. *Мухин А.А.* Испытание Кремля. Диагностика политической системы. М., 2015.
7. *Тард Г.* Законы подражания. СПб., 1892.
8. *Шестаков Д.А.* Кому какая коррупция? // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2011. № 4 (23). С. 38–47.

REFERENCES

1. *Hoffman F.G.* Hybrid warfare and challenges // *Joint Force Quarterly*. 2009. I. 52.
2. *Percins J.* Confessions of an economic hit man. San Francisco, 2004.
3. *Danilov A.P.* Faktory neeffektivnosti antikorrupsionnoy politiki. [The factors of inefficiency of anti-corruption policy]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2011, no. 1 (20), pp. 69–72.
4. *Lyutvak E.N.* Gosudarstvenniy perevorot. [The coup d'etat]. M., 2012.
5. *Lyutvak E.N.* Strategiya. Logika voyny i mira. [Strategy. The logic of war and peace]. M., 2017.
6. *Mukhin A.A.* Ispytanie Kremlya. Diagnostika politicheskoy sistemy. [The test of the Kremlin. Diagnosis of the political system]. M., 2015.
7. *Tarde G.* Zakony podrazhaniya. [Laws of imitation]. SPb., 1892.
8. *Shestakov D.A.* Komu kakaya korruptsiya? [What corruption? And for whom?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2011, no. 4 (23), pp. 38–47.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Михайлович Иншаков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия); e-mail: insmi@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Sergey Mikhaylovich Inshakov – Doctor of Laws, professor, honored lawyer of the Russian Federation, professor of the department of national security and law enforcement of the Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia); e-mail: insmi@yandex.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

П.А. Скобликов

КАК РЕЗОНАНСНЫЕ АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ ДЕЛА ВЛИЯЮТ НА ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ РОССИИ? АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ЭКС-ГЛАВЫ МИНЭКОНОМРАЗВИТИЯ

Аннотация: Если обвинение А. Улюкаева обоснованно, то закончившееся обвинительным приговором и суровым наказанием дело означает, что круг лиц, которые в силу занимаемой должности могли надеяться на защиту от обвинений в коррупции, считались неприкасаемыми, в очередной раз сузился.

Ключевые слова: инвестиционный климат; резонансные уголовные дела; элитарная коррупция; серийные преступления.

P.A. Skoblikov

HOW DO RESONANT ANTI-CORRUPTION CASES AFFECT THE INVESTMENT CLIMATE IN RUSSIA? ANALYSIS ON THE EXAMPLE OF THE CRIMINAL CASE AGAINST THE FORMER HEAD OF THE MINISTRY OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Summary: If A. Ulyukaev's accusation is justified, then the case will be ended with a conviction and severe punishment. It means that the circle of persons who, by virtue of their position, could hope for protection from allegations of corruption and were considered untouchables, once again narrowed.

Key words: investment climate; resonant criminal cases; elite corruption; serial crimes.

Экономическое развитие невозможно без инвестиционной деятельности. Разумеется, его ускорителем являются не спекуляции, а инвестиции в основной и оборотный капитал. При каких условиях основательные инвесторы готовы вкладывать свои капиталы в экономику России?

Инвестиционный климат и коррупция.

На уровне здравого смысла кажется очевидным, что чем более склонны к воровству чиновники в стране, тем меньше иностранный инвестор захочет иметь с ней дел. Но иногда встречается и противоположная точка зрения: инвестору не важно, сколько воруют, если при этом проект остаётся рентабелен. Он всегда согласится включить в расходы ещё одну статью – на взятки. Главное – прибыль. Тоже по-своему логично. Кто же прав?

По мнению А. Конопляника и Е. Жигулиной, коррупция в стране не является абсолютным препятствием для качественных инвестиций. Но государства, в которых наблюдается высокий уровень коррупции, будут

оставаться менее привлекательными для иностранных инвесторов, чем страны, в которых вся деятельность ведётся чисто и открыто, без так называемых «дополнительных коррупционных налогов» [7].

Мы живём в информационном обществе. Это стадия его развития, на которой информация и информационные технологии приобретают ведущее значение во всех сферах общественной жизни. Экономика не является исключением. В связи с этим важно понять, как резонансные антикоррупционные дела влияют на инвестиционный климат, интерес к России зарубежных и отечественных инвесторов.

Под инвестиционным климатом обычно понимается совокупность политических, социально-экономических, социальных, культурных, организационно-правовых и географических факторов, присущих той или иной стране, привлекающих или отталкивающих инвесторов вкладывать свои средства в ту или иную хозяйственную систему (экономику страны, региона, предприятия) [6, с. 13].

Итак, обратимся к показательному во многих отношениях уголовному делу, дающему хороший материал для анализа, причём этот анализ уже начат другими авторами, однако их позиции несколько фрагментарны и недостаточно аргументированы.

Показательное дело. Вечером 14 ноября 2016 года сотрудниками ФСБ РФ был задержан глава Минэкономразвития России А. Улюкаев, в автомобиле которого оперативники обнаружили портфель с 2 миллионами долларов США. После нахождения под домашним арестом, годичного следствия и судебного разбирательства вынесен приговор, которым Улюкаев признан виновным в получении взятки в особо крупном размере, а в качестве основного наказания ему назначено лишение свободы сроком на 8 лет. Улюкаев помещён в следственный изолятор. Сторона защиты приговор обжаловала и в законную силу к началу 2018 года он не вступил.

Указанное дело находилось и, видимо, некоторое время будет находиться в центре общественного внимания. Характерно, что одно из направлений публичного обсуждения сводится к следующим вопросам: «Влияет ли на инвестиционный климат и экономическую ситуацию в нашей стране уголовное дело против экс-главы Минэкономразвития России? Каков вектор влияния?» Эти вопросы ставились неоднократно, что свидетельствует об их значимости и сложности. Известные и авторитетные лица дают на них весьма разные по смыслу ответы.

Президент общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» А. Калинин считает, что инвестиционный климат в России в связи с задержанием Улюкаева не изменится [13]. Пресс-секретарь Президента России Д. Песков полагает: «Следствие в отношении бывшего главы Минэкономразвития не окажет влияния на инвестиционный климат в России, а, напротив, даст ему лишний плюс» [2]. Заместитель председателя Внешэкономбанка А. Клепач выразил мнение, что отставка А. Улюкаева не повлияет на инвестиционный климат России в долгосрочной перспективе. При этом он уточнил, что возможно краткосрочное ухудшение имиджа Минэкономразвития [5]. Председатель Партии Роста и бизнес-омбудсмен Б. Титов сообщил, что процесс над Улюкаевым не влияет на инвестклимат в

России, так как осуждённый не предприниматель [9]. В то же время экс-министр финансов, глава Центра стратегических разработок А. Кудрин заявил: «Неясность в деле Улюкаева оказывает влияние на инвестиционный климат России» [8].

Почему вопрос о влиянии данного процесса повторяется вновь и вновь? Вероятно потому, что ответы на него оставляют чувство недосказанности, неудовлетворённости.

На мой взгляд, проблема, однако, не только в ответах. Она и в том, что задаваемый вопрос имеет несколько подтекстов, которые не проговариваются, но, так или иначе, усматриваются. Причем чувствуются по-разному, что влияет и на восприятие ответов слушателями, читателями. Давайте попробуем рассмотреть возможные подтексты этого непростого и актуального вопроса. Тогда предлагаемые ответы станут более понятными, а отношение к ним – более продуманным и обоснованным.

Первый подтекст. Если информация по делу Улюкаева, опубликованная в СМИ, соответствует действительности, и Улюкаев требовал себе деньги в наличной форме за положительное заключение по сделке о покупке крупнейшей нефтегазовой компанией в мире «Роснефть» старейшего предприятия нефтяной отрасли нашей страны – «Башнефти», то это негативно характеризует в глазах общественности Минэкономразвития в целом, значит, и в глазах инвесторов, в частности. Глава ведомства задаёт неписанные правила игры. Следовательно, подчинённые Улюкаева, вероятно, тоже коррупционеры. Коррупционность чиновников, отвечающих за экономику, не может не ухудшать инвестиционный климат, не может не влиять на экономическую ситуацию негативно.

Второй подтекст. Информация по делу Улюкаева также негативно характеризует ключевых экономических субъектов российской экономики, во многом определяющих экономические отношения в стране.

Если министр экономики требует в качестве взятки 2 миллиона долларов США наличными от главы крупнейшей корпорации России, находящейся под контролем государства, то, значит, Улюкаев располагает важной информацией: в этой корпорации есть «чёрная» касса, из которой можно изъять без отражения в бухгалтерских документах такую крупную сумму денег. Вряд ли министр, не-

скольким лет занимавший столь высокий пост в ключевом министерстве, а ранее работавший в руководстве Центрального Банка России, — наивный и неосведомлённый человек.

Отсюда также следует, что и в других государственных корпорациях, на предприятиях, в частных, тем более мелких организациях, вероятно, существует та же практика. Она нацелена на обслуживание коррупции и создаёт предпосылки для внутренних и внешних хищений в той или иной форме.

Третий подтекст. Обнародованная фабула дела Улюкаева отрицательно характеризует правоохранительную систему. Если исходить из описаний в СМИ операции по задержанию Улюкаева с поличным, то это мероприятие было не слишком хорошо спланировано и проведено. Важно было зафиксировать, что Улюкаев видел содержимое чемодана и затем забрал портфель, не отказавшись от него. Или посмотрел содержимое после того, как завладел портфелем и оставил его себе. Не возмутился, не удивился. В пределе — взял деньги в руки, чтобы сосчитать, проверить их подлинность.

Но вот если исходить из опубликованных данных, осуждённый прикоснулся к закрытой на ключ таре, но не к деньгам. Нет доказательств, что осуждённый видел деньги до задержания. Версия защиты: Улюкаев думал, что в сумке бутылки с вином. Между тем, к работе по такому делу должны быть подключены лучшие оперативники и следователи, задействованы самые современные технические средства и т.д. Каковы же остальные, когда в таком серьёзном деле так неквалифицированно всё проведено?

Если имело место вымогательство взятки, то Улюкаевым совершено дерзкое преступление. Вымогательству подвергся влиятельный человек, входящий в самые высокие кабинеты, возглавляющий крупнейшую государственную корпорацию. Такое преступление, как правило, не совершается спонтанно. Преступник должен «созреть» до такого масштаба. Обычно крупному, особо тяжкому преступлению предшествует череда менее крупных, менее опасных и не столь откровенных. Кроме того, преступник большого калибра обычно не действует один, ему нужны помощники, то есть у него, вероятно, имеются соучастники.

Есть такая закономерность оперативно-розыскной деятельности, известная тем, кто имеет практический опыт: когда в разработку

попадают серийные преступники, обычно выявляется и документируется не одно, а некоторая часть совершённых ими преступлений. К серийным преступникам можно отнести и коррупционеров, которые, подобно квартирным ворам, совершают, как правило, не одно, а десятки, а то и сотни преступлений, прежде чем их преступная деятельность пресекается.

По сообщениям СМИ Улюкаев был в разработке около года. Однако выявлено лишь одно преступление, соучастники не установлены. Недостатки в работе правоохранительных органов по защите экономических субъектов от коррупционных преступлений не могут не ухудшать инвестиционный климат.

Предварительные умозаключения и выводы. Каково мнение автора по центральному вопросу? Большинство россиян, как и многие зарубежные инвесторы, знают о существовании серьёзных изъянов в российской экономике, существенных недостатков в работе правоохранительной и судебной систем, при этом они уверены, что коррупция присутствует не только на бытовом уровне, но и в высших эшелонах власти.

Более того, определённая часть предпринимательского сообщества понимает экономическую целесообразность коррупции и использует её в конкурентной борьбе, для максимизации прибыли и снижения некоторых издержек. Экономическая целесообразность состоит, прежде всего, в том, что коррупция позволяет за вознаграждение решить ту или иную проблему. Для предпринимателя, например, это необходимый расход, входящий в себестоимость продукта. Деловой человек такую вынужденную трату сопоставляет с риском быть разоблачённым и прибылью, которую благодаря подкупу можно получить. Если ожидаемая прибыль достаточно высока, он идёт на подкуп [12, с. 44].

Вследствие этого далеко не все инвесторы (и национальные, и зарубежные) полагают, что при коррупции, каким бы не был её уровень, инвестиции невозможны. При принятии решения они учитывают определённые параметры коррупции: насколько понятны и изменчивы её правила, надёжны и выгодны коррупционные контракты, дают ли они преимущество перед конкурентами и в чём, каковы гарантии конфиденциальности коррупционных отношений, каков риск привлечения к ответственности, насколько суровое наказание

грозит [10] и т.д. В качестве подтверждения можно сослаться на дела о коррупции, возбуждённые в странах западной демократии с образцовым правопорядком и развитой экономикой против крупных компаний с хорошей (казалось бы) репутацией и давними этическими традициями [11; 4].

Вот почему дело Улюкаева не может привести к большим открытиям для граждан и предпринимателей в перечисленных сферах, а тем более для экспертного сообщества. Вместе с тем, если обвинение обоснованно, то закончившееся обвинительным приговором и суровым наказанием дело означает, что круг лиц, которые в силу занимаемой должности могли надеяться на защиту от обвинений в коррупции, считались неприкасаемыми, в очередной раз сузился. Впервые в истории постсоветской России был задержан в связи с обвинением в коррупции действующий федеральный министр, занимающий один из ключевых постов в Правительстве страны. Тем самым создан важный прецедент. А всё это, в совокупности, может позитивно повлиять и на экономическую ситуацию, и на инвестиционный климат нашей страны.

Отечественные криминологи и правоведы не раз отмечали тревожную закономерность: основными разоблачениями в сфере противодействия коррупции были преступления, совершённые на уровне мелкого и, в незначительной части, среднего чиновничьего аппарата, тогда как основная и колоссальная цена коррупционных преступлений, которую наше общество платит во всё больших размерах, складывается из преступлений политической «элиты» [3, с. 71; 1]. В этом плане дело Улюкаева есть один из сигналов, что ситуация меняется в позитивную сторону.

Ну и напоследок. Вопрос об инвестиционном климате порой соседствует с вопросом: «А не было ли дело Улюкаева политически мотивировано?». Под этой политкорректной формулировкой скрывается предположение о том, что данное дело есть проявление клановой борьбы. Однако даже если это так, то при условии обоснованности обвинения дело всё равно даёт положительный импульс. Ведь высшим чиновникам посылаётся сигнал: хочешь быть менее уязвим в клановой борьбе, не будь замаран в коррупции!

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова И.А.* О неизбежности смены уголовной политики противодействия экономической преступности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2015. № 1. С. 158–164.
2. В Кремле прокомментировали вопрос об отставке Улюкаева. URL: <http://tass.ru/politika/3785438> (дата обращения: 07.02.2018).
3. *Данилов А.П.* Факторы неэффективности антикоррупционной политики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 1 (20). С. 69–72.
4. *Демидова А.* AstraZeneca заплатит штраф по делу о взятках в Китае и России // Ведомости. – 2016. – 31 августа.
5. Зампред ВЭБа: отставка Алексея Улюкаева не повлияет на инвестиционный климат // Коммерсантъ. – 2016. – 19 ноября.
6. Инвестиционный климат: методика оценки: учебное пособие / И.Б. Максимов. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002.
7. *Конопляник А., Жигулина Е.* Взятки и инвесторы. Как прямые иностранные инвестиции в страну зависят от уровня коррупции в ней // Профиль. 2017. 13 декабря.
8. Кудрин заявил о влиянии дела Улюкаева на инвестклимат России // Взгляд. – 2016. – 15 ноября.
9. Процесс над Улюкаевым не влияет на инвестклимат в России, считает Титов. <https://ria.ru/economy/20161115/1481375835.html> (дата обращения: 07.02.2018).
10. *Скобликов П.А.* Как наказываются коррупционеры в современной России? // Российская юстиция. 2006. № 12.
11. Швеция: коррупционный скандал с узбекским следом. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2012/10/121031_uzbekistan_sweden_fraud_investigation (дата обращения: 07.02.2018);
12. *Шестаков Д.А.* Кому какая коррупция? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 4 (23). С. 38–47.
13. Эксперт считает, что инвестклимат РФ не изменится из-за задержания Улюкаева. URL: <https://ria.ru/economy/20161115/1481375835.html> (дата обращения: 07.02.2018).

REFERENCES

1. *Aleksandrova I.A.* O neizbezhnosti smeny ugolovnoy politiki protivodeystviya ekonomicheskoy prestupnosti. [On the inevitability of changing the criminal policy of counteracting economic crime]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Volgograd State University*. Ser. 5: Yurisprudentsiya. 2015, no. 1, pp. 158–164.
2. V Kremlе prokommentirovali vopros ob otstavke Ulyukaeva. [The Kremlin commented on the resignation of Ulyukaev]. URL: <http://tass.ru/politika/3785438> (date of submission: 07.02.2018).
3. *Danilov A.P.* Faktory neeffektivnosti antikorrupsionnoy politiki. [The factors of inefficiency of anti-corruption policy]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2011, no. 1 (20), pp. 69–72.
4. *Demidova A.* AstraZeneca zaplatit shtraf po delu o vzyatkakh v Kitae i Rossii. [AstraZeneca will pay a fine for the bribery case in China and Russia]. *Vedomosti*, 2016, August 31.
5. Zampred VEBA: otstavka Alekseya Ulyukaeva ne povliyaet na investitsionnyy klimat. [Deputy Chairman of the Bank for Development and Foreign Economic Affairs: Alexey Ulyukaev's resignation will not affect the investment climate]. *Kommersant*, 2016, November 19.
6. Investitsionnyy klimat: metodika otsenki: uchebnoe posobie. [Investment climate: assessment methodology: a textbook]. I.B. Maksimov. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2002.
7. *Konoplyanik A., Zhigulina E.* Vzyatki i investory. Kak pryamye inostrannye investitsii v stranu zavisyat ot urovnya korruptsii v ney. [Bribes and investors. How does foreign direct investment in the country depend on the level of corruption in it]. *Profil*, 2017, December 13.
8. Kudrin zayavil o vliyaniі dela Ulyukaeva na investklimat Rossii. [Kudrin spoke about the influence of Ulyukaev's case on Russia's investment climate]. *Vzglyad*, 2016, November 15.
9. Protsess nad Ulyukaevym ne vliyaet na investklimat v Rossii, schitaet Titov. [Ulyukaev's case does not affect the investment climate in Russia, Titov believes]. <https://ria.ru/economy/20161115/1481375835.html> (date of submission: 07.02.2018).
10. *Skoblikov P.A.* Kak nakazyvayutsya korruptsionery v sovremennoy Rossii? [How are corrupt officials punished in modern Russia?]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice*. 2006, no. 12.
11. Shvetsiya: korruptsionnyy skandal s uzbekskim sledom. [Sweden: corruption scandal with the Uzbek trace]. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2012/10/121031_uzbekistan_sweden_fraud_investigation (date of submission: 07.02.2018).
12. Shestakov D.A. Komu kakaya korruptsiya? [What corruption? And for whom?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2011, no. 4 (23), pp. 38–47.
13. Ekspert schitaet, chto investklimat RF ne izmenitsya iz-za zaderzhaniya Ulyukaeva. [The expert believes that the Russian investment climate will not change because of the detention of Ulyukaev]. URL: <https://ria.ru/economy/20161115/1481375835.html> (date of submission: 07.02.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пётр Александрович Скобликов – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия); e-mail: skoblikow@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Pyotr Aleksandrovich Skoblikov – Doctor of Laws, professor, senior research scientist of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: skoblikow@list.ru

УДК 343.97
ББК 67.51

В.А. Номоконов, Ю.Ю. Попова, В.В. Филиппов

ТЕНЕВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР

Аннотация: Теневое государство – явление, существующее параллельно с системой государственного управления. Оно скрыто за фасадом права и государственными институтами. Такое государство поддерживается силой криминальных структур, заинтересованных негосударственных деятелей и коррумпированных государственных служащих.

Ключевые слова: теневое государство; коррупция; лоббистская деятельность.

V.A. Nomokonov, Y.Y. Popova, V.V. Filippov

A SHADOW STATE AS A CRIMINOGENIC FACTOR

Summary: A shadow state is a phenomenon existing in parallel with the system of public administration. It is hidden behind the law and state institutions. Such a state is supported by the power of criminal structures, interested non-state figures and corrupt civil servants.

Key words: shadow state; corruption; lobbying activity.

Весьма значительную, если не определяющую роль в «теневизации» многих социальных явлений, а также преступности, на наш взгляд, играет некая скрытая теневая сила – «теневое государство». В отличие от теневой экономики, «теневого права» проблема теневого государства в настоящее время недостаточно исследована. Все названные феномены объединяет их неофициальный статус. Это то, что не находит отражения в государственной статистической отчётности.

Первым предложил исследовать «теневое право» известный теоретик права В.М. Баранов. Он определяет его как «опасную разновидность неофициального права, представляющего собой находящийся в состоянии борьбы с официальным правом свод асоциальных обязательных, устанавливаемых самими участниками общественных отношений предписаний, и т.п., посредством чего регламентируются все этапы противоправной деятельности, образуется теневой правопорядок, охраняемый специальными морально-психическими, материальными и физическими санкциями» [4, с. 21].

Отметим, вряд ли корректно этот теневой регулятор называть правом. Однако смысл здесь заключён в сути теневой регламентации, специфике её форм и особой опасности. Теневое право выступает в качестве антипода официальной (государственной) системы

нормативного и индивидуального правового регулирования. Теневое право, как полагает В.М. Баранов, не только «не входит» в правовую жизнь общества, но активно противостоит ей, разрушает её в силу своей антиобщественной природы. Теневое оно потому, что негласно выступает руководством к действию для определённых слоёв и групп общества [3].

Это и есть пресловутые «понятия», которыми руководствуются представители криминалитета в своей деятельности. Данная идея, несмотря на дискуссионность, тем не менее, нашла последователей, в том числе в лице известного политолога В. Пастухова, который развил её, составив гипотетический проект «понятийной Конституции» [12].

Экспертами отмечается, что теневые экономические институты находят продолжение в политической и правовой системах. Чиновники используют свои полномочия и информацию, которой располагают, в качестве ресурсов для осуществления неофициального «предпринимательства» и влияния на значимые социальные процессы. Право в результате в значительной степени превращается в декоративное. Теперь оно не так уж редко используется для того, чтобы наказать тех, кто нарушает теневые нормы или мешает влиятельным группировкам добиваться «теневых» экономических, политических или иных целей [9].

Одной из сторон теневого государства является лоббистская деятельность в законодательных органах. Известны два подхода к этому явлению. Согласно первому, лоббизм искажает демократические принципы, зачастую связан с криминальным миром. Согласно второму – лоббизм есть проявление демократии, которая через петиции может повлиять на принимаемые государственным деятелями решения. Лоббизмом занимаются специальные фирмы, персонал крупных корпораций, а также профсоюзы и иные общественные объединения. Он прямо закреплён в законодательстве США, Чили, Перу.

В России лоббизм чаще всего ассоциируется с теневой силой. В основном это связано с тем, что он проявляется в одностороннем влиянии частного интереса на политику, в то время как в демократическом государстве на принятие политических решений должен влиять народ.

Приведём пример теневой стороны лоббистской деятельности. Конгрессмены США, чьи финансовые ресурсы инвестированы в компании, получающие прибыль от государственных заданий, чаще всего поддерживают законы, которые принесут выгоду именно таким компаниям. Парламентарии же, обладающие большим количеством акций, в период кризиса обычно поддерживают фондовые биржи. Таким образом, готовность законодателя рискнуть государственными деньгами ради спасения собственных интересов систематически приносит риски экономике США. Примером этого является принятая в период кризиса 2008 года Программа по спасению проблемных активов, предполагающая покупку правительством США ценных бумаг у банков и иных финансовых институтов с целью поддержки финансового, в том числе частного, сектора.

В зарубежной литературе указывается на прямое влияние частных корпораций на принятие государственных решений [2]. Так, ежегодно правительство Великобритании выделяет 80 миллиардов фунтов стерлингов на деятельность компаний, выполняющих важные государственные функции на условиях аутсорсинга: управление тюрьмами, системой здравоохранения, транспортное обслуживание, оказание правовой помощи и даже защита детей.

Поскольку право есть ничто без аппарата, способного к принуждению, «теневое пра-

во», в свою очередь, также обеспечено силой, только теневой, роль которой и предстоит исследовать. Если позитивное право реализуется посредством официальной деятельности государства, то теневое право – через тайное государство, теневую власть.

Теневая власть определяется политологами как «устойчивая совокупность неформальных (незаконных) процедур и институтов, которые в коррупционных отношениях и видах деятельности выражаются в установлении параллельных центров власти, влияющих на принятие ключевых государственных решений, носят закрытый характер и распространяются среди членов теневой элиты и их сторонников, криминалитета» [7, с. 15]. Представляется, что такая власть и есть так называемое теневое государство.

По сути, теневое государство – явление, существующее параллельно с системой государственного управления. Оно скрыто за фасадом права и государственными институтами. Такое государство поддерживается силой криминальных структур, заинтересованных негосударственных деятелей и коррумпированных государственных служащих.

Теневое государство распространяет своё влияние на отправление правосудия, регулирование рынка, распределение ресурсов. Как и легальное государство, оно обладает определённым набором базовых функций и инструментов для достижения своих целей. В нём есть свои судьи, разрешающие споры.

Всем политическим эпохам присуще использование двух основных типов управления: открытого (явного) и скрытого (теневого, или в крайнем его выражении – тайного). В первом случае цели власти и управления ставятся и осуществляются открыто. Во втором – маскируются, замалчиваются. Конкретное соотношение этих двух типов зависит от целого ряда причин, но прежде всего – от степени совпадения (или несовпадения) интересов тех, кто управляет, и тех, кем управляют [14].

Понятно, что власть, сформированная коррупционным путём, не борется реально с коррупцией, а генерирует её. Механизмы формирования государственных и муниципальных органов очень часто строятся на частном финансировании выборов. Оно широко распространено в мировой практике. Например, немецкая модель финансирования партий и выборов несвободна от существенных недо-

статков, способствующих махинациям в законодательной деятельности.

Одно из наиболее громких нарушений, ставших известным общественности, получило название по имени руководителя концерна – «афера Флика», осуществлявшего финансирование партий, депутатов, министров, в обмен на льготы по уплате налогов. Концерн платил пожертвования партиям через близкие к ним фонды и организации. Публикации в прессе повлекли за собой создание специального комитета Бундестага для расследования ситуации. Социал-демократическая партия Германии, основная партия правящей на тот момент коалиции, была обвинена в нарушении законодательства, что повлекло за собой потерю ею правительственной власти [8].

В США также существует практика финансирования выборов частным капиталом. Она получила определение «политический взнос». Отдельные исследователи, проанализировав избирательные кампании 50 американских штатов, пришли к выводу, что финансирование кандидатов и политических партий напрямую связано с лоббизмом и коррупцией [1].

Многие процессы в нынешней России, к сожалению, реализуются не в цивилизованном, открытом варианте, а под «ковром», теневыми способами. Т.А. Шаклеина замечает, «вместо нормального государственного строительства наши политические элиты создали неофициальную систему параллельных властных структур, основной характеристикой которой является сращивание государственных структур и частного сектора. Результатом этого стало сдерживание развития политических институтов, торможение производства, отказ части населения от законной экономической деятельности. Главной целью элиты является не общественное развитие, а собственное процветание, получение немедленных финансовых выгод» [15].

Российские криминологи, например, А.И. Долгова, В.В. Лунеев, в своих работах часто упоминают теневую политику и теневую юстицию в их неформальной взаимосвязи со структурами бизнеса и (или) криминала [6; 10]. Теневая политика самым непосредственным образом связана с коррупцией, а потому должна рассматриваться как важнейший криминогенный фактор. В роли институтов теневой юстиции не так уж редко выступают органы внутренних дел, прокуратура, суды.

Структура «коллективной олигархии» – нового правящего класса – существенно усложнилась в сравнении с 1990 годами. Теперь в неё входят как старые, так и новые олигархи, крупные чиновники, в том числе высшие представители силовых ведомств, и даже часть элиты «воровского мира» [11].

Однако тайную теневую власть необходимо рассматривать, прежде всего, с позиций мирового уровня. Так, Д.А. Шестаков характеризует глобальную олигархическую власть (ГОВ) как неформальную власть численно ограниченной группы наиболее финансово богатых олигархов над зависимыми от них властями государств, контролирующая в планетарном масштабе финансовые потоки и наиболее доходные отрасли промышленности, средства массовой информации в целях получения сверхприбыли, укрепления и расширения своего экономического и политического господства, координирующая свою деятельность с помощью полузакрытых и скрытых организаций, опирающаяся на транснациональные, прежде всего финансовые, корпорации, на государства «золотого треугольника», их вооружённые силы и военные блоки [16, с. 13].

Как отмечает А.П. Данилов, конечной задачей глобальной политической преступной деятельности является построение ГОВ тоталитарного глобального псевдогосударства, возглавляемого её представителями (мировым правительством). Для этого первоначально она установила контроль над всеми суверенными государствами. Теперь же подготавливает соответствующее общественное мнение: население всех стран должно якобы самостоятельно прийти к осознанию того, что миром следует управлять глобальной властью. Ей, мол, и с экологическими проблемами, и с другими всемирными вызовами будет справиться легче. То, что именно она является источником всех мировых проблем, населению узнать не дают, ГОВ о таком «забвении» бережно заботится [5, с. 41].

Бюджетный процесс теневого государства по принципам своей организации копирует воровской общак. В него идёт процент от различного рода доходных промыслов: плата за продажу государственных должностей, комиссии за получаемые государственные заказы, подряды и иные выгодные сделки с органами государственной власти, доходы от деятельности государственных корпораций, конфи-

денциально понуждаемых направлять часть прибыли на финансирование непрофильных проектов, отчисления от незаконных «промыслов», осуществляемые под надзором правоохранительных органов, в первую очередь, от операций по «обналичиванию» денег, их отмыванию и выводу за рубеж, незаконный возврат налогов (НДС и налога на прибыль) [11].

Возникает вопрос: «Как соотносятся теневое государство и криминальное (мафиозное) государство?». Представляется, что последнее есть заключительная стадия развития теневого государства. Перспективным и полезным видится исследование теневой власти через призму «воронки преступности» [16].

Субъектами внутренней теневой власти являются коррумпированные служащие и политики, неформальные сообщества («семья», «друзья», «двор»), представители криминалитета. Сегодня мы видим основные элементы теневого государства: есть реальная теневая власть и её правовые механизмы, теневое право, его нормы и обычаи, их принудительная сила, аппарат исполнения теневых законов. Совокупность этих и многих других существенных и взаимосвязанных теневых элементов, их единая направленность на обеспе-

чение и защиту теневых интересов позволяет говорить о вполне сложившемся теневом государстве внутри государства официального [13, с. 36].

В заключение отметим, негативные социальные, в том числе криминальные, процессы в странах мира развиваются по одному сценарию и имеют одинаковую основу:

1) власть в государствах принадлежит крупному капиталу;

2) официальная власть является лишь ширмой для теневой власти, озвучивая и реализуя её волю;

3) население рассматривается как источник формирования богатств теневиков, приравнивается к таким воспроизводимым ресурсам, как древесина, рыба и др.;

4) чтобы держать людей в подчинении, используются различные манипулятивные технологии, ориентирующие массы на ничего не значащие цели. Внимание концентрируется на спортивных достижениях (с каким счётом сыграли футболисты, кто выиграл в керлинг и т.д.), информационные каналы насыщаются информацией, имеющей нулевую полезность (ток-шоу, смакующие интимными подробностями жизни «звёзд» и т.п.).

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Omer Gokcekus & Sertac Sonan. Political contributions and corruption in the United States // Journal of Economic Policy Reform. 2017.
2. White A. Shadow State: Inside the Secret Companies that Run Britain. Oneworld Publications, 2016.
3. Баранов В.М. Теневое право как антиюридическая жизнь // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4. С. 9–21.
4. Баранов В.М. Теневое право. Н. Новгород, 2002.
5. Данилов А.П. Вмешательство в государственный суверенитет как звено глобальной политической преступной деятельности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4 (47). С. 41–48.
6. Долгова А.И. Преступность, её организованность и криминальное общество. М., 2003.
7. Зарандия Д.А. Политическая коррупция как форма теневой власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Р/нД., 2002.
8. Колюшин Е.И. Конституционно-правовые меры противодействия коррупции на выборах // Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: Коллективная монография / отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2016.
9. Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // Социологические исследования. 2002. № 4.
10. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2007.
11. Пастухов В. Взлёт и падение государственного проекта Владимира Путина. URL: <http://polit.ru/article/2012/03/07/putin/> (дата обращения: 10.03.2018).
12. Пастухов В. Понятийная конституция. URL: <http://www.democracy.ru/article.php?id=3373> (дата обращения: 05.03.2018).
13. Смирнов А. Для чего нужен силовой вариант // Аргументы и факты. – 2003. – № 33.
14. Цыганов В. Теневой человек теневой страны // Интелрос. 2007. № 34.
15. Шаклеина Т.А. Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Т. 1, 2002.
16. Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 12–22.

REFERENCES

1. Omer Gokcekus & Sertac Sonan. Political contributions and corruption in the United States // Journal of Economic Policy Reform. 2017.
2. White A. Shadow State: Inside the Secret Companies that Run Britain. One world Publications, 2016.
3. Baranov V.M. Tenevoe pravo kak antiyuridicheskaya zhizn. [Shadow law as anti-legal life]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Juridical Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014, no. 4, pp. 9–21.
4. Baranov V.M. Tenevoe pravo. [Shadow law]. N. Novgorod, 2002.
5. Danilov A.P. Vmeshatelstvo v gosudarstvenniy suverenitet kak zveno globalnoy politicheskoy prestupnoy deyatel'nosti. [Interference in state sovereignty as an element of the global political criminal activity]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 4 (47), pp. 41–48.
6. Dolgova A.I. Prestupnost, ee organizovannost i kriminalnoe obshchestvo. [Crime, its organization and criminal society]. M., 2003.
7. Zarandiya D.A. Politicheskaya korruptsiya kak forma tenevoy vlasti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Political corruption as a form of shadow power]. Rostov-na-donu, 2002.
8. Kolyushin E.I. Konstitutsionno-pravovye mery protivodeystviya korruptsii na vyborah. [Constitutional and legal measures to combat corruption in elections]. *Protivodeystvie korruptsii: konstitutsionno-pravovye podkhody: Kollektivnaya monografiya – Anti-corruption: Constitutional and Legal Approaches: Collective monograph*. Otv. red. S.A. Avakyan. M., 2016.
9. Kosals L.Y., Ryzkina R.V. Stanovlenie institutov tenevoy ekonomiki v postsovetskoj Rossii. [Formation of the institutions of the shadow economy in post-Soviet Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 2002, no. 4.
10. Luneev V.V. Epokha globalizatsii i prestupnost. [The era of globalization and crime]. M., 2007.
11. Pastukhov V. Vzlet i padenie gosudarstvennogo proekta Vladimira Putina. [The rise and fall of the state project of Vladimir Putin]. URL: <http://polit.ru/article/2012/03/07/putin/> (date of submission: 10.03.2018).
12. Pastukhov V. Ponyatiynaya konstitutsiya. [Conceptual constitution]. URL: <http://www.democracy.ru/article.php?id=3373> (date of submission: 05.03.2018).
13. Smirnov A. Dlya chego nuzhen silovoy variant. [What is a power option needed for]. *Argumenty i fakty – Arguments and Facts*. 2003, no. 33.
14. Tsyganov V. Tenevoy chelovek tenevoy strany. [The shadow man of the shadow country]. Intelros. 2007, no. 34.
15. Shakleina T.A. Vneshnyaya politika i bezopasnost sovremennoy Rossii. 1991–2002. [Foreign policy and security of modern Russia. 1991–2002]. Vol. 1, 2002.
16. Shestakov D.A. Planetarnaya oligarkhicheskaya prestupnaya deyatel'nost: devyatiy uroven prestupnosti. [Global oligarchic criminal activity: ninth level of crime]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 2 (25), pp. 12–22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Виталий Анатольевич Номоконов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, директор Центра по изучению организованной преступности и коррупции (Владивосток, Россия); e-mail: nomokonov@rambler.ru

Юлия Юрьевна Попова – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия); e-mail: popova.yuyu@dvfu.ru

Виктор Владимирович Филиппов – кандидат юридических наук, доцент Дальневосточного института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (Хабаровск, Россия); e-mail: filvv20@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vitaly Anatolyevich Nomokonov – Doctor of Laws, professor, professor of the department of criminal law and criminology of the Far Eastern Federal University, director of the Center for the study of organized crime and corruption (Vladivostok, Russia); e-mail: nomokonov@rambler.ru

Yuliya Yuryevna Popova – PhD in Laws, associate professor of the department of constitutional and administrative law of the Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia); e-mail: popova.yuyu@dvfu.ru

Viktor Vladimirovich Filippov – PhD in Laws, associate professor of the Far Eastern Institute (branch) of the Russian State University of Justice (Khabarovsk, Russia); e-mail: filvv20@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

УДК 343.9
ББК 67.51

А.В. Комарницкий

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДОКТРИНЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация: Под сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних следует понимать противоправное извлечение дохода, получение иных выгод путём предоставления сексуальных услуг человека другим (третьим) лицам.

Ключевые слова: сексуальная эксплуатация; несовершеннолетние; насилие.

A.V. Komarnitsky

THE CONCEPT AND TYPES OF SEXUAL EXPLOITATION OF JUVENILES IN THE DOCTRINE OF CRIMINOLOGICAL SCIENCE AND CRIMINAL LEGISLATION

Summary: Sexual exploitation of juveniles should be understood as unlawful earning income or obtaining other benefits by providing sexual services to other persons.

Key words: sexual exploitation; juveniles; violence.

Проблеме сексуальной эксплуатации несовершеннолетних посвящено большое число работ зарубежных и российских исследователей [4; 11; 12; 14]. Вместе с тем нельзя сказать, что данная тема в полной мере теоретически разработана.

риод с 2014 по 2017 год число изнасилований несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет (п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ) выросло практически в 1,5 раза, а изнасилований лиц, не достигших 14 лет (п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ), – в 2 раза.

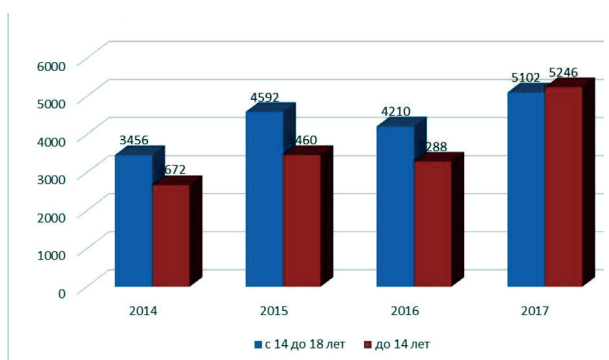

Рис. 1. Динамика изнасилований несовершеннолетних (2014–2017 год) [8].

Вызывает определённую тревогу и рост преступлений сексуального характера в России в отношении несовершеннолетних. В пе-

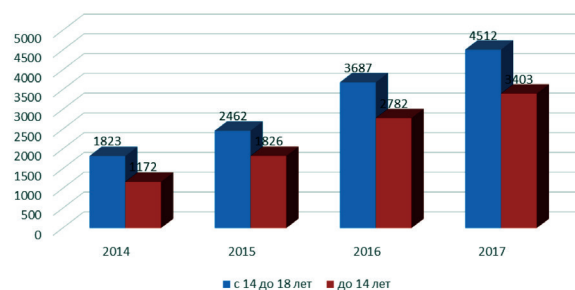

Рис. 2. Динамика насильственных действий сексуального характера против малолетних и несовершеннолетних (2014–2017 год) [8].

В тот же период в 3 раза выросло число насильственных действий сексуального ха-

рактера в отношении детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста (п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ), и в 2,5 раза – количество аналогичных преступлений в отношении иных несовершеннолетних (п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ). Доля насильственных действий сексуального характера в отношении малолетних в течение последних лет увеличивалась интенсивнее удельного веса изнасилований несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет.

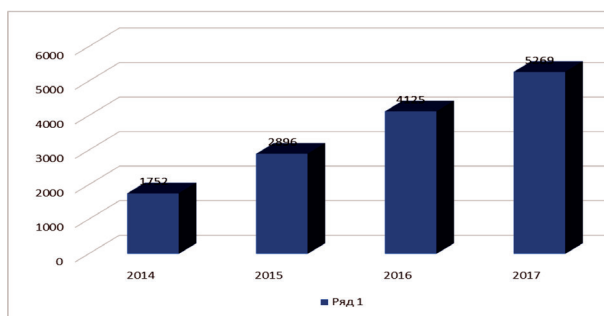

Рис. 3. Динамика понуждений несовершеннолетних к действиям сексуального характера (2014–2017 год) [9].

Динамика роста преступлений прослеживается и в отношении понуждений несовершеннолетних к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ). За рассматриваемый период количество таких преступлений увеличилось почти в 3 раза.

Таким образом, статистика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних свидетельствует, что в последние годы количество таких преступных деяний, несмотря на активное противодействие им правоохранительных органов, значительно увеличилось. При этом растёт не только абсолютное число нарушений данного вида, но и их удельный вес в структуре преступлений против интересов и свобод несовершеннолетних.

Анализ российского законодательства и доктринальных подходов к понятию «сексуальная эксплуатация несовершеннолетних» позволяет выявить ряд существенных проблем:

- не сложилось единого подхода к определению термина «сексуальная эксплуатация несовершеннолетних»;
- отсутствует специальная норма об ответственности за сексуальную эксплуатацию;
- не определён чёткий перечень деяний, которые могут быть отнесены к преступлени-

ям в сфере сексуальной эксплуатации несовершеннолетних;

- требует уточнения совокупность признаков, отражающих сущность сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (возрастные, психологические, физические).

Согласно международным нормам, сексуальная эксплуатация включает «как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации...» [7, с. 104]. Данная норма имплементирована в российское уголовное законодательство практически в том же виде. В УК РФ эксплуатация человека трактуется как «использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние» (примечание 2 к ст. 1271).

Особо отметим выявленные А.П. Даниловым преступные нормы против несовершеннолетних, заложенные в международном акте, направленном на защиту детей. «Нормы Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия содержат преступные положения, являющиеся *de jure* правилом применения сексуального насилия в отношении детей. В ст. 6 данной Конвенции «Просвещение детей» завуалировано, но нормативно читаемо, закреплено преступление, предусмотренное ст. 22 Конвенции – совращение детей» [3, с. 44].

Согласны с Ю.П. Смирновым в том, что «сексуальная эксплуатация представляет собой специфическую форму эксплуатации, связанную с использованием особой сферы человеческого общения – сексуальных отношений, которой в физиологии человека отводится весьма значительная роль» [10, с. 13].

На наш взгляд, недостаточное внимание к исследованию вопросов, связанных с разработкой базового понятия «сексуальная эксплуатация», в совокупности с небольшим объёмом правоприменительной практики стало одной из причин отсутствия в законодательстве понятия и признаков сексуальной эксплуатации вообще и несовершеннолетних в частности.

Российские и зарубежные специалисты к сексуальной эксплуатации относят различные деяния, да и термин «сексуальная эксплуатация» имеет множество трактовок. Иногда его подменяют такими понятиями, как «коммер-

ческая сексуальная эксплуатация» [12, с. 5], «нелегальный коммерческий секс» [6].

Обозначим существующие подходы к определению ключевых признаков сексуальной эксплуатации:

1) противоправное деяние, в ходе которого используется человек, направленное на извлечение корыстной (финансовой) или иной выгоды;

2) противоправное деяние, посягающее на естественные и юридические права человека;

3) принуждение, насилие (как при первом подходе) и нарушение прав личности (как при втором подходе);

4) противоправность, корыстная цель, организованный характер, многоэтапность.

Как считает М.Ю. Буряк (представитель первого подхода), «сексуальная эксплуатация – это осуществляемое в целях удовлетворения физиологических или психологических потребностей, получения финансовой или иной выгоды использование сексуальных свойств человека против его воли» [2, с. 12].

Полагаем, в данном контексте выражение «против воли человека» излишне, поскольку в правоприменительной практике зафиксированы случаи, когда хотя бы внешне указанные деяния совершаются не «против воли человека», а вполне добровольно. Например, факты использования секс-услуг несовершеннолетнего, согласившегося удовлетворить чужие потребности за вознаграждение (подарок). Естественно, такая «добровольность» носит сомнительный характер и справедливо признаётся международным правом эксплуатацией.

Представители второго подхода акцентируют внимание на насильственной природе сексуальной эксплуатации, затрагивающей широкий спектр отношений индивида. Л.Д. Ерохина под сексуальной эксплуатацией понимает «сексуальное насилие над достоинством личности, равенством, умственной и физической целостностью и практику, в ходе которой некоторые индивиды (преимущественно мужчины) утверждают свою власть и преимущество над другими индивидами (преимущественно над женщинами) в целях сексуального удовлетворения, финансовой прибыли и/или других выгод» [4, с. 201].

В целом аналогичной представляется точка зрения А.К. Бекряшева, который считает, что «под сексуальной эксплуатацией следует понимать практику, когда определённое лицо

получает сексуальное удовлетворение, финансовую прибыль или улучшение путём употребления или эксплуатации сексуальности другого лица в нарушение прав человека, таких как право на достоинство, равенство, самостоятельность, физическое и психическое благосостояние» [1].

На наш взгляд, такая трактовка сексуальной эксплуатации, в том числе несовершеннолетних, подчёркивает её специфику, которая состоит в том, что, с одной стороны, рассматриваемое общественно опасное деяние осуществляется путём «употребления или эксплуатации сексуальности» человека, а с другой – выходит за рамки «сексуальности» индивида, поскольку, как справедливо отметили вышеуказанные авторы, посягает на более широкий круг неотъемлемых прав и интересов человека.

Представители третьего подхода в качестве обязательных признаков сексуальной эксплуатации отмечают принуждение, насилие (как при первом подходе) и нарушение прав личности (как при втором подходе). Так, С.В. Шамков подчёркивает, что «сексуальная эксплуатация представляет собой использование уникальных свойств человека в области самовоспроизводства в целях удовлетворения чьих-либо потребностей путём принуждения, приводящего к нарушению его прав» [13, с. 66].

В данной трактовке не совсем верно (несколько односторонне) отражена сущность сексуальной эксплуатации, её корыстный характер. На наш взгляд, именно корыстный мотив позволяет дифференцировать сексуальную эксплуатацию (в узком, сущностном понимании) от простого изнасилования. В то же время, как и изнасилование, так и преступление, в ходе которого «используются уникальные свойства человека в области самовоспроизводства в целях удовлетворения чьих-либо потребностей путём принуждения...» можно признать сексуальной эксплуатацией в широком смысле этого слова.

Представители четвёртого подхода обращают внимание на признаки, которые, на наш взгляд, являются обязательными, ключевыми при любой форме сексуальной эксплуатации. Так, Н.А. Корсикова полагает, что «под сексуальной эксплуатацией следует понимать организацию проституции, а также действия, заключающиеся в вербовке, перевозке, пере-

даче, укрывательстве женщин (несовершеннолетних) с их согласия либо помимо их воли в целях удовлетворения потребностей (физиологических, психологических) третьих лиц и последующей эксплуатации для получения корыстных или иных выгод» [5, с. 10].

Важным в данном определении представляется то, что в нём, наряду с «классическими» для сексуальной эксплуатации признаками (противоправность, корыстная цель), отражены признаки, свидетельствующие о качественных изменениях современных форм сексуальной эксплуатации, а именно её организованный характер, многоэтапность.

Исследуя признаки сексуальной эксплуатации, некоторые зарубежные специалисты подчёркивают её коммерческий характер. При этом наиболее опасной признаётся сексуальная эксплуатация несовершеннолетних. М. Хект считает, что коммерческая сексуальная эксплуатация является одним из основных нарушений прав детей. Она включает в себя сексуальные домогательства со стороны взрослых и вознаграждение в денежной или иной форме ребёнку или третьему лицу (или группе лиц). Ребёнок рассматривается как сексуальный и коммерческий объект. Коммерческая сексуальная эксплуатация детей является одной из форм принуждения и насилия в отношении детей и считается принудительным трудом и современной формой рабства [12, с. 6].

Многие исследователи приходят к выводу о необходимости разграничения сексуальной эксплуатации и коммерческой сексуальной эксплуатации несовершеннолетних. Коммерческая сексуальная эксплуатация подразумевает получение коммерческой (имущественной) выгоды от эксплуатации жертв, которыми могут быть как взрослые, так и несовершеннолетние.

При сексуальной эксплуатации, например, взрослым несовершеннолетнего, «выгоды» могут быть и неимущественного характера, но происходит всё равно эксплуатация, поскольку использование ребёнка, с одной стороны, удовлетворяет определённую группу потребностей взрослого, а с другой – такое использование наносит существенный вред, ущерб (физический, психический и др.) несовершеннолетнему.

Именно на этом основании обоснованно относить к сексуальной эксплуатации общественно опасные деяния, ответственность за которые предусмотрена статьями 134, 135 УК РФ: «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» и «Развратные действия».

Сексуальные преступления против несовершеннолетних до сих пор достаточно сложно квалифицировать, хотя законодатель посредством внесения изменений в УК РФ стремится привести диспозицию каждой статьи к прозрачности, логичности и доступности.

В качестве вывода отметим, в самом общем виде под сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних следует понимать противоправное извлечение дохода, получение иных выгод путём предоставления сексуальных услуг человека другим (третьим) лицам. При этом если в ходе сексуальной эксплуатации потерпевшего не всегда учитывается его способность быть объектом сексуальных манипуляций потребителя (например, возраст жертвы, состояние здоровья и т.п.), то получение дохода (прибыли) от «сексуальной аренды» человека, который выступает в качестве «квази-предмета» криминальной по сути сделки, является обязательной целью.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бекряшев А.К., Белозёров И.П., Бекряшева Н.С. Теневая экономика и экономическая преступность. Омский государственный университет, 2000. 459 с.
2. Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней (криминологические и уголовно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005.
3. Данилов А.П. Взываю к совести законодателя: «не соврати!» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 3 (30). С. 44–46.
4. Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М., 2003.
5. Корсикова Н.А. Криминологические особенности деятельности органов внутренних дел России по противодействию торговле людьми: автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009.

6. *Левин М.И., Покатович Е.В.* Экономика нелегального коммерческого секса: красный свет на синем фоне: Научное издание. Труды Фонда ИНДЕМ. М., 2006.
7. О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё: Протокол ООН, 2000 // Противодействие торговле людьми: Сборник нормативных правовых документов. М., 2004.
8. Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 01.04.2018).
9. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 01.04.2018).
10. *Смирнов Ю.П.* Уголовная ответственность за сексуальную эксплуатацию других лиц в форме занятия ими проституцией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
11. *Харламов В.С.* Отечественный и зарубежный опыт противодействия криминальному насилию в семье. СПб., 2014.
12. *Хект М.Е.* Ответственность частного сектора по борьбе с коммерческой сексуальной эксплуатацией детей: Доклад ЕСПАТ Интернешнл для Третьего Мирового Конгресса против сексуальной эксплуатации детей и подростков. Бразилия, 25–28 ноября 2008 г.
13. *Шамков С.В.* Организованная сексуальная эксплуатация людей в Омской области: характеристика и локализация. Омск, 2002.
14. *Шестаков Д.А.* Семейная криминология: семья – конфликт – преступление. СПб. Изд-е 2-е. Юридический Центр Пресс, 2003.

REFERENCES

1. *Bekryashev A.K., Belozarov I.P., Bekryasheva N.S.* Tenevaya ekonomika i ekonomicheskaya prestupnost. [The shadow economy and economic crime]. Omskiy gosudarstvenniy universitet, 2000. 459 p.
2. *Buryak M.Y.* Torgovlya lyudmi i borba s ney (kriminologicheskie i ugovolno-pravovye aspekty): dis. ... kand. jurid. nauk. [Human trafficking and its combating (criminological and legal aspects)]. Vladivostok, 2005.
3. *Danilov A.P.* Vzyvayu k sovesti zakonodatelya: «ne sovraty!» [I appeal to the legislator's conscience: do not seduce!]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2013, no. 3(30), pp. 44–46.
4. *Erokhina L.D., Buryak M.Y.* Torgovlya zhenshchinami i detmi v tselyakh seksualnoy ekspluatatsii v sotsialnoy i kriminologicheskoy perspektive. [Women and children trafficking for the purpose of sexual exploitation in the social and criminological perspective]. М., 2003.
5. *Korsikova N.A.* Kriminologicheskie osobennosti deyatel'nosti organov vnutrennikh del Rossii po protivodeystviyu torgovle lyudmi: avtoref. ... kand. jurid. nauk. [Criminological features of the activity of the internal affairs bodies of Russia in counteracting human trafficking]. SPb., 2009.
6. *Levin M.I., Pokatovich E.V.* Ekonomika nelegalnogo kommercheskogo seksa: krasniy svet na sinem fone: Nauchnoe izdanie. [The economy of illegal commercial sex: a red light on a blue background: A scientific publication]. Trudy Fonda INDEM. М., 2006.
7. О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё: Протокол ООН, 2000. [On the prevention and suppression of human trafficking, especially women and children, and punishment for it: UN Protocol, 2000]. *Protivodeystvie torgovle lyudmi: Sbornik normativnykh pravovykh dokumentov – Counteracting Human Trafficking: Collection of Legal Documents*. М., 2004.
8. Официальный сайт МВД РФ. [Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (date of submission: 01.04.2018).
9. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. [Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (date of submission: 01.04.2018).
10. *Smirnov Y.P.* Ugolovnaya otvetstvennost za seksualnuyu ekspluatatsiyu drugikh lits v forme zanyatiya imi prostitutsiyey: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Criminal liability for the sexual exploitation of other persons in the form of prostitution]. М., 2010.
11. *Kharlamov V.S.* Otechestvenniy i zarubezhniy opyt protivodeystviya kriminalnomu nasiliyu v seme. [Domestic and foreign experience of counteraction to criminal violence in family]. SPb., 2014.
12. *Khakt M.E.* Otvetstvennost chastnogo sektora po borbe s kommercheskoy seksualnoy ekspluatatsiyey detey: Doklad YESPAT Interneshnl dlya Tret'yego Mirovogo Kongressa protiv seksualnoy ekspluatatsii detey i podrostkov. [Responsibility of the private sector for combating commercial sexual exploitation of children: ECPAT International Report for the Third World Congress against the sexual exploitation of children and adolescents]. Brazil, November 25–28, 2008.

13. *Shamkov S.V.* Organizovannaya seksualnaya ekspluatatsiya lyudey v Omskoy oblasti: kharakteristika i lokalizatsiya. [Organized sexual exploitation of people in the Omsk Region: characteristic and localization]. Omsk, 2002.

14. *Shestakov D.A.* Semeynaya kriminologiya: semya – konflikt – prestuplenie. [Family Criminology: family – conflict – crime]. SPb. Izd-e 2-e. Yuridicheskiy Tsentr Press, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Анатолий Васильевич Комарницкий – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: respect200@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Anatoly Vasilievich Komarnitsky – PhD in Law, associate professor, professor of the department of criminal law at Herzen State Pedagogical University, member of the St.-Petersburg International Criminology Club (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: respect200@mail.ru

ВИКТИМОЛОГИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

С.А. Черняков

СОТРУДНИК ПОЛИЦИИ КАК ЖЕРТВА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ИНТЕРЕСЫ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: Изучение профессионально ориентированных связей сотрудников полиции, допускающих злоупотребление должностным положением, имеет важное прикладное значение. Данные исследования необходимы для разработки мер по противодействию коррупционной виктимизации сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: виктимизация; сотрудник полиции; коррупция; противодействие преступности.

S.A. Chernyakov

A POLICE OFFICER AS A VICTIM OF AN ENCROACHMENT ON OFFICIAL ACTIVITY

Summary: The study of professionally oriented links of police officers who commit abuse of office is of great practical importance. These studies are necessary to develop measures to counteract corruption victimization of law enforcement officers.

Key words: victimization; police officer; corruption; counteraction to crime.

Деятельность органов внутренних дел касается многих сфер общественных отношений. Различные бытовые, хозяйственные, коммерческие конфликты требуют для своего разрешения вмешательства сотрудников полиции. Поэтому проблемы надлежащего исполнения ими своих должностных обязанностей являются весьма важными.

Согласно отчёту ГИАЦ МВД России «О нарушениях законности и преступлениях, совершённых сотрудниками органов внутренних дел», за 12 месяцев 2016 года уголовному преследованию подвергнуты 3113 сотрудников органов внутренних дел, в том числе за взяточничество – 762 человека, за злоупотребление должностными полномочиями – 302, за превышение должностных полномочий – 748, за служебный подлог – 272. Статистические сведения свидетельствуют о том, что среди преступлений, совершённых сотрудниками полиции, преобладают должностные преступления: две трети от общего количества зарегистрированных.

Отдельные общетеоретические, уголовно-правовые и криминологические аспекты проблемы противодействия должностным преступлениям в правоохранительных ор-

ганах рассматривались в трудах С.А. Алтухова, М.В. Баранчиковой, А.В. Бурлакова, А.Н. Варыгина, О.Н. Ведерниковой, Б.В. Волженкина, А.В. Галаховой, В.В. Голубева, О.Д. Дмитриева, В.И. Динеки, Н.А. Егоровой, К.П. Засова, Б.В. Здравомыслова, Я.Г. Ищука, П.А. Кабанова, А.К. Квицинии, А.И. Кирпичникова, С.П. Кушниренко, С.В. Максимова, Ю.А. Мерзлова, В.Л. Римского, П.С. Яни и др.

Тем не менее, в юридической литературе недостаточно внимания уделено проблеме должностных нарушений, совершаемых сотрудниками полиции в условиях, объективно вынуждающих этих сотрудников к противоправному поведению. Такое может быть обусловлено системными коррупционными взаимоотношениями в отдельных подразделениях, организованными и контролируруемыми их руководителями, а также принуждением криминальными элементами сотрудников к принятию решений и совершению действий, противоречащих интересам службы, посредством использования компрометирующих сотрудника сведений и т.д.

С целью исследования данной проблемы нами было проведено анкетирование 460 сотрудников органов внутренних дел в различ-

ных подразделениях и службах системы МВД РФ в 32 регионах России. Были опрошены сотрудники младшего, среднего и старшего начальствующего состава. 41,0 % опрошенных считает, что коррупция в МВД имеет системный характер (выстроены коррупционные схемы, в соответствии с которыми одним из неофициальных условий работы сотрудников нижестоящих подразделений является необходимость ведения коррупционной деятельности).

На вопрос «Какова природа коррупционных проявлений сотрудников ОВД?» 36,0 % опрошенных выбрали вариант ответа «преобладает личная мотивация, связанная с особенностями нравственности сотрудников, жизненными установками (в полицию идут с учётом возможности зарабатывать деньги, используя своё должностное положение)», 21,0 % – «это необходимое поведение, вызванное негласными требованиями вышестоящих руководителей», 44,0 % – «имеют место провоцирующие действия со стороны хозяйствующих субъектов или нарушителей закона».

74,0 % сотрудников полагают, что сотрудник полиции виктимен (подвержен) угрозе посягательств на профессиональную деятельность со стороны отдельных преступников или преступных групп в силу выполнения должностных обязанностей. При этом для сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК) этот показатель составил 96,0 %. На вопрос «Допускаете ли Вы в настоящий момент возможность подконтрольности отдельных сотрудников ОВД субъектам преступного мира?» положительно ответили 72,0 % сотрудников и 9,0 % указали на то, что такая ситуация встречается часто.

Основываясь на результатах анкетирования, можно сделать вывод о том, что проблема «вынужденности» некоторых видов коррупционного поведения сотрудников полиции в настоящее время является весьма актуальной, а факторы значительной части должностных преступлений имеют объективный характер.

При этом необходимо учитывать, что и природа виктимности, и процесс виктимизации сотрудников неоднородны. Существует мнение, что виктимность сотрудников полиции изначально predetermined [2, с. 35; 6, с. 128–134], то есть они являются потенциальными жертвами. Это обусловлено тем, что

служба в полиции, в связи с повышенным риском сотрудников стать объектом посягательства, относится к числу наиболее опасных.

Механизм формирования виктимности сотрудника полиции и приведение его в состояние жертвы может быть различным. При этом возникает закономерный вопрос: «Применим ли для сотрудника полиции, находящегося в условиях вынужденного коррупционного поведения, термин «жертва»? Обратимся к общей теории о жертве, а также соотнесём рассматриваемую проблему с имеющимися научными знаниями о закономерностях виктимизации личности и социальных групп.

Согласно Толковому словарю Ушакова, «жертва – это человек, подвергшийся чьему-нибудь насилию, злему умыслу, пострадавший от кого-чего-нибудь» [8]. Системные коррупционные отношения в отдельных подразделениях принуждают вновь прибывшего сотрудника осуществлять деятельность по негласно установленным правилам. Кроме того, могут возникать случаи воздействия криминальных элементов на сотрудника с целью склонения последнего к принятию решений и совершению действий, противоречащих интересам службы. Все вышеперечисленные обстоятельства носят характер принуждения. Таким образом, определение «жертва» применительно к сотруднику полиции, подвергшемуся принуждению к коррупционному противоправному поведению, представляется уместным.

Учитывая имеющиеся виктимологические познания о сущности жертвы, следует сделать вывод о закономерностях процесса виктимизации сотрудников полиции в аспекте подверженности воздействию внешних условий, способствующих коррупционному поведению, а также зависимости этих процессов от субъективных характеристик личности сотрудника полиции и объективных условий среды профессиональной деятельности.

В виктимологии под термином «жертва» принято понимать «психологически виктимную личность, наделённую совокупностью виктимных свойств, обусловленных комплексом специфических социальных, индивидуально-типологических и характерологических детерминант, способствующих личностной и поведенческой деструктивности» [1, с. 81]. Психологическая виктимность – это предрасположенность индивида в силу

специфических индивидуально-психологических особенностей продуцировать тот или иной тип поведения жертвы, выражающийся в позиции либо статусе жертвы [5, с. 1304].

Таким образом, сотрудник полиции, допускающий возможность совершения должностного преступления в связи с попаданием в состояние, вынуждающее его действовать вопреки интересам службы, должен обладать типичным набором личностных характеристик, которые, вступая во взаимодействие с определённой категорией криминогенных ситуаций, позволяют ему совершать должностное преступление.

Кроме того, жертва также понимается как результат и порождение процесса и условий неблагоприятной социализации [4, с. 29]. Социализация личности, как известно, происходит на протяжении всей жизни человека, что выражается в формировании и изменении набора его психологических свойств и качеств. На определённом этапе жизни социализация личности включает также и социализацию профессиональную – процесс ориентировки в системе связей, присутствующих в каждом виде профессиональной деятельности [3, с. 188], освоения индивидом определённых профессиональных знаний, умений и навыков, получения профессионального опыта, овладения стандартами и ценностями профессионального общества [7, с. 72].

Таким образом, в рамках рассматриваемой проблемы большой научный интерес представляет изучение степени влияния негативной профессиональной социализации на формирование преступного поведения сотрудников, поступающих на службу в органы внутренних дел, связанного с нарушением должностных инструкций и деятельностью, цели которой противоречат интересам службы.

Как справедливо утверждает Д.А. Шестаков, «при столкновении человека, в той или иной мере склонного к нарушению уголовно-правового запрета, со способствующей преступлению ситуацией, перед ним встаёт вопрос о выходе из сложившегося положения. Даже худшее из возможных сочетаний, при котором в ситуацию, весьма ощутимо провоцирующую преступление, попадает личность, вполне допускающая преступный путь её разрешения, не означает неизбежности преступления» [9, с. 219].

Изучение профессионально ориентированных связей сотрудников полиции, допускающих злоупотребление должностным положением, имеющихся у таких сотрудников навыков использования служебных полномочий в корыстных целях имеет важное прикладное значение. Данные исследования необходимы для разработки методик и определения мер по противодействию коррупционной виктимизации сотрудников органов внутренних дел.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаптация личности в современном мире: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Научная книга, 2011. Вып. 4. 320 с.
2. Гарманов В.М. Отдельные направления предупреждения виктимности сотрудников полиции // Виктимология. 2014. № 2 (2). С. 34–40.
3. Леонтьев А.И. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 130 с.
4. Одинцова М.А. К вопросу об исследованиях проблемы жертвы в психологии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. № 18 (235). С. 28–31.
5. Одинцова М.А., Радчикова Н.П. Разработка и стандартизация опросника «Тип ролевой виктимности» // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. С. 1303–1310.
6. Пфайффер Х. Насильственные действия в отношении полицейских // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3 (25). С. 128–134.
7. Социология молодежи: энциклопедический словарь / Ин-т социально-политических исследований Рос. акад. наук. Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М.: Академия, 2008. 608 с.
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка: около 100 000 слов / Д.Н. Ушаков. М.: Аделант, 2013. 800 с.
9. Шестаков Д.А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменившемся мире. Учебник. 2-е издание, переработанное и дополненное. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

REFERENCES

1. Adaptatsiya lichnosti v sovremennom mire. [Adaptation of person in the modern world]. Mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov: Nauchnaya kniga. 2011, vol. 4, 320 p.
2. Garmanov V.M. Otdelnye napravleniya preduprezhdeniya viktimnosti sotrudnikov politzii. [Some directions of prevention of victimization of police officers]. *Viktimologiya – Victimology*. 2014, no. 2 (2), pp. 34–40.
3. Leontiev A.I. Deyatelnost. Soznanie. Lichnost. [Activity. Consciousness. Person]. M.: Politizdat. 1975, 130 p.
4. Odintsova M.A. K voprosu ob issledovaniyakh problem zhertvy v psikhologii. [On the issue of research on the problem of the victim in psychology]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of South Ural State University*. 2011, no. 18 (235), pp. 28–31.
5. Odintsova M.A., Radchikova N.P. Razrabotka i standartizatsiya oprosnika «Tip rolevoy viktimnosti». [Development and standardization of the questionnaire «Type of role victimity»]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo – Bulletin of Penza State Pedagogical University of V.G. Belinsky*. pp. 1303–1310.
6. Pfeiffer H. Nasilstvennye deystviya v otnoshenii politseyskikh. [Violent actions against police officers]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Juridical Science and Law Enforcement Practice*. 2013, no. 3 (25), pp. 128–134.
7. Sotsiologiya molodezhi: entsiklopedicheskiy slovar. [Sociology of youth: encyclopedic dictionary]. In: sotsialno-politicheskikh issledovaniy Ros.akad. nauk. Otv. red. Y.A. Zubok, V.I. Chuprov. M.: Akademiya. 2008, 608 p.
8. Ushakov D.N. Tolkoviy slovar sovremennogo russkogo yazyka: okolo 100 000 slov. [Dictionary of the modern Russian language: about 100 000 words]. D.N. Ushakov. M.: Adelant. 2013, 800 p.
9. Shestakov D.A. Kriminologiya. Novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti. Kriminogennyye zakony i kriminologicheskoe zakonodatelstvo. Protivodeystvie prestupnosti v izmenivshemsya mire. Uchebnik. [Criminology: new approaches to crime. Criminogenic laws and criminological legislation. Counteracting crime in a changed world. A Textbook]. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. SPb.: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press». 2006.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Анатольевич Черняков – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД РФ имени И.Д. Путилина (Белгород, Россия); e-mail: sache2009@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Sergey Anatolyevich Chernyakov – PhD in Law, senior lecturer of the department of criminal law disciplines of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of I.D. Putilin (Belgorod, Russia); e-mail: sache2009@yandex.ru

3. В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ КЛУБЕ

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.А. Шестаков, С.У. Дикаев, А.П. Данилов

ЛЕТОПИСЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КЛУБА. ГОД 2017

Аннотация: В 2017 году Санкт-Петербургский международный криминологический клуб провёл четыре научные беседы, в том числе две международные: «Криминологические проблемы уголовного наказания в виде лишения свободы: коррекция целеполагания, принципов и реализации», «От криминологического законодательства к праву противодействия преступности (проблемы криминологии закона)», «Преступность сфер науки и образования», «Нарушение государственного суверенитета как криминологическая и уголовно-правовая проблема».

Ключевые слова: Санкт-Петербургский международный криминологический клуб; криминология закона; криминология сфер науки и образования; политическая криминология.

D.A. Shestakov, S.U. Dikaev, A.P. Danilov

THE CHRONICLE OF THE ST.-PETERSBURG INTERNATIONAL CRIMINOLOGY CLUB. THE YEAR 2017

Summary: In 2017, the St. Petersburg International Criminology Club held four scientific seminars, including two international: «Criminological problems of criminal punishment in the form of imprisonment: correction of goals, principles and implementation», «From criminological legislation to the right to counteract crime (the problems of criminology of law)», «Crime of the spheres of science and education», «Violation of the state sovereignty as a criminological and criminal law problem».

Key words: St. Petersburg International Criminology Club; criminology of law; criminology of the spheres of science and education; political criminology.

17 марта 2017 года беседа «Криминологические проблемы уголовного наказания в виде лишения свободы: коррекция целеполагания, принципов и реализации». С докладом «Криминологические проблемы уголовного наказания в виде лишения свободы: коррекция целеполагания, принципов и реализации» выступил Л.Б. Смирнов – д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Беседу вёл заместитель президента Клуба А.П. Данилов. На беседу собрались криминологи из Барнаула (Россия), Москвы (Россия), Нижнего Новгорода (Россия), Санкт-Петербурга (Россия).

85 студентов вузов (РГПУ им. А.И. Герцена: М.В. Лихобабина, М.А. Пахомова, В. Ярпина; Северо-Западный институт управления РАНХиГС: С.П. Аббасов, Е.Г. Акимов, Э. Арипшева, Е. Баженкова, Ю.М. Белов, Д.С. Бердтикова, К.Н. Болдырева, А.В. Валова, Н.М. Виноградова, А. Воробьева, Я.Н. Гаврилиди, В.П. Гаглоева, Х.В. Гильядов, А. Глухова, К.А. Демьянчук, К.В. Дриц, А.Ю. Захарченко, К.В. Каговицына, А.С. Кафорина, Д.М. Кипова, Я.С. Клименков, В. Колесникова, Н. Костышева, А.В. Криворученко, А.Е. Криворучко, К.А. Крылов, М.Н. Кургуз, А.С. Литвинов, А.Н. Ляшенко, Л. Магомедова, Я.В. Маркина, Р.Ш. Махдиева, В.П. Машинский, Ю.Д. Мачулко, Т.К. Мехтиев, И.В. Наумов, Е.В. Нечаева, А.В. Никитчен-

ко, С.В. Пирогов, А.А. Попова, В. Потаев, П.И. Потанина, Т.М. Прозорова, Н.Э. Пучка, В.О. Радиковский, Л.А. Родичина, А.С. Рудюк, С. Сабода, М.С. Сергеева, А.А. Синильникова, В.А. Соселия, Е.А. Стадникова, Р.К. Танцирев, А. Томилко, А.В. Третьякова, В.Э. Трофимова, Е.В. Трухио, К. Федосеева, А.С. Челябинина, В.В. Шилиев, А.А. Шукаев, Ю. Щвец, И.И. Яковлев, Н.С. Яцилин; Санкт-Петербургский государственный экономический университет: В.Н. Бойцов, А.А. Григорьева, Е.К. Кулаков, В.В. Марелишвили, М. Миклашевич, Я.Е. Самохин, Д.А. Тасоев, А.А. Татарникова, Д.М. Ченурдаев; Санкт-Петербургский университет МВД России: Б. Баходур, С.З. Музафаров; БФУ им. И. Канта: Д.В. Евсюкова; Санкт-Петербургский государственный морской технический университет: Н.А. Исмаилова, С.А. Исмаилова, М.А. Олонен, Е.Г. Пирко, Е.И. Салазкин, Р.В. Сурмаева);

2 аспиранта (РГПУ им. А.И. Герцена: Ю.А. Витченко, С.В. Игнатенко);

5 адъюнктов (Санкт-Петербургский университет МВД России: А.В. Андреев, М.А. Дворжицкая; Е.Н. Курилова, Ю.С. Рубцова, М.А. Яковлева);

3 преподавателя (Санкт-Петербургский университет МВД России: Н.В. Громадская, Г.А. Удодов; Санкт-Петербургский государственный морской технический университет: Е.И. Пономаренко);

11 кандидатов юридических наук (РГПУ им. А.И. Герцена: А.П. Данилов, А.В. Комарницкий; Балтийский гуманитарный институт: В.С. Харламов; Северо-Западный институт управления РАНХиГС: Т.Н. Дронова, Н.И. Пишикина; СПбГУ: Г.В. Зазулин; Санкт-Петербургский институт повышения квалификации работников ФСИН России: В.В. Тулегенов; О.В. Лукичѳ; Нижегородская правовая академия: С.А. Попова; Санкт-Петербургский государственный экономический университет: Н.А. Крайнова; Санкт-Петербургский университет МВД России: Н.И. Кузнецова);

7 докторов юридических наук (РГПУ им. А.И. Герцена: Л.Б. Смирнов; Санкт-Петербургский университет МВД России: Л.В. Готчина, С.У. Дикаев; Нижегородская правовая академия: Г.Н. Горшенков; Алтайский государственный университет: А.П. Детков), среди которых 2 заслуженных деятеля науки

РФ (МГУ им. М.В. Ломоносова: В.И. Селивёрстов; РГПУ им. А.И. Герцена: Д.А. Шестаков).

В обсуждении доклада участвовали: Г.Н. Горшенков, А.А. Григорьева, А.П. Детков, С.У. Дикаев, А.В. Комарницкий, Н.А. Крайнова, С.А. Попова, В.И. Селивёрстов, В.С. Харламов, Д.А. Шестаков.

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия). Будущее уголовно-правового противодействия преступности: идеал и реальность.

В преддверии обещающего быть неоднозначным обсуждения вопросов уголовного наказания напомню некоторые из моих суждений.

Историческая тенденция к очеловечиванию противодействия преступности. На протяжении истории уголовный закон постепенно освобождается от цели возмездия и от чрезвычайно суровых средств воздействия на нарушителя уголовного закона. В его основе медленно, не всегда последовательно, но неотвратимо занимает место концепция цивилизованного взаимоотношения общества с преступностью, опирающаяся на принципы возмещения вреда и удержания от новых преступлений [46, с. 47; 56, с. 152].

Потребность очеловечить реакцию российской государственной власти на преступность. Будет ли в России осознано, сколь велико значение очеловечивания самой государственной реакции на преступления и осуществления стратегии социальной поддержки недостаточно хорошо устроенных людей [46, с. 181]?

Неприемлемость двунаправленной модели уголовного законодательства. Важно развернуть криминологический разбор тех изменений уголовного законодательства, которые на территории бывшего Советского Союза штампуются по западному образцу. Под сомнение не в последнюю очередь должна быть поставлена сама двунаправленная («двухвекторная») модель реформ. Она, как известно, состоит в ужесточении ответственности за наиболее злостные преступления на фоне смягчения её за преступления, не столь опасные, за проступки. Двунаправленность противоречит объективной, в конечном итоге, неотвратимой тенденции спада уголовно-правовой репрессии [63, с. 24].

Религиозно-нравственное сознание и желательный отказ уголовного права от возмездия. Развитие института уголовного наказания должно следовать за нравственно-религиозным развитием: к отходу от идеи кары в земной жизни. Законодательно установленная цель «восстановления социальной справедливости», основанная на приверженности возмездию, должна быть изъята из уголовного закона [46, с. 159–164].

Синдром Понтия Пилата. Никак не приветствуется мной следование законодателя за так называемым карательным азартом обычно значительной части населения. Уступку общественной жестокости я называю «синдром Понтия Пилата» [60; 61].

Необходимый принцип минимизации репрессии. В число принципов следует включить минимизацию уголовной репрессии [45, с. 267].

Принцип «гуманизма». Содержание установленного законом «принципа гуманизма» (ст. 7 УК РФ), особенно при сопоставлении его с целями наказания и принципом справедливости, к нашему глубокому сожалению, приводит к двум заключениям. Во-первых, в известном смысле законодатель стал на позицию сторонников сохранения за наказанием цели («функции») возмездия. Во-вторых, он осуществил это не ясно и открыто, как следует формулировать любое положение закона, а тщательно завуалировав свою позицию и прикрываясь высоким словом «гуманизм» (человечность).

В УК предусмотрена человечность не в собственном смысле слова, а какая-то особенная, ограниченная: «Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека», – чем подчеркнута, что гуманизм направлен не столько на осуждённого, сколько на прочих членов общества. Законодатель размывает понятие гуманизма уголовного права, не желает признать, что *человечное отношение именно к преступнику является показателем уровня развития уголовно-правовой политики.* Далее в ст. 7 указано, что целями наказания не могут быть причинение физических страданий и унижение человеческого достоинства, из чего, между прочим, вытекает, что в качестве цели наказания могут выступать моральные страдания.

Порочный круг замкнулся. Государство желает помучить попавшегося преступни-

ка, правда, в соответствии с веяниями нового времени помучить лишь морально [45, с. 265–268].

Функции («цели») уголовной ответственности. Уголовно-правовым мерам противодействия преступности в условиях сегодняшнего и завтрашнего дня должны быть присущи следующие функции: 1) удержание лица, совершившего преступление, от возобновления подобного (функция защиты человека), 2) реституция (восстановление положения потерпевшего), 3) ресоциализация виновного. Законодательное закрепление подобных функций могло бы соответствующим образом направить дальнейшее развитие уголовного права в целом. Такая формулировка функций уголовного закона (целей уголовной ответственности и, в частности, наказания) неоднократно обнаружилась мной как в публичных выступлениях, так и в печати [54, с. 13; 53, с. 27; 59, с. 28].

Идеал и реальность. Мои пожелания по усовершенствованию уголовно-правовой реакции на преступления относятся по большей мере к сфере идеального. В обозримом будущем они едва ли будут восприняты не только законодателем, но и научным сообществом. Дело тут и в том, что мной было названо синдромом Понтия Пилата, и в нежелании понять подчас непростые причины, приводящие миллионы людей к совершению преступлений, да и в сохраняющемся у значительной части даже учёных-преступноведов пристрастии к идее возмездия [39]. В конечном счёте, причина состоит в недостаточном нравственном развитии общества, развитии, которое протекает, как известно, очень медленно.

Л.Б. Смирнов (Санкт-Петербург, Россия). Криминологические проблемы уголовного наказания в виде лишения свободы: коррекция целеполагания, принципов и реализации.

Такие цели наказательной и уголовно-исполнительной политики как восстановление социальной справедливости, предупреждение преступлений и исправление преступников нуждаются в коррекции. В основе общей превенции постпенитенциарных преступлений лежит страх перед наказанием (карой), в том числе, в виде лишения свободы. Чтобы иметь значение действенного фактора, способного удержать от совершения преступления, страх должен быть категорией, оказывающей влия-

ние на сознание человека. Полагаем, что в местах лишения свободы следует создавать строгий режим и аскетичные условия содержания заключённых, заставляющие их морально переживать, но восприниматься осуждёнными как справедливая кара и искупление вины.

Цель предупреждения преступлений в наибольшей степени может достигаться в результате применения наказания в виде лишения свободы на срок от 5 лет. Наиболее опасных преступников следует осуждать на срок от 10 лет и более. Содержать таких преступников следует в исправительно-трудовых учреждениях, которые необходимо разместить в глубинных районах страны, вдали от населённых пунктов.

В российском обществе регулярно высказывается идея создания частных тюрем, основанных на платных условиях содержания, которая, однако, вступает в противоречие с принципом справедливости и равенства осуждённых перед законом. Видимо, за ней стоят лоббисты, предполагающие осуществить «распил» государственных (народных) денежных средств.

Либеральные общества отошли от традиционных способов исправления осуждённых. Исправительное воздействие подменено формированием психологии потребительства. Вокруг тюрем сформировалась внушительная тюремная индустрия. Сотни компаний, в том числе транснациональных, включены в бизнес по обслуживанию тюрем. Такой бизнес защищён от кризисных проблем, часто возникающих в механизмах рыночной экономики. Его интересует и беспокоит только одно обстоятельство: чтобы государство выделяло необходимые ему средства. Содержать большее количество осуждённых в тюрьмах европейские страны не смогут, так как ограничены в финансовых ресурсах. Этим же фактором можно объяснить доминирование кратких сроков лишения свободы.

Переустройство российского общества на либеральных началах сильно изменило нашу пенитенциарную систему. Основная часть осуждённых при поступлении в учреждения уголовно-исполнительной системы не имеет трудовых навыков, либо их утратила. Значительное число осуждённых не имеет общего образования, что не характерно для последних десятилетий советской пенитенциарной системы. Большинство осуждённых в резуль-

тате либерализации и глобализации экономики выведено из производственно-экономической деятельности.

Если советская система создала принципиально новые прогрессивные исправительные учреждения, то современная уголовно-исполнительная система ничего продуктивного предложить не может. Исправительная колония утратила свой исправительный потенциал. В том виде, в каком она есть, колония не способна достигать целей, ставящихся перед таким наказанием как лишение свободы. Современная колония переродилась, стала опасной для осуждённых и общества, способствует воспроизводству преступности: разлагающе действует на человека, порождает жестокие формы насилия и унижения личности, способствует коррупции.

Ряд внешних и внутренних факторов увеличили угрозу нормальному функционированию исправительных учреждений. Есть угрозы со стороны находящихся на свободе криминальных «авторитетов», угрозы «внутри учреждения», исходящие от лидеров группировок осуждённых.

В местах лишения свободы исчезли коллективные формы воспитательного воздействия. Коллективность, общинность – отличительные качества русского народа. Советские исправительные учреждения учитывали эту духовную особенность. Сегодня вокруг осуждённого выстраивается система его обслуживания, тем самым развивается индивидуализм и эгоизм.

Получившая в последнее время распространение теория кризиса наказания может восприниматься лишь в контексте кризиса постмодернизма и глобализма. Идеология постмодернизма характеризуется значительным отрицанием нравственных ценностей, свойственных ушедшей эпохе социальной справедливости и приоритета общественных интересов над частными. Ныне господствуют отношения, основанные на подавлении конкурента, культивируется потребительское мировоззрение, порождающее бездуховность, эгоизм и равнодушие.

В сложившейся ситуации возникает вопрос: «Формирование каких ценностей должно входить в содержание исправления осуждённого?». Если ценностей рынка и глобализма, то это приведёт к коллапсу общества и государства. Однако принятие даже самой

нравственной системы ценностей возможно на основе реализации в обществе принципа социальной справедливости. Только в справедливом обществе можно успешно воспитывать население и достигать цели исправления преступников. Необходимо сформулировать российскую национальную идеологию, близкую народному естеству и, прежде всего, представлениям о справедливости.

Основными средствами исправительного воздействия на осуждённых должны стать общественно-полезный труд и политико-воспитательная работа. В места лишения свободы необходимо вернуть высокопроизводительный труд, интегрированный в государственный сектор экономики. Россия ещё может создать эффективную пенитенциарную (исправительную) систему, схожую по основным характеристикам с советской исправительно-трудоустройственной системой.

Г.Н. Горшенков (Нижний Новгород, Россия). Наказание как объект общетеоретической криминологии.

Наказание – элемент объекта учения о криминале, или общетеоретической науке дисциплин антикриминального цикла (криминологии в широком смысле). Слово «криминал», в частности, означает: «преступление», «обвинение», «обвиняемый», «преступник»; «вина», «вред»; «предмет разбирательства», «уголовное судопроизводство» и др.

Целесообразность наказания бесспорна, наказание имманентно присуще преступлению, вытекает из его противоправности и представляет собой уникальную интеграцию криминологических явлений и процессов, выступающую как свойство приводить к определённому результату, или цели – в широком (как идеальной модели института) и узком (как предметно-целенаправленном, специальном) значении.

Дальнейшее развитие научной и политической мысли о наказании привело к тому, что объектом раздумий стала *выступить не столько цель наказания, сколько средство, его исключающее*.

Следует согласиться с тезисом докладчика о создании такого режима и условий содержания заключённых, которые заставляли бы их морально переживать происходящее и в то же время воспринимать наказание как справедливую кару и искупление вины. При

таком характере и результате «наказательной и уголовно-исполнительной политики вопрос о целях наказания теряет первозначимость. Представляется, что предлагаемая докладчиком коррекция целей в том и состоит, чтобы перевести предвосхищаемый в сознании политика результат (который заключается в целях наказания при специальном предупреждении) в более глубокие механизмы института наказания, или его функции – общего и специального предупреждения, восстановления социальной справедливости, исправление преступника.

Милюков С.Ф. (Санкт-Петербург, Россия). Уголовное наказание не исчерпало своего потенциала.

Последние десятилетия западные [23], а вслед за ними и некоторые российские криминологи, пишут о так называемом кризисе наказания. При этом речь идёт, преимущественно, о таком наиболее известном его воплощении, как лишение свободы. Я.И. Гилинский подчёркивает: «Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления» [5, с. 523].

Думается, что говорить о кризисе именно наказания, как инструмента карательной политики, не приходится. Дело в том, что существенные пороки наказания, калечащие душу и тело осуждённого, присущи этому виду государственного принуждения изначально. О них хорошо было известно и в древности, и в Средние века и, тем более, в XIX веке, когда начались глубокие научные изыскания в сфере генезиса преступного поведения и реакции общества и государства на него.

Почему же и в XXI веке ни одно государство земного шара не отказалось от наказания? Да потому, что ни один политик, государственный деятель или самый проникательный учёный не смог предложить полноценную замену таковому. Попытка большевиков построить бесклассовое общество, которому не нужно государство с его неперемненными атрибутами в виде полиции, судов и тюрем, потерпела крах.

Наказание же, при всех его «побочных» эффектах, способно обеспечить контроль над преступностью на приемлемом для государства уровне (исключая, разве что, периоды революционных потрясений и сопровождающих их гражданских войн). Как верно отмечается

в литературе, «несмотря на возросший интерес... к исследованию... «восстановительного правосудия», уголовная репрессия остаётся основным и порой единственным вариантом разрешения уголовно-правового конфликта в рамках правосудия» [18, с. 13].

В.И. Селивёрстов (Москва, Россия). Коррекция целеполагания уголовного наказания в виде лишения свободы: миф или реальность.

В последнее время в теории уголовного и уголовно-исполнительного права, а также в криминологии идёт обсуждение целевой направленности такого социально-правового феномена, как уголовное наказание в виде лишения свободы. Особый интерес вызывает одна из целей – исправление осуждённых. При этом всю палитру мнений по данному вопросу можно объединить в три группы.

Первая группа – учёные, придерживающиеся традиционной точки зрения о необходимости постановки перед уголовным наказанием, включая и лишение свободы, цели исправления осуждённого (ст. 43 УК РФ). Представители этой группы выступают и за сохранение цели исправления осуждённых в уголовно-исполнительном законодательстве (ст. 1 УИК РФ).

Во вторую группу входят представители российской науки, считающие по различным основаниям, что цель уголовного наказания в виде исправления осуждённых является излишней. Как правило, они полагают достаточной постановку цели предупреждения преступлений, а исправление осуждённых может рассматриваться в качестве одного из средств достижения этой цели [27, с. 129–134].

Третья группа включает в себя учёных и правозащитников, которые не отрицают целевой направленности наказания на развитие личности осуждённого, но считают наиболее терминологически правильным называть такую цель ресоциализацией осуждённого или реинтеграцией его в общество.

Несколько отличную позицию в отношении цели реституции потерпевшего и схожую применительно к цели ресоциализации осуждённых занимает Д.А. Шестаков, считающий, что уголовно-правовым мерам противодействия преступности в условиях сегодняшнего и завтрашнего дня должны быть присущи следующие функции: 1) удержание лица, совершившего преступление, от

возобновления подобного (функция защиты человека), 2) реституция (восстановление положения потерпевшего), 3) ресоциализация виновного [53, с. 27].

В.С. Харламов (Санкт-Петербург, Россия).

Считаю необходимым в рамках рассматриваемой тематики выделить следующие положения, разрабатываемые невиско-волжской криминологической школой.

1. Эволюция уголовного наказания, если отследить этот институт в длительном временном сравнении на протяжении веков, имеет тенденцию к гуманизации (очеловечиванию) противодействия преступности.

2. В России созрела потребность не ужесточения, а, напротив, снижения репрессии, «очеловечить» реакцию государственной власти на криминал.

Небольшое пояснение. В царской России уголовное наказание преследовало цель предупреждения преступлений путём запугивания. Казни совершались публично при большом стечении народа. По Указу Петра I от 1718 года, действовавшему в XVIII веке в Российской империи, повелевалось «для большего страха по знатым дорогам, где проезд бывает, поставить виселицы», на которых вешать преступников. За убийство младенца петровский закон предусматривал мучительное наказание в виде колесования. Широко распространены были также членовредительские наказания за разбой, воровство, богохульство и т.д. в форме отрубания руки, пальцев, отрезания языка, обрезания ушей, носа.

Впрочем, при отсутствии общегосударственной регистрации преступников, обрезание ушей, носа, языка, отрубание пальцев, выжигание раскалённым железом знаков на лбу или на плече служило для опознания уже однажды осуждённых и определения рецидива. Характерно, что в законодательстве при правлении Петра I получила распространение карательная практика в отношении невиновных в форме децимаций, когда наказывался каждый десятый из числа лиц, не причастных к преступлению, но находившихся в родственных отношениях с правонарушителем, чаще всего жён и детей.

На протяжении истории уголовный закон постепенно освобождается от цели возмездия, устрашения и от чрезвычайно суровых средств воздействия на нарушителя уголовно-

го закона. В его основе медленно, не всегда последовательно, но неотвратно занимает место концепция, опирающаяся на принципы возмещения вреда и удержания от новых преступлений [46, с. 147].

Историческая общемировая тенденция такова, что происходит смягчение уголовной ответственности и отказ от идеи возмездия, устрашения. Эта тенденция пробивает себе дорогу, несмотря на временные отклонения от неё уголовной политики.

Выходят за рамки рассматриваемой тенденции современные нововведения в уголовном российском законодательстве, связанные с не всегда оправданным ограничением по условно-досрочному освобождению от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) и с ужесточением наказания за отдельные виды преступлений строже, чем, например, за убийство. Так, ч. 1 ст. 105 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок от шести до пятнадцати лет за убийство. В то же время за насильственные действия сексуального характера в отношении малолетнего по ч. 4 ст. 132 УК РФ предусмотрено лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет.

Целесообразно законодательство и государственную политику ориентировать не на усиление репрессии, а на усиление социальной поддержки населения и снижение межличностной конфликтности [46, с. 181].

С.А. Попова (Нижний Новгород, Россия). Наказание в виде лишения свободы: вчера, сегодня, завтра.

Доклад Л.Б. Смирнова на тему «Криминологические проблемы уголовного наказания в виде лишения свободы: коррекция целеполагания, принципов и реализации» вызвал большой интерес, потому что лишение свободы остаётся самым распространённым видом наказания, которое может быть назначено за совершение преступлений, разных по категориям и характеру.

В современной юридической литературе достаточно много публикаций о негативной роли наказания в виде лишения свободы, которое обуславливает рецидивные преступления [21, с. 90–91]. Высказываются идеи о формальном поверхностном подходе к классификации осуждённых, отбывающих лишение свободы, выражающимся в совместном проживании психологически несовместимых

лиц, что усугубляет отклонения, которые имеются у некоторых осуждённых, тем самым осложняется их пребывание в местах лишения свободы. Все эти негативные моменты ведут к созданию негативной и асоциальной неформальной среды [35; 25]. Эти и многие другие мысли перекликаются с основными положениями доклада Л.Б. Смирнова.

Можно согласиться с Леонидом Борисовичем, что в основе «предупреждения лежит страх перед наказанием (карой), в том числе, в виде лишения свободы, который способен удержать от совершения преступления, страх, оказывающий влияние на сознание человека». Также импонируют мысли Л.Б. Смирнова о том, что «исправительная колония утратила свой исправительный потенциал; исчезли коллективные формы воспитательно-воздействия; исправительное воздействие подменено формированием психологии потребительства... Основными средствами исправительного воздействия на осуждённых должны стать общественно-полезный труд и политико-воспитательная работа. Необходимо вернуть высокопроизводительный труд, интегрированный в государственный сектор экономики и т.д.».

Несмотря на усилия государства, общества по изменению складывающейся ситуации в области исполнения наказания в виде лишения свободы, а именно, поиска и внедрения в практику альтернативных ему видов уголовных наказаний, лишение свободы на сегодняшний день остаётся самым назначаемым и исполняемым видом уголовного наказания. Необходимо повышать эффективность наказания в виде лишения свободы путём совершенствования уголовного законодательства, а также уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного. Это необходимо для устранения сложностей при назначении наказания в виде лишения свободы, особенно в части определения судом сроков лишения свободы.

Д.М. Гаджиев (Махачкала, Россия). О некоторых проблемах пенитенциарной системы Республики Дагестан.

В полной мере разделяю мнение Л.Б. Смирнова о том, что «в местах лишения свободы должны создаваться аскетичные условия содержания заключённых, которые заставляли бы их морально переживать соде-

янное, но воспринимались бы ими как справедливая кара за совершённые преступления».

Рассматривая в историческом аспекте региональную пенитенциарную систему, следует отметить, что в Дагестане до 1917 г. не существовало мест отбывания уголовных наказаний в виде лишения свободы. Арестованные до вынесения приговора содержались в имевшихся учреждениях предварительного заключения: в Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске, Дербенте и Кизляре. После вынесения приговора они этапировались водным путём в Астрахань и далее в Сибирь. Арестанты из Дагестана этапировались в отдалённые уголки страны, чтобы исключить возможность общения с земляками, снизить побеговые настроения и оторвать преступников от привычной среды.

В дореволюционном Дагестане большую роль в поддержании общественного порядка в соответствии с нормами ислама и шариата играло духовенство. «В мечетях тайно составлялись списки лиц, совершающих правонарушения, которые передавались старосте села. Он проводил с нарушителями разъяснительную работу. На еженедельных пятничных молитвах при большом стечении верующих после намаза объявлялось о различных происшествиях, утерянных и найденных вещах. При мечети на первом этаже находилось под охраной тёмное, наглухо закрываемое помещение с ямой, куда водворялись несовершеннолетние, совершившие недостойные горца деяния (воровство, оскорбление старших и др.). На период их пребывания там они лишались пищи и воды».¹

В начале 1950-х годов в Дагестане завершается формирование уголовно-исполнительной системы (далее по тексту – УИС) в составе органов и учреждений МВД ДАССР. До известной бериевской «золотой амнистии» численность лиц, содержащихся в заключении в учреждениях НКВД в Дагестане, доходила до 7000 человек.

Н.А. Крайнова (Санкт-Петербург, Россия). Цели уголовного наказания как инструмент современной уголовной политики.

Наказание в виде лишения свободы во все времена являлось весьма действенным

средством предупреждения рецидивных преступлений. Сама процедура привлечения к уголовной ответственности, неотвратимость наказания, его адекватность содеянному обладают достаточно мощным предупредительным потенциалом.

XXI век привнёс в нашу жизнь много нового. Общество сталкивается с различными трудностями. Таковые в экономической сфере, так называемые экономические кризисы, с неизбежностью порождают социальные и иные проблемы, которые необходимо преодолевать. Очевидно, на наш взгляд, что в современных условиях для преодоления деструктивных явлений уже нельзя эффективно пользоваться теми инструментами, которые использовались в прошлом веке. Нужен поиск новых успешных методик и способов борьбы с негативными явлениями. Сказанное в полной мере можно отнести и к вопросам противодействия преступности, в частности, к реализации уголовного наказания.

В ст. 43 УК РФ закреплены цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, предупреждение совершения преступлений. Реалии XXI века диктуют необходимость осмысления данных целей, выработки новых подходов к их реализации. Однако вряд ли обоснованными являются предположения, что в настоящее время вся система уголовного наказания находится в состоянии кризиса.

Вопрос о том, насколько достижимыми являются цели уголовного наказания, является, пожалуй, уже риторическим. Ни одна система реализации уголовного наказания, даже самая успешная, не в состоянии привести к 100-процентному отсутствию рецидива преступлений. В этой связи, исследуя вопрос о целеполагании в теории уголовного наказания, следует иметь в виду, что цели наказания должны быть сформулированы как некий набор идеальных ценностей, которые служат ориентиром в деле противодействия преступности.

Совершенно справедливым представляется мнение Л.Б. Смирнова относительно функций современной исправительной колонии: «... она утратила свой исправительный потенциал. В том виде, в каком она есть, не способна достигать целей, ставящихся перед таким наказанием как лишение свободы. Современная колония переродилась, стала

¹ Интервью М. Магомедова, 1913 года рождения, из селения Апши Буйнакского района Республики Дагестан.

опасной для осуждённых и общества, способствует воспроизводству преступности: разлагающе действует на человека, порождает жестокие формы насилия и унижения личности, способствует коррупции».

В.В. Меркурьев (Москва, Россия), А.В. Звонков (Москва, Россия). Концепция развития системы уголовных наказаний в России.

Современная система уголовных наказаний структурно-функционально несовершенна. В результате этого назначаются лишь такие наказания как лишение свободы на определённый срок, штраф, обязательные работы, исправительные работы и ограничение свободы. Эффективность большинства из данных наказаний является весьма сомнительной. При этом правоприменитель также отдаёт предпочтение условному осуждению, уступающему по объёму применения лишь лишению свободы.

Оценивая виды наказаний, предусмотренные ст. 44 УК РФ, следует отметить их несоответствие современным требованиям. По нашему мнению, учёту должен подлежать не только уголовно-правовой критерий, как результат толкования ч. 1 ст. 43 УК РФ, но также криминологический и уголовно-исполнительный. Последний включает в себя: срок наказания, в течение которого осуждённый находится под контролем специализированного органа; наличие средств обеспечения режима уголовного наказания, что выражается в хорошо разработанном комплексе обязанностей осуждённых и мер ответственности за их нарушение; объективную, а не мнимую эффективность наказания; реализуемость наказания, а не постановка «ширмы» его исполнения.

Криминологический критерий заключается в соблюдении требований гуманности, запрета жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения при исполнении наказания.

Результаты анализа современных критериев, отражающих меру уголовно-правового характера в статусе уголовного наказания, позволили охарактеризовать ряд мер уголовно-правового воздействия, как несоответствующие закреплённому положению. Например, такое наказание, содержащее в своей основе морально-психологическое воздействие, как лишение специального, воинского или

почётного звания, классного чина и государственных наград, является устаревшим, не соответствует современным требованиям, предъявляемым к уголовным наказаниям, по причине противоречивости современным ценностям.

Режим таких наказаний как лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, лишение специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград, ограничение по военной службе не проработан в достаточной степени. Это негативно сказывается на их эффективности.

Суды крайне редко назначают в качестве основного наказания лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью. Немногочислены случаи назначения таких наказаний как лишение специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград, ограничение по военной службе, принудительные работы, содержание в дисциплинарной воинской части, пожизненное лишение свободы. Неприменяемыми наказаниями являются арест и смертная казнь, что, как справедливо отмечает, Л.Б. Смирнов, разрушает единство и взаимосвязь элементов системы наказаний [29, с. 100].

М.С. Дикаева (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу о целях наказания и средствах их достижения.

В ч. 1 ст. 9 УИК РФ исправление осуждённых определяется как формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Ставя под сомнение возможность изменения сознания, морального исправления осуждённых, особенно тех, кто отбывает наказание в виде лишения свободы, заметим, что осуждённые, поступающие в пенитенциарные учреждения, в массе своей это лица с уже сформировавшимся характером, определённым мировоззрением и жизненными установками.

Проведение работы по моральному совершенствованию личности в условиях пенитенциарного учреждения представляется крайне затруднительным. Более того, тяжёлые условия отбывания наказания скорее оказывают

негативное и стрессовое воздействие на осуждённых, нежели положительное.

Ю.И. Дук (Елец, Россия). Проблемы реформирования уголовно-исполнительной системы РФ.

Мы имеем огромную сеть исправительных колоний, разбросанных по территории России. Вполне естественно, что при одинаковых условиях проживания заключённых внутри исправительного учреждения, его территориальное расположение существенно влияет на условия отбывания наказания, исходя из природно-климатической зоны, в которой находится исправительное учреждение. Отбывание наказания в исправительных учреждениях, расположенных в северных районах страны, сложнее, нежели в расположенных на юге.

На наш взгляд, наиболее справедливым является принцип, предусматривающий отбывание наказания в зависимости не от места вынесения приговора суда, а от тяжести совершённого деяния и наличия рецидива. Чем выше общественная опасность совершённого преступления, тем тяжелее должны быть условия отбывания наказания, чтобы осуждённый осознавал не только психологическую степень опасности совершённого деяния, но и физически прочувствовал всю тяжесть содеянного.

Да, необходимо создание нормальных жилищно-бытовых условий для лиц, отбывающих наказание, но эти условия не должны быть выше общероссийских. Если в стране огромное число людей проживают в ветхом жилье, а осуждённые – в камерах с евроремонтом, это ненормальная ситуация с точки зрения справедливости. После отбывания наказания в местах лишения свободы человек должен чётко осознать, что данное место не является зоной вынужденного отдыха. Оно должно стать местом упорного труда, независимо от статуса осуждённого, тем более статуса в преступном мире.

Следует отметить заслуженную критику закреплённых в УК РФ целей уголовного наказания. Д.А. Шестаков полагает, что «уголовно-правовым мерам противодействия преступности в условиях сегодняшнего и завтрашнего дня должны быть присущи следующие функции: 1) удержание лица, совершившего преступление, от возобновления подобного (функция защиты человека), 2) ре-

ституция (восстановление положения потерпевшего), 3) ресоциализация виновного. Законодательное закрепление подобных функций могло бы соответствующим образом направить дальнейшее развитие уголовного права в целом [54, с. 13].

С.В. Игнатенко (Санкт-Петербург, Россия). Наказание заключается в лишении свободы.

Вопросы целесообразности и эффективности тюремного заключения являются на протяжении многих лет предметом бурных теоретических дискуссий учёных. Противники лишения свободы высказывают доводы о неэффективности данного наказания, негативном влиянии тюрьмы на психику человека. В противовес их позиции стоит отметить действенность изоляции преступника от общества в плане реализации частной превенции в течение срока заключения.

Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью утверждать, что тема доклада Л.Б. Смирнова крайне актуальна, затрагивает комплекс важных вопросов исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

Современная система исполнения наказания в виде лишения свободы должна обеспечивать аскетичные и строгие условия содержания осуждённых лиц в полном соответствии с принципами уголовно-исполнительного права, в частности, с принципом дифференциации исполнения наказания. Данные условия должны определяться, исходя из общественной опасности совершённого деяния, опасности личности преступника, с обязательным учётом наличия прежних судимостей с назначением наказания в виде лишения свободы. Последнее положение важно для достижения целей недопущения совместного содержания лиц, впервые осуждённых, и неоднократно судимых [30, с. 40].

При осуждении преступника следует помнить, что по истечении срока лишения свободы он вновь окажется на свободе. От того, как на него повлияло заключение (исправило или укрепило и усилило его криминальные качества) зависит, начнёт ли вчерашний преступник законопослушную жизнь или вновь встанет на прежний незаконный путь.

19 мая 2017 года Санкт-Петербургский международный криминологический клуб совместно с Комитетом по законодатель-

ству и судебной-правовой реформе Мажилысы Парламента Республики Казахстан, Правовым советом при партии «Нур Отан», Прокуратурой Костанайской области, Общественным фондом «Центр инновационного развития юридической науки и практики» провёл международную беседу «От криминологического законодательства к праву противодействия преступности (проблемы криминологии закона)».

С основными докладами выступили: Д.А. Шестаков – д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). «От криминологического законодательства к праву противодействия преступности» и Р.Т. Нуртаев – д.ю.н., профессор (Астана, Республика Казахстан). «Актуальные проблемы построения уголовной политики стран Евразийского экономического союза с учётом криминальных реалий».

Беседу вели: прокурор Костанайской области, государственный советник юстиции 3-го класса М.Ж. Кайбжанов, д.ю.н., профессор Костанайского филиала Челябинского государственного университета А.Е. Мизанбаев, к.ю.н., заместитель директора Костанайского филиала Челябинского государственного университета А.Б. Бекмагамбетов, к.ю.н., заместитель президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба А.П. Данилов.

На беседу собрались криминологи из Астаны (Республика Казахстан), Гамбурга (ФРГ), Екатеринбург (Россия), Индианы (США), Костаная (Республика Казахстан), Оренбурга (Россия), Санкт-Петербурга (Россия).

В обсуждении докладов участвовали: Н.Р. Ахметзакиров, А.Б. Бекмагамбетов, Б.Б. Галиев, Э. Гондолф, А.П. Данилов, О.А. Зигмунт, И.Я. Козаченко, А.Е. Мизанбаев, Г.П. Новосёлов, И.А. Петин, В.С. Попов, Ю.В. Радостяева, Е.А. Саламатов, Д.Н. Сергеев, К. Сессар, Ю.И. Симонова, И.В. Слепцов, А.А. Смагулов, А.И. Терских, В.М. Шакунов, Б.К. Шнарбаев.

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия). От криминологического законодательства к праву противодействия преступности.

Семантическая концепция преступности – предпосылка становления криминологии закона. Под преступностью следует пони-

мать свойство человека, *основных социальных подсистем (семьи, экономики, политики, средств распространения сведений, других сфер вплоть до законодательной сферы), общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов.* Это, как я его называю, семантическое определение преступности сложилось у меня уже к началу восьмидесятых годов минувшего столетия. С годами оно несколько совершенствовалось, но по сути своей не изменилось. Семантическая концепция, как представляется, подводит теоретическую основу под появившиеся в последней трети минувшего – начале нынешнего веков отрасли преступноведения, исследующие преступность соответствующих общественных сфер, под семейную, экономическую, политическую криминологию, криминологию СМИ и, наконец, под криминологию закона. Концепция позволяет методологически увязать между собой эти отрасли.

Криминология закона – финальная отрасль школы преступности социальных подсистем. Криминология закона – отрасль криминологии, изучающая взаимосвязь преступности и законодательства. Она нацелена на исследование явления законодательной преступности и разработку научных основ законодательства о противодействии преступности.

Нет, не будь в моём распоряжении семантической концепции, не пришло бы мне в голову в своё время поставить парадоксальный вопрос о преступности законодательной сферы. Конечно, эта преступноведческая отрасль занималась и занимается научной разработкой криминогенности законов, их преступноведческой экспертизы, учением о криминологическом законодательстве, но вот понятие преступного закона, как и модель единого законодательства о противодействии преступности, полагаю, представляет собой нечто, над которым следует совместно подумать, поскольку здесь открываются некоторые возможности для усовершенствования регламентации противодействия преступности. Упомянутое учение о криминологическом законодательстве в широком и узком смысле

ле слова занимает в криминологии закона видное место.

Что такое криминологическое законодательство? Криминологическое законодательство, в узком смысле слова, регламентирует не карательную сторону предупреждения преступлений: организационные вопросы противодействия преступности в целом и отдельным её составляющим, криминологическими, социальными, криминологическими-воспитательными, криминологическими-психологическими и другими вопросы. Криминологические нормы в настоящее время рассеяны по различным отраслям законодательства, отдельные из них содержатся в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном кодексах, например, положения закона о примирении лица, совершившего преступление, с потерпевшим или направленные на профилактику преступлений требования, предъявляемые к условно осуждённому либо отбывающему уголовное наказание [45, с. 147; 42, с. 11–23].

В России система криминологической профилактики была законодательно оформлена ещё в 1832 г. в виде Устава о предупреждении преступлений [37, с. 56]. В советское и постсоветское время она неоднократно менялась: разрушалась, воссоздавалась. Один из основателей невско-волжской школы преступноведения Г.Н. Горшенков связывает будущее криминологического законодательства преимущественно с предупреждением преступлений [7, с. 117].

Вопрос о криминологическом законодательстве (законодательство о противодействии преступности) как о научной проблеме был поднят в середине 90-х годов прошлого века. Автор настоящих строк поставил его в 1996 году [4, с. 122], неоднократно возвращался к нему в последующем, предложив, в частности его состав:

1) нормы, регламентирующие стратегию противодействия преступности (Миланский план действий, принятый VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, одобренный резолюцией ГА ООН 40/32 от 29.11.1985; Закон Санкт-Петербурга «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» от 16.05.2007 и др.); Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ. Ни в

федеральном, ни в региональных российских законах о профилактике, увы, не воплощены многие предложения, которые были высказаны преступноведцами, в частности, В.В. Лунеевым [24];

2) нормы, регламентирующие криминологическую экспертизу (Федеральный закон РФ от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»);

3) нормы, регламентирующие противодействие конкретным видам преступлений (Федеральные законы РФ № 273-ФЗ от 25.12.2008 «О противодействии коррупции», № 35-ФЗ от 06.03.2006 «О противодействии терроризму», № 120-ФЗ от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и др.);

4) виктимологическое законодательство (Европейская Конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (ETS № 116), Страсбург, 24.11.1983 (РФ не участвует); Федеральный закон РФ № 119-ФЗ от 20.08.2004 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Имеются виктимологические нормы и в Федеральном законе РФ № 35-ФЗ от 06.03.2006 «О противодействии терроризму».

Особо стоит вопрос о нормах так называемого права безопасности (Sicherheitsrecht), направленных, в частности, на пресечение преступлений, а также на защиту свидетелей преступления (например, Правила применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Они утверждены 21 сентября 2012 г. постановлением Правительства Российской Федерации, № 953) [64].

Критика Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ. В 2011 году, когда данный закон был только ещё законопроектом, автор настоящих слов давал по нему заключение. Мной было отмечено, что законопроект, внесённый Правительством России на рассмотрение Государственной Думы, обращён не к преступности в целом, а лишь к видимому (обыденному) её уровню. Остальные восемь её уровней, включая внутренний олигархиче-

ский, оставлены без внимания [50]. Законодатель счёл нужным не заметить это моё замечание.

Как не было в законопроекте ничего о путях реституции захваченного «олигархами» имущества, так нет и в принятом законе. А ведь разумные, научно обоснованные решения этого наболевшего вопроса предложены, в том числе такие, которые находятся за пределами уголовного права. Так, например, М.Г. Делягин предлагает национализировать без каких бы то ни было выплат и компенсаций предприятия, управление которыми выведено в оффшорные зоны. Он же выступил за компенсационный налог с владельцев крупных приватизированных предприятий, за то, чтобы он взимался в размере разницы между стоимостью продажи и реальной ценой на момент проведения приватизации с учётом полученной с этой разницы прибыли и выплаченных дивидендов. Взимать компенсационный налог предлагается пакетами акций этих предприятий по рыночной стоимости [14].

Мне, конечно, могут возразить: в олигархическом государстве, коим на сей день является Россия, наивно рассчитывать на то, что хозяева общества, разбогатевшие на обворовывания народа, примутся вдруг тот же самый народ от самих себя защищать. Это всё равно, как овцам обращаться за правдой к волкам. Но, будучи специалистом по вопросам преступности, я не могу не говорить о её сути и её корнях.

Законопроект в своё время осуждался мной и за то, что в нём не было ничего сказано о *виктимологическом мониторинге* как о средстве контроля за официальной уголовной статистикой.² На мой взгляд, необходимо законодательно установить систематические,

² Автор настоящих строк высказал критические замечания к этому законопроекту в своём докладе «Углубление криминологической теории и основы противодействия преступности» на всероссийской научно-практической совместной конференции «Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития», проведённой в 2011 г. Университетом МВД России и Комитетом по вопросам законности, правопорядка и безопасности Правительства Санкт-Петербурга. Но материалы конференции по имеющемуся в Университете МВД обыкновению вместо того, чтобы быть опубликованными, куда-то исчезли.

проводимые за счёт государства опросы населения об известных ему преступлениях. Так можно было бы составить представление о том, сколько преступлений остаются незарегистрированными. Законодатель сделал полшага навстречу моему желанию. В тексте закона появилась статья 32 «Мониторинг в сфере профилактики правонарушений», совершенно неопределённая. В ней «установлено», что мониторинг в сфере профилактики правонарушений проводится субъектами профилактики в пределах их компетенции. А порядок проведения мониторинга устанавливается Правительством Российской Федерации. И только. Иными словами, контрольные опросы населения о распространённости преступлений так и не установлены.

Целеполагание уголовной ответственности. Исследуется криминологией закона и взаимосвязь преступности с уголовным законодательством. Уголовно-правовым мерам противодействия преступности в условиях сегодняшнего и завтрашнего дня, на мой взгляд, должны быть присущи следующие «цели», а точнее функции: 1) удержание лица, совершившего преступление, от возобновления подобного (функция защиты человека), 2) восстановление положения потерпевшего (реституция), 3) восстановление положения виновного в обществе (ресоциализация). Законодательное закрепление подобных функций могло бы соответствующим образом направить дальнейшее развитие уголовного права в целом. Такая формулировка функций уголовного закона (целей уголовной ответственности и, в частности, наказания) неоднократно обнаруживалась мной как в публичных выступлениях, так и в печати [54, с. 13; 59, с. 28].

Сама по себе кара никого не исправляет, человек может стать приемлемым членом общества, лишь получив в нём определённое устраивающее его самого и окружающих место. Вместе с тем в мире наблюдаются негативные, не правовые веяния в противодействии преступности. Я имею в виду, прежде всего, пренебрежение закономерной исторической тенденцией к смягчению репрессии. И это пренебрежение, это зло разносится по всему свету – удлиняются сроки наказания в виде лишения свободы, ужесточаются условия отбывания этого наказания. Ожесточение видно и в Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г., утверж-

дённой Распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р. Концепция, помимо прочего, предусматривает расширение оснований перевода осуждённых на тюремный режим, тюрьма выдвигается вперёд среди уголовно-наказательных учреждений.

Право противодействия преступности (ППП) и модель единого законодательства о противодействии преступности (ЕЗПП). Напомню уже высказанную раз в Костаное одну из моих фантазий. В устройстве единого законодательства о противодействии преступности мне видятся *новые кодексы*: «О предупреждении преступлений и мерах безопасности» – евразийская идея; «Об уголовной ответственности и восстановлении положения в обществе молодёжи» – хорошая евро-американская идея [51, с. 111; 44, с. 50]. Общие же положения и принципы следует определить в отдельном правовом акте, а именно в «Основах ЕЗПП». В Основах надо отразить взаимопроникновение установлений новых кодексов с прежними: уголовным, уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным.

Сомневающийся скажет: «А нельзя ли как-нибудь без Основ? Это, – мол, – зодческое нагромождение». Что тут возразишь? Всё, конечно, возможно: какими-то общими местами, перегрузив, дополнить Конституцию; какие-то положения более ясно определить в УК, УПК, УИК; какие-то повторить в других кодексах законодательства о преступности. Но при этом страдает стройность здания закона, а сложность и «неправильность» его строения влечёт за собой обычно ошибки, нарушения, злоупотребления...

Так что же говорит в пользу Основ законодательства о противодействии преступности?

Как было сказано, в вышеназванных подотраслях ЕЗПП есть, будет нечто общее, нуждающееся в согласовании. Общее из подотраслей должно выноситься «за скобки». Необходимо выработать принципы, цели и задачи ЕЗПП, обеспечивающие его единство. Основы должны определить направление совершенствования этого пласта законодательства, не позволяя его подотраслям разойтись далеко в стороны.

Основы позволят по значимости выстроить лестницу правовых приёмов: некарательное предупреждение; восстановление положения в обществе того, кто через совершённое

им преступление выбился из общественной колеи; наказание; обеспечение безопасности при чрезвычайных обстоятельствах. Таким образом возникает предпосылка для преодоления первенства уголовно-правовых мер в деле противодействия преступности.

Из буквы и духа Основ должна вытекать неприемлемость идущего с Запада призыва к «двунаправленности» мер против преступности. Суть этого призыва такова: тех, кто поопаснее, кто потрясает устои, запереть надолго, лучше всего навсегда, с другими же преступниками пускай разбирается не государство, а сам народ.

Основы должны очертить пределы дозволенного собственно государству – не только в назначении уголовного наказания, но и во всех прочих разновидностях противодействия преступности. От Основ ожидается и выставление заслона принятию преступных законов.

От функций («целей») уголовной ответственности к принципам ЕЗПП. Думается, пришла пора перейти от постановки вопроса о принципах ЕЗПП [52] к их формулированию. Наверное, следует установить следующие принципы:

- взаимоувязка и взаимодополнение подотраслей (5 кодексов) ЕЗПП;
- минимизация репрессии;
- предпочтение не связанному с наказанием предупреждению преступлений;
- восстановление в обществе положения потерпевшего;
- восстановление в обществе положения лица, совершившего преступление;
- удержание лица от преступления.

Идея ППП в преломлении отраслевого преступноведения. Семейная криминология. До и во многом в противовес навязанной с Запада феминистской концепции законодательства против (мужского) насилия в семье в России теоретически разработана правовая основа криминологической коррекции семейных отношений [57, с. 271–292].

Давно предлагается регламентировать в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве применение медиации, проведение криминологической экспертизы личности и криминогенной ситуации, а также введение специальности юриста-криминолога [59]. Обоснована неприемлемость для России запрета на посещение места жительства поссорившимся супругом. В России выдача

«охранных распоряжений», осуществляемая сегодня в ряде стран, была бы не целесообразна, помимо прочего, в связи с нерешенностью жилищной проблемы. Высказано отрицательное отношение к введению составов внутрисемейных преступлений. Такие составы были бы излишни постольку, поскольку они дублировали бы составы преступлений против личности. Подвержен критике имевший место феминистский прорыв в регламентацию ответственности за побои [26]. Было предложено ввести превентивный административный арест за насилие в семье как альтернативу уголовной ответственности [41].

Первый российский законопроект о предупреждении насилия в семье существенно отличается от продиктованных с Запада последующих законопроектов, посвящённых тому же вопросу. По существу это была концептуальная модель закона, исходящая из недопущения противопоставления интересов мужчин и женщин. В нём определено понятие насильственного преступления в семье. Очерчена государственная система предупреждения насилия в семье, названы права и обязанности социальных работников. Регламентирована административная ответственность за насилие в семье в качестве альтернативы уголовному наказанию. Урегулированы особенности принудительного жилищного обмена, условного осуждения, осуществления семейной психотерапии как мер предупреждения насилия в семье. В законопроекте содержится положение об информационном обеспечении противодействия насильственным преступлениям в семье. Именно в этом законопроекте поставлен вопрос о статистическом учёте потерпевших по признаку родственной связи с виновным и о создании профилактического учёта криминогенных семей. Там же имеется положение о семейных судах.

В последние годы появились содержательные исследования на пересечении семейной криминологии и криминологии Закона [32; 33].

Политическая криминология. Внесены предложения по развитию уголовно-правовых норм, международных и внутренних [62, с. 398–400]. В их числе *общие положения* о самообороне государства: нужно более подробно регламентировать в части условий совершения оборонительных действий на территории суверенного государства, повинного в совершении преступления [12].

Теоретически разработаны желательные *составы преступлений*, в их числе: «Организация и осуществление массовых репрессий»; «Использование непроверенных или фальсифицированных данных для развязывания войны», «Создание условий для преступления агрессии, в том числе посредством принятия неправомερных (включая преступные) нормативных актов», «Вмешательство во внутреннюю политику суверенного государства», «Финансирование избирательной кампании иностранным спонсором, а также принятие и использование зарубежного финансирования в целях предвыборной кампании», «Обучение методам организации массового неповиновения, в том числе обучение лидеров неповиновения», «Политические провокации». Провокация политических (например, убийство представителей какого-либо государства, выдаваемое за действия тех или иных политических сил) и межнациональных конфликтов (инсценировка актов ксенофобии и др.), «Провокация применения силы при проведении массовых протестных мероприятий».

Поставлен вопрос о новых субъектах преступлений. Предложено установить ответственность членов полномочных государственных и международных органов, лишив их в необходимых случаях соответствующих иммунитетов. В этом отношении мы солидарны с С.У. Дикаевым [15, с. 21]. Надо расширить круг субъектов преступления агрессии, специально указав среди них нижеследующие: члены полномочных государственных органов власти, включая представительную власть, а также представителей государств в международных организациях; инициаторы глобальных преступлений, в том числе оказывающие влияние на национальную государственную власть (надгосударственные силы).

В политической криминологии разработана проблема ответственности за преступления, совершённые с использованием частных военных компаний. Предложено установить в отношении ЧВК как юридических лиц, в случае совершения с их использованием преступлений, ответственности в виде конфискации имущества, а также обеспечения этой меры предварительным арестом имущества и приостановлением операций (замораживанием) с денежными средствами. Ввести состав преступления в международные уголовно-правовые соглашения, назвав его, например,

«преступная деятельность частных военных компаний». Это могло бы быть реализовано в виде дополнения к «Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников» либо в виде специальной конвенции об организованной преступной деятельности ЧВК. При этом странам-участницам конвенции должно быть рекомендовано установление соответствующих мер уголовной ответственности физических и юридических лиц.

Криминология сферы несовершеннолетних. В 1996 году предложено создать семейную юстицию в России, основу которой должны составить семейные суды. При этом подчеркивалось, что следует объединить усилия по созданию семейных и ювенальных судов и добиваться организации подлинно *семейной юстиции*, охватывающей правонарушения несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних, все внутрисемейные преступления, независимо от возраста виновных и потерпевших, а также гражданско-правовые споры, затрагивающие интересы семьи и несовершеннолетних [41]. В результате в связи с развитием криминологией закона идеи ЕЗПП начат разговор о Кодексе уголовной ответственности и восстановления положения молодежи в обществе [51, с. 111].

Стратегия и тактика. Итак, на пути от смыслового (семантического) понятия преступности через возникновение преступно-стиведческих отраслей и, в конечном счёте, к модели единого законодательства о противодействии преступности важна узловая остановка, на которой следует обсудить принципы противодействия преступности.

Закономерно в 2011 году возникший в русле криминологии закона призыв начать работу над кодексом о предупреждении преступлений и мерах безопасности наконец-то подхвачен и теперь на слуху. Жаль, конечно, что этот призыв сейчас многими, рассуждающими о нём, случается, отрывается от более общего положения о грядущем праве противодействия преступности. Ну да что поделаешь? Ну да так бывает. Уголовная политика, как отмечает Г.Н. Горшенков, складывается бессистемно путём проб и ошибок [9, с. 251].

Впрочем, разговор о «криминологическом кодексе», хоть и значительно обуженный, всё равно полезен.

Р.Т. Нуртаев (Астана, Республика Казахстан).

Считаю справедливым высказать следующие оценочные выводы:

1) построение семантической концепции преступности-ведения открывает новые научные просторы для плодотворной теоретической разработки глубинных неизведанных пластов криминологической науки;

2) дифференцированное рассмотрение отдельных самостоятельных направлений отраслевой криминологии позволяет конкретизировать комплекс научных и практических рекомендаций, разрабатываемых криминологической наукой для повышения эффективности противостояния государством и обществом преступности в проведении уголовной политики в стране;

3) предложения, содержащие обоснования перспективности и целесообразности организации надлежащей работы компетентных государственных органов по осуществлению криминологического мониторинга, активизации противодействия преступной деятельности частных военных компаний, заслуживают особого внимания, поскольку соответствуют настоящим реалиям современности, сложившимся в области противостояния преступности.

В.С. Харламов (Санкт-Петербург, Россия). Моделирование кодификации кримино-фамилистического законодательства.

Феномен криминального насилия в семье исследуется криминофамилистикой – отраслью криминологии, изучающей криминогенные факторы семейной сферы и обусловленное ими преступное поведение, а также социальное воздействие на них в целях противодействия преступности [57, с. 94]. Важной предпосылкой для построения кримино-фамилистического законодательства является разработанная Д.А. Шестаковым в 70-х годах минувшего века лаконичная многоуровневая теоретическая модель «Механизм антисоциального действия криминогенной семьи» [38, с. 66].

Систему нормативных актов, образующих в совокупности юридическую базу для реагирования на семейную преступность, целесообразно консолидировать в криминофамилистическое законодательство. В зависимости от критериев криминофамилистическое законодательство можно разделить на восемь групп

нормативных актов, регламентирующих: 1) криминофамилистическую политику; 2) обеспечение безопасности семьи и домочадцев; 3) деятельность, связанную с применением уголовной репрессии; 4) ресоциализацию отбывших наказание домочадцев; 5) виктимологическую профилактику; 6) медиативные технологии в семейной сфере; 7) социальную поддержку семьи; 8) деятельность субъектов противодействия семейной преступности.

А.П. Данилов (Санкт-Петербург, Россия). Преступное законодательство: на пересечении криминологических отраслей.

Кто должен решать, что является преступным? На стадии подготовки проекта уголовно-правовой нормы желательно соотносить её с криминологической моделью «Шар терпимости» [11]. Это поможет законодателю дать правильную криминологическую оценку различным социальным явлениям и, в соответствии с полученным выводом, принять правильное преступноведческое решение: о криминализации какого-либо деяния либо о ненужности таковой.

Для криминологической оценки угроз, уменьшению вредоносного влияния которых будет способствовать криминализация определённых деяний, необходим специальный орган. Например, научно-консультативный центр при Верховном суде РФ. Подобный орган уже создан в Белоруссии – научно-консультативный Совет при Генеральной прокуратуре Республики Беларусь.

В круг обязанностей Центра должно входить рассмотрение предложений граждан, иных лиц, в том числе Общественной палаты РФ, по внесению в УК РФ дополнений в части запрещения того или иного деяния путём установления за его совершение уголовной ответственности.

Центру необходимо иметь следующие права: самостоятельно выступать с криминализационной законодательной инициативой; определять преступную сущность деяния; давать обоснованное заключение об установлении за него ответственности; определять расположение новой нормы в соответствии со структурой УК РФ и, в целом, с органической целостностью единого законодательства о противодействии преступности; проводить криминологическую экспертизу законопроектов и действующих нормативно-правовых

актов на предмет их криминогенности и преступности.

Отрицательное заключение Центра должно влечь возвращение законопроекта субъекту, выдвинувшему его. Если субъект не откажется от законопроекта, он обязан аргументировать своё несогласие с полученным заключением. Направляя законопроект в законодательный орган, субъект обязан приложить к нему заключение Центра и свою справку об учёте замечания.

Пересечение преступноведческих отраслей. Закон принимает государственный орган, что есть сфера политическая. Изучая преступный закон, мы используем две криминологические отрасли: криминологию закона, рассматривающую сущность преступного закона, и политическую криминологию, осмысливающую преступность сферы политики, воспроизводящей, в том числе, такие преступления, как принятие преступных законов.

Криминализация деяний в законодательной и исполнительной сферах, направленных на принятие закона, иного нормативного акта преступного по существу, могла бы быть выражена следующей диспозицией состава преступления. «Использование должностным лицом своих служебных полномочий для принятия нормативного акта, заведомо для виновного влекущее существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

Субъект преступления – лица, инициирующие принятие акта, члены законодательного органа, отдавшие свои голоса за его принятие или воздержавшиеся при голосовании.

Становление права противодействия преступности через развитие преступноведческих отраслей. Криминогенность сферы СМИ очень высока. Учитывая, что массовая информация стала средством совершения, утаивания многих преступлений, целесообразно принять на международном уровне норму, устанавливающую ответственность СМИ и их глав за массовое распространение заведомо ложных сведений, имеющих важное международное значение и способствующих разжиганию межнациональных, межрелигиозных, межконфессиональных или военных конфликтов.

Заключение. Хотелось бы, чтобы единое законодательство о противодействии преступ-

ности было в ближайшее время принято на евразийских просторах, а не получилось так, как это у нас часто бывает: выскажем предложение и на этом остановимся. Потом же ко-

пируем на Западе практическую реализацию собственной идеи, причём с имеющимися существенными недостатками.

**Данные опроса участников беседы
«От криминологического законодательства
к праву противодействия преступности (проблемы криминологии закона)
от 19 мая 2017 года»**

Вопрос 1. Требуется ли единое законодательство о противодействии преступности (ЕЗПП)?

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	57	62,0	62,6	62,6
	Только Кодекс предупреждения преступлений и мер безопасности	15	16,3	16,5	79,1
	Лишь Закон о предупреждении преступлений	8	8,7	8,8	87,9
	Нет	6	6,5	6,6	94,5
	Трудно сказать	5	5,4	5,5	100,0
	Итого	91	98,9	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	1	1,1		
Итого		92	100,0		

Вопрос 2. Нужны ли новые кодексы?

2.1. Нужен ли Кодекс предупреждения преступлений и мер безопасности?

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	48	52,2	57,8	57,8
	Нет	26	28,3	31,3	89,2
	Трудно сказать	9	9,8	10,8	100,0
	Итого	83	90,2	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	9	9,8		
Итого		92	100,0		

2.2. Нужен ли Кодекс об уголовной ответственности и ресоциализации молодёжи?

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	32	34,8	44,4	44,4
	Нет	25	27,2	34,7	79,2
	Трудно сказать	15	16,3	20,8	100,0
	Итого	72	78,3	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	20	21,7		
Итого		92	100,0		

Вопрос 3. Одобряете ли Вы установление следующих принципов ЕЗПП?

3.1. Взаимоувязка и взаимодополнение подотраслей (кодексов) ЕЗПП

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	48	52,2	60,8	60,8
	Нет	10	10,9	12,7	73,4
	Трудно сказать	21	22,8	26,6	100,0
	Итого	79	85,9	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	13	14,1		
Итого		92	100,0		

3.2. Минимизация репрессии

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	27	29,3	42,2	42,2
	Нет	20	21,7	31,3	73,4
	Трудно сказать	17	18,5	26,6	100,0
	Итого	64	69,6	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	28	30,4		
Итого		92	100,0		

3.3. Предпочтение не связанному с наказанием предупреждению преступлений

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	33	35,9	51,6	51,6
	Нет	15	16,3	23,4	75,0
	Трудно сказать	16	17,4	25,0	100,0
	Итого	64	69,6	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	28	30,4		
Итого		92	100,0		

3.4. Восстановление в обществе положения потерпевшего

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	41	44,6	59,4	59,4
	Нет	14	15,2	20,3	79,7
	Трудно сказать	14	15,2	20,3	100,0
	Итого	69	75,0	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	23	25,0		
Итого		92	100,0		

3.5. Восстановление в обществе положения лица, совершившего преступление

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	36	39,1	55,4	55,4
	Нет	13	14,1	20,0	75,4
	Трудно сказать	16	17,4	24,6	100,0
	Итого	65	70,7	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	27	29,3		
Итого		92	100,0		

3.6. Удержание от совершения преступления

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	38	41,3	73,1	73,1
	Нет	9	9,8	17,3	90,4
	Трудно сказать	5	5,4	9,6	100,0
	Итого	52	56,5	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	40	43,5		
Итого		92	100,0		

Вопрос 4. Охватывает ли Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ основные причины воспроизводства преступности?

4.1. Факторы неблагоприятного развития личности

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Вполне	33	35,9	41,3	41,3
	Не вполне	17	18,5	21,3	62,5
	Трудно сказать	30	32,6	37,5	100,0
	Итого	80	87,0	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	12	13,0		
Итого		92	100,0		

4.2. Ситуативные факторы

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Вполне	19	20,7	31,7	31,7
	Не вполне	19	20,7	31,7	63,3
	Трудно сказать	22	23,9	36,7	100,0
	Итого	60	65,2	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	32	34,8		
Итого		92	100,0		

4.3. Социальные противоречия, лежащие в основе воспроизводства преступности

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Вполне	21	22,8	31,8	31,8
	Не вполне	17	18,5	25,8	57,6
	Трудно сказать	28	30,4	42,4	100,0
	Итого	66	71,7	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	26	28,3		
Итого		92	100,0		

Вопрос 5. Продуктивна ли семантическая концепция преступности для развития общей криминологической теории?

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	41	44,6	60,3	60,3
	Нет	12	13,0	17,6	77,9
	Трудно сказать	15	16,3	22,1	100,0
	Итого	68	73,9	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	24	26,1		
Итого		92	100,0		

Вопрос 6. Продуктивна ли семантическая концепция преступности для становления криминологии закона?

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	31	33,7	46,3	46,3
	Нет	12	13,0	17,9	64,2
	Трудно сказать	24	26,1	35,8	100,0
	Итого	67	72,8	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	25	27,2		
Итого		92	100,0		

Вопрос 7. Продуктивна ли семантическая концепция преступности для выдвижения модели единого законодательства о противодействии преступности?

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	32	34,8	45,1	45,1
	Нет	9	9,8	12,7	57,7
	Трудно сказать	30	32,6	42,3	100,0
	Итого	71	77,2	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	21	22,8		
Итого		92	100,0		

Вопрос 8. Нужны ли связанные с семейной проблематикой нововведения в уголовный закон?

8.1. Специальные составы «семейного насилия», аналогичные имеющимся составам против личности

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	55	59,8	67,1	67,1
	Нет	16	17,4	19,5	86,6
	Трудно сказать	11	12,0	13,4	100,0
	Итого	82	89,1	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	10	10,9		
Итого		92	100,0		

8.2. Прохождение курса улаживания конфликта как альтернатива уголовной ответственности

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	43	46,7	62,3	62,3
	Нет	10	10,9	14,5	76,8
	Трудно сказать	16	17,4	23,1	100,0
	Итого	69	75,0	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	23	25,0		
Итого		92	100,0		

Вопрос 9. Нужны ли связанные с политической проблематикой следующие составы преступления?

9.1. Принятие нормативного акта, заведомо для виновного влекущее существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	45	48,9	60,8	60,8
	Нет	16	17,4	21,6	82,4
	Трудно сказать	13	14,1	17,6	100,0
	Итого	74	80,4	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	18	19,6		
Итого		92	100,0		

9.2. Массовое распространение заведомо ложных сведений, имеющих важное международное значение и способствующих разжиганию межнациональных, межрелигиозных, межконфессиональных или военных конфликтов

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	45	48,9	57,7	57,7
	Нет	23	25,0	29,5	87,2
	Трудно сказать	10	10,9	12,8	100,0
	Итого	78	84,8	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	14	15,2		
Итого		92	100,0		

9.3. Вмешательство во внутреннюю политику суверенного государства

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	36	39,1	52,9	52,9
	Нет	17	18,5	25,0	77,9
	Трудно сказать	15	16,3	22,1	100,0
	Итого	68	73,9	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	24	26,1		
Итого		92	100,0		

Вопрос 10. Нужны ли связанные с экономической проблематикой следующие нововведения в закон?

10.1. Компенсационный налог, направленный на изъятие незаконного обогащения, в частности, при приватизации

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	42	45,7	54,5	54,5
	Нет	17	18,5	22,1	76,6
	Трудно сказать	18	19,6	23,4	100,0
	Итого	77	83,7	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	15	16,3		
Итого		92	100,0		

10.2. Восстановление уголовно-правового института конфискации без доказательства преступного происхождения имущества

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	28	30,4	36,8	36,8
	Нет	31	33,7	40,8	77,6
	Трудно сказать	17	18,5	22,4	100,0
	Итого	76	82,6	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	16	17,4		
Итого		92	100,0		

10.3. Обращение юридического лица в государственную собственность без его ликвидации

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	22	23,9	32,8	32,8
	Нет	24	26,1	35,8	68,7
	Трудно сказать	21	22,8	31,3	100,0
	Итого	67	72,8	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	25	27,2		
Итого		92	100,0		

Вопрос 11. Требуется ли наличие в системе органов государственной власти научно-консультативного Совета по выявлению криминогенности и преступности законопроектов и действующих нормативно-правовых актов?

11.1. Криминогенность законопроектов

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	53	57,6	68,8	68,8
	Нет	11	12,0	14,3	83,1
	Трудно сказать	13	14,1	16,9	100,0
	Итого	77	83,7	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	15	16,3		
Итого		92	100,0		

11.2. Преступность законопроектов

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	37	40,2	61,7	61,7
	Нет	10	10,9	16,7	78,3
	Трудно сказать	13	14,1	21,7	100,0
	Итого	60	65,2	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	32	34,8		
Итого		92	100,0		

11.3. Криминогенность нормативно-правовых актов

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	39	42,4	60,9	60,9
	Нет	12	13,0	18,8	79,7
	Трудно сказать	13	14,1	20,3	100,0
	Итого	64	69,6	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	28	30,4		
Итого		92	100,0		

11.4. Преступность нормативно-правовых актов

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Да	39	42,4	62,9	62,9
	Нет	9	9,8	14,5	77,4
	Трудно сказать	14	15,2	22,6	100,0
	Итого	62	67,4	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	30	32,6		
Итого		92	100,0		

Пол опрашиваемых

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Мужчина	58	63,0	65,9	65,9
	Женщина	30	32,6	34,1	100,0
	Итого	88	95,7	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	4	4,3		
Итого		92	100,0		

Возраст опрашиваемых

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	от 18 до 30	61	66,3	69,3	69,3
	от 31 до 40	14	15,2	15,9	85,2
	от 41 до 50	8	8,7	9,1	94,3
	51 и более	5	5,4	5,6	100,0
	Итого	88	95,7	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	4	4,3		
Итого		92	100,0		

Образование опрашиваемых

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Неполное среднее	5	5,4	5,7	5,7
	Среднее общее	20	21,7	22,7	28,4
	Среднее профессиональное	7	7,6	8,0	36,4
	Высшее профессиональное	56	60,9	63,6	100,0
	Итого	88	95,7	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	4	4,3		
Итого		92	100,0		

Наличие учёной степени у опрашиваемых

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Не имею	68	73,9	81,0	81,0
	Кандидат наук	11	12,0	13,1	94,0
	Доктор наук	5	5,4	6,0	100,0
	Итого	84	91,3	100,0	
Пропущенные	Системные пропущенные	8	8,7		
Итого		92	100,0		

29 сентября 2017 года беседа «Преступность сфер науки и образования». С докладом «Криминология в XXI веке – свет погасшей звезды?» выступил С.М. Иншаков – д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры национальной безопасности Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия).

Беседу вёл заместитель президента Клуба А.П. Данилов. На беседу собрались криминологи из Москвы (Россия), Санкт-Петербурга (Россия).

59 студентов вузов (РГПУ им. А.И. Герцена: А.Ю. Зайцева, Д.А. Мухин – 1-й курс, Е. Александрова, М. Володина, М.Г. Гончаров, У.В. Докукина, К. Жданова, О.С. Завьялова, И.Г. Земцов, В.С. Игнатъев, Ю. Исайченко, Л.А. Исмаилзаде, П.И. Карасёв, З. Крушова, В.В. Крылов, А.А. Ковешникова, П.А. Малыгин, Т.А. Мамонова, А.А. Мамышлина, А.Г. Марков, А.Д. Миронова, С.С. Митрохин, К.С. Нургатина, Д.Д. Понецкая, М. Просвительюк, Е.А. Скобелева, М.С. Смирнова, А.А. Срещикова, А. Тарарыкова, А. Фомина, А.В. Фролова, С.Ю. Черных – все 2-й курс, А.А. Андреева, М.В. Бегунова, Р.С. Власов, В.А. Дубинская, Д.В. Зуева, Л.В. Крутова, В.В. Кулешина, М.В. Лихобабина, Д.Г. Магомедова, О.В. Митрахович, Е.А. Налицкая, В.Ю. Парицкий, А.А. Спицова, К.А. Филиппова, Е.Н. Шипа – все 3-й курс, Исмайбеков Р.Н., Д.Е. Самойлов, П.А. Самородская – все 4-й курс, Д.Д. Искандарова, К.И. Кислёв; Северо-Западный институт управления РАНХиГС: А.А. Александров, М.Е. Кузнецова – все 4-й курс; Санкт-Петербургский государственный экономический университет: А.А. Григорьева; БФУ им. И. Канта: Д.В. Евсюкова – 3-й курс; Санкт-Петербургский государственный морской технический университет: О.Л. Захарова, А.В. Иванова, М.М.Б. Полонкоева – все 4-й курс);

5 гостей (старший юристконсульт ФКУ «ГСЦП МВД России» И.А. Носкова, советник ректора РГГМУ А.В. Зорин, юрист А.В. Шантруков, писатель Н.В. Кофырин, М.С. Мирошниченко);

1 аспирант (РГПУ им. А.И. Герцена: М.А. Пахомова);

2 адъюнкта (Санкт-Петербургский университет МВД России: А.А. Кирьяпов, Ю.С. Рубцова);

3 преподавателя (РГПУ им. А.И. Герцена: И.В. Морозова; Санкт-Петербургский государственный морской технический университет: С.В. Игнатенко, Е.И. Пономаренко);

9 кандидатов юридических наук (РГПУ им. А.И. Герцена: А.П. Данилов, М.С. Дикаева; Балтийский гуманитарный институт: В.С. Харламов; Северо-Западный институт управления РАНХиГС: Н.И. Пишикина; СПбГУ: Г.В. Зазулин; Санкт-Петербургский институт повышения квалификации работников ФСИН России В.В. Тулегенов; О.В. Лукичѳ; Санкт-Петербургский государственный экономический университет: Н.А. Крайнова; Санкт-Петербургский университет МВД России: А.В. Никуленко);

5 докторов юридических наук (РГПУ им. А.И. Герцена: Я.И. Глинский; Санкт-Петербургский университет МВД России: Л.В. Готчина, С.У. Дикаев; Московский государственный лингвистический университет: В.А. Казакова), *среди которых 1 заслуженный деятель науки РФ* (РГПУ им. А.И. Герцена: Д.А. Шестаков).

В обсуждении доклада участвовали: Я.И. Гилинский, А.П. Данилов, Г.В. Зазулин, С.У. Дикаев, В.А. Казакова, В.С. Харламов, Д.А. Шестаков.

С.М. Иншаков (Москва, Россия). Криминология в XXI веке – свет погасшей звезды?

В основу анализа перспектив криминологии в XXI веке положена следующая классификация научной деятельности:

А. Научные направления (отрасли науки), патронируемые государством:

- патронат 1-й категории;
- патронат 2-й категории;
- патронат 3-й категории.

Б. Вузовская наука.

В. Свободная научная мысль – интеллектуальная деятельность, мотивированная индивидуальными познавательными потребностями.

Государственный патронат 1-й и 2-й категорий обеспечивает научному направлению высокий статус, достаточное обеспечение (организационное, информационное, кадровое, материальное). Причѳм, патронат 1-й категории предполагает жѳсткую государственную ориентацию отрасли науки на решение определённого круга сверхактуальных социальнозначимых задач.

Патронат 2-й категории допускает самостоятельную ориентацию учёных в плане выбора обоснованной актуальной проблематики (что не исключает и госзаказа).

Патронат 1-й категории предполагает:

– создание системы взаимодействующих НИИ;

– деление научной отрасли не только на фундаментальную и прикладную части, но и на теоретическую и экспериментальную.

Патронат 2-й категории обычно ограничивается созданием одного или нескольких НИИ, научных центров в вузах. Деление науки на фундаментальную и прикладную части выражено слабо, а дифференциация на теоретическую и экспериментальную может вообще отсутствовать.

Патронат 3-й категории предполагает государственное обеспечение прикладных исследований. При этом фундаментальные функции выполняет вузовская наука.

Государственный патронат – способ интенсификации научной деятельности посредством материального обеспечения и организации исследовательской работы, а также путём привлечения наиболее талантливых интеллектуалов к решению актуальных проблем страны в относительно сжатые сроки.

Вузовская наука выполняет ряд функций: обеспечивает подготовку специалистов (в том числе и будущих учёных); служит своеобразным кадровым и интеллектуальным резервом для патронируемой государством отрасли науки (в отдельных случаях составляет ей конкуренцию); обеспечивает возможность интеллектуального развития и свободного интеллектуального творчества, что выполняет функции фундаментального осмысления проблем по отношению к некоторым прикладным наукам.

Если государство не уделяет достаточного внимания развитию того или иного научного направления, оно переходит вначале на положение изгоя. Затем обретает статус «погасшей звезды». Финальная стадия – свободное интеллектуальное творчество, черпающее ресурсы из других видов деятельности. В двух последних фазах наука может находиться достаточно долго, после чего она либо возрождается, либо исчезает.

В отдельных случаях определённое научное направление, утратив государственную поддержку в одной стране, может активно

развиваться в других странах (там, где науке обеспечиваются нормальные условия).

В странах с развитым гражданским обществом недостаточное государственное патронирование нередко компенсируется общественным патронированием. Причём общественное патронирование криминологии в некотором отношении может быть более продуктивным, поскольку государственное патронирование предполагает прямой или негласный запрет на исследование определённой проблематики (например, анализ элитарной преступности, исследование криминогенных патологий политической системы и др.).

Отечественная криминология никогда не обрела государственного патроната 1-й категории. Функционирование во всех остальных диапазонах она проходила. В 30-е годы прошлого века она обрела статус науки, в развитии которой была нажата кнопка «пауза». Криминологическая мысль обрела очень скромное временное прибежище в науке уголовного права, а также в интеллектуальном творчестве чиновников, которые на уровне обыденного сознания нередко формулировали и реализовывали криминологические идеи.

В 60-е годы XX века криминология была возрождена и обрела государственный патронат 2-й категории. В конце 1980-х её статус был несколько понижен (до 3-й категории). 1990-е годы ознаменовались утратой и этого статуса. Вузовская наука стала её прибежищем. Особенностью вузовской науки является то, что она неспособна полноценно развиваться в отрыве от решения проблем социальной практики, в отрыве от прикладной науки. Показателем этой неблагоприятной тенденции стал вал достаточно слабых диссертаций по криминологии, защищённых в этот период.

Количество продуктивных криминологических исследований, число социально значимых научных достижений (не говоря уже о научных открытиях) стремится к нулю.

Сегодня мы переживаем период вытеснения криминологии из вузовской науки. Впереди следующие возможные варианты развития:

– изменение государственной политики и обретение криминологией государственного патроната;

– обретение криминологией общественного патроната на фоне развития гражданского общества;

– независимое криминологическое интеллектуальное творчество.

Не исключено, что криминологические функции будут выполнять стремительно развивающиеся сегодня науки, создающие нано-, био-, информационные, когнитивные технологии. Радары на дорогах великолепно демонстрируют, как технократы могут продуктивно решать не только проблемы регулирования движения, но и коррупции. Несомненно, впереди у них большое будущее.

Есть ли будущее у криминологии? Это столь же сложная проблема, как и вопрос «Есть ли будущее у человечества?».

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия). Разрушение науки и образования как толчок для преступноведческой теории.

Нападение на европейское, в том числе российское, образование. Винить США в целенаправленном ослаблении российской науки и образования, равно как в развязывании агрессивных войн, организации «цветных революций», свержении глав суверенных государств и их казнях, было бы слишком поверхностным объяснением названных бед. Ведь США – это, прежде всего, большой народ, большинству которого нет дела до того, что творит его власть далеко за пределами страны. За государственной же властью стоят там отнюдь не американцы, страна-то вовсе не демократическая. При чём здесь простые люди? Балом правит, как теперь уже многим понятно, ГОВ (глобально олигархическая власть), стремящаяся к упрочению однополярной глобализации.

Ухудшение положения криминологии: страх и лень. Положение преступноведения ухудшается, впрочем, во всём мире. Тому повсеместно способствует отсутствие государственной поддержки. В Западной Европе, в которой учебники написаны несравненно глубже, чем в Америке, положение криминологии в системе юридического образования, тем не менее, весьма шатко. Так, в Швейцарии обсуждается вопрос о свёртывании её преподавания в связи с финансовыми трудностями. В ФРГ кафедры криминологии сохранились только в Гамбургском и Грейфсвальдском университетах. Лишь названными кафедрами осуществляется дополнительное после высшего криминологическое образование. В странах Американского континента преступ-

новведение преподаётся и вовсе за пределами юриспруденции, а именно как составная часть социологии или психологии.

В Клубе наука делается не ради денег и даже с осознанием того, что научные достижения едва ли принесут какую-то «выгоду». Его живучесть может вызвать, по меньшей мере, удивление в нынешние-то времена поклонения золотому тельцу и преобладания в обществе простейших материальных устремлений над духовными.

Я и сам порой удивляюсь глубине и откровенности звучащего здесь разговора, тому, что к нам «не зарастает тропа». Надолго ли насхватит и дойдёт ли мерцание нашего Клуба до достаточного числа способных откликнуться и сделать дальнейшие шаги вперёд преступноведов – время покажет.

Г.Н. Горшенков (Нижний Новгород, Россия). Криминология в XXI веке – звезда с увеличенной светимостью.

Откликаясь на пессимистическую метафору профессора С.М. Иншакова метафорой оптимистической, я не столько стараюсь возразить докладчику, так как понимаю, что в метафоре «свет погасшей звезды» «заложено» психологический приём, который преследует позитивно провоцирующую цель. А она сформулирована в докладе в виде вопроса: «Есть ли будущее у криминологии?».

Другое дело, каким представляется это будущее для криминологии: как науки угасающей или развивающейся? Докладчик размышляет над пессимистическим вариантом. Скажу точнее, критически анализирует ситуацию, делая акцент не столько на «энергоноситель» науки – потенциал учёных, сколько на судьбоносные (в смысле вредоносные) для криминологии обстоятельства.

Криминология не та наука, которая, указывая «обществу (и, разумеется, государству – авт.) на его социальные язвы и просчёты в социальном управлении, так как преступность порождает не достижения человечества и не положительные моменты» [16, с. 24], вызывает неопишуемую радость у коррумпированных чиновников. Как едко заметил в своё время К. Вебер: «Любил ли когда-нибудь хоть один деспот науку? Разве может вор любить ночные фонари?» [3].

Сегодня мы имеем такие организации, в которых интегрированы совместные усилия

представителей всех отраслей науки антикриминального цикла. Это, прежде всего, Российская криминологическая ассоциация, Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, Союз криминалистов и криминологов и др.

Остаётся привести их комбинированный труд в такое движение, которое могло бы произвести тот синергический эффект, в котором и можно будет видеть звезду с увеличенной светимостью.

С.У. Дикаев (Санкт-Петербург, Россия). О цикличности развития отечественной криминологии или «до новой смуты!»

Отечественная криминология, как наука о преступности, развивается циклично. Из истории криминологии мы знаем, что импульс в своём развитии она получила от работы А.Н. Радищева «О законоположении» (1801 г.). Последующие исследования Ш.Т. Эрмана, П.Н. Ткачёва, позднее М.В. Духовского, И.Я. Фойницкого, Н.Д. Сергиевского и других были сопряжены с общим развитием образования, которое также стало доступно разночинцам, что расширило круг лиц с высшим образованием за счёт значительно притока провинциальной молодёжи.

Трудно установить корреляцию между развитием образования, революционным движением и криминологической мыслью в России, но представляется, что определённые закономерности и зависимости улавливаются. Получившие развитие криминологические идеи о причинах преступности, которые выделялись в «...дурном политическом устройстве, дурном экономическом состоянии общества, ... дурном состоянии общественной нравственности...» [17, с. 5–6], не могли не породить недовольства и смуту, и не только среди провинциальной молодёжи. Кроме того, сами причины преступности говорили о необходимых мерах их устранения, являвшихся по своей сути мерами политическими, требующими изменения устройства государства.

Знания о преступности востребованы в преддверии смуты, в годы нестабильности и не требуются в периоды временной и относительной стабильности. В настоящее время криминология переживает период упадка, что говорит об устойчивости власти, больше не нуждающейся в результатах криминологических исследований. Но долго ли будет сохра-

няться стабильность власти в России? Когда нам стоит ожидать спрос на криминологические исследования, и, соответственно, оживления криминологии?

В.Н. Фадеев (Москва, Россия). О криминологии будущего.

В литературе не первый раз и не случайно поднимается вопрос: «Есть ли будущее у современной криминологии?». Этим же вопросом задаётся С.М. Иншаков, озаглавившая свой доклад «Криминология в XXI веке – свет погасшей звезды?».

При первом приближении попытка обрисовать контуры криминологии будущего может строиться двояким образом. Либо – это чистое предположение, которое делается на основе представлений о развитии жизни общества, и тогда оно обходится гуманитарной сферой практики и знаний. Либо – это попытка спрогнозировать, как человеческое мышление может использовать в криминальных целях достижения науки и новые технологии, определяющие будущее жизни общества реально, а не предположительно, и уже имеют место в естествознании и его приложениях.

Криминология остро нуждается в методах предвидения и осознания истины, а также непосредственного воздействия на злой умысел на корню. Она в концептуальном и теоретическом плане соприкасается с когнитивизмом, как с направлением исследования механизмов познания и осознания, коммутирующими, с одной стороны, с современной (неклассической) физикой, с другой – с философией сознания, метафизикой и даже эзотерикой в формате разведывательно-боевой экстрасенсорики [19].

Недалеки интересы криминологии и от информационных процессов в биологических системах, притом, в самом общем смысле этих понятий, включая и систему «человек-среда», поскольку большая часть представлений, которыми оперирует криминология в отношении к личности преступника и к корням преступности в сознании и в мире в целом, пока не имеют естественно-научной трактовки и определённого физического смысла.

Я.И. Гилинский (Санкт-Петербург, Россия). Есть ли будущее у криминологии?

1. Пока есть «преступность» и «преступления» будет криминология.

2. Наблюдается кризис мировой криминологии, как результат «неожиданной» смены цивилизаций, перехода к обществу постмодерна, что влечет принципиальные изменения динамики, структуры преступности и её понимания как социального конструкта [6].

3. Если кризис характерен для мировой криминологии, то российская криминология находится в состоянии глубокого кризиса (отсутствие соответствующих академических структур; проблемы вузовской «науки»; отставание от мировой криминологии; отсутствие финансирования эмпирических исследований, включая компаративистские; отсутствие финансирования поездок российских криминологов на международные конференции и конгрессы; неполнота публикуемых статистических данных; традиционное отсутствие математических знаний и знания иностранных языков у большинства отечественных криминологов; непривлекательность российской «науки» для молодых исследователей и т.п.).

4. Для восстановления современного научного статуса российской криминологии необходимо: отказаться от изоляционистской позиции государства; восстановить статус Академии наук, образовав в её составе криминологическую структуру; изменить бюрократическую практику Минобрнауки или ликвидировать это вредоносное для образования и науки учреждение; обеспечить финансирование российских, межгосударственных эмпирических исследований преступности и иных видов девиантности; обеспечить финансирование участия российских криминологов в международных эмпирических исследованиях, конференциях, конгрессах; привлекать зарубежных коллег к отечественным исследованиям, участию в российских конференциях и конгрессах; изучать преступность в комплексе с другими девиантными проявлениями; обратиться к исследованию преступности и иных социальных девиаций с учётом особенностей современного мира постмодерна – его глобализации, массовой миграции, виртуализации, фрагментаризации, консьюмеризации, шизофренизации сознания, «ускорения времени» и др.

Что в современных условиях есть утопия...

Л.Б. Смирнов (Санкт-Петербург, Россия). Криминология российской цивилизации.

Российская криминология испытывает определённые трудности, связанные с имплементацией ценностей западной цивилизации. Настоящий кризис наблюдается в криминологии западной цивилизации и у самой цивилизации. Будучи порождением капитализма, криминология западного типа исчезнет, как и сам капитализм на его высшей и последней стадии – глобализме.

В истории российской цивилизации был один непродолжительный период, когда криминология была на службе государства – это советский период. Однако советская криминология в свой поздний период в значительной мере увлеклась криминологическими идеями западной цивилизации, попав в их плен.

Из криминологии капитализма-глобализма криминология должна переформатироваться в криминологию российской цивилизации, основанную на её системе координат. Основы криминологии российской цивилизации есть, они разработаны трудами криминологов не-вско-волжской криминологической школы.

Защита российской цивилизации должна стать стержневой линией развития российской криминологии. Заслуживает переосмысления, большего исследования и изучения опыт России по противодействию преступности с учётом объективных особенностей развития российской цивилизации на различных этапах её существования. Данные исследования необходимо осуществлять не с целью исключительной разрушительной критики этого опыта, как это зачастую делают, а для извлечения положительных моментов и непредвзятого анализа допущенных ошибок, изучения эффективности результатов воздействия на преступность.

Нужно выявить детерминанты, существующие и потенциальные криминогенные угрозы для российской цивилизации, лиц, их создающих и реализующих, разработать и предложить действенную систему предупреждения. Наибольшую опасность для российской цивилизации представляет глобалистская политика олигархических кланов Запада. Особое место в российской криминологии следует уделить исследованию и изучению политической и антигосударственной преступности, наносящей значительный вред российской цивилизации.

*С.Ф. Милюков (Санкт-Петербург, Россия).
Солнце криминологии чиновничьей дланью не
прикроешь!*

Да простят меня читатели за столь пафосный заголовок. К этому меня подвигли будущие участники беседы – основной докладчик С.М. Иншаков и Г.Н. Горшенков – мой давний соратник ещё по Горьковской высшей школе МВД СССР.

Сравнение отечественной криминологии с погасшей звездой, свет от которой ещё долго будет доходить до человеческих глаз, хотя и романтическое, но весьма грустное. Большой оптимизм внушает второе сравнение: опять же со звездой увеличенной светимости (знакомые с астрономией знают, что увеличение светимости звезды может привести к её последующему взрыву и рождению Сверхновой).

Нам же импонирует сравнение криминологии с палящим Солнцем, с его жёстким свечением, обнаруживающим глубокие язвы общества и государства, кичащегося своей просвещённостью, цивилизованностью и толерантностью к инакомыслящим.

Наша криминология сразу подпала под прицел стального ока государева. Вспомним оценку Екатериной II автора своего рода первой криминологической монографии («Путешествие из Петербурга в Москву»), как «бунтовщика похуже Пугачёва». В последующем большинство криминологов высказывали левые, порой радикальные взгляды. Поэтому на первых порах Советская власть поощряла (или, как выражается докладчик, патронировала) криминологические исследования, создавала институты и кабинеты по изучению причин преступности и личности преступных деятелей.

Сейчас криминология вытеснена на периферию научного знания о преступности и, соответственно, педагогического процесса. За что? Да за всё то же: срывание всех и всяческих масок, обнажение тех же социальных язв, вызывающих сопротивление одиночек, которые нередко сплываются в группы и создают устойчивые структуры.

*А.П. Данилов (Санкт-Петербург, Россия).
Преступное управление обществом с помощью
образования как предмет криминологии
науки и образования.*

С.М. Иншаков предполагает, что «криминологические функции в скором времени бу-

дут выполнять стремительно развивающиеся сегодня науки, создающие нано-, био-, информационные, когнитивные технологии» [20]. Но смогут ли они выявить в самих себе свойство воспроизводить преступления?

Думается, что для решения этой, да и многих других криминологических проблем полезной станет отдельная криминологическая отрасль, изучающая преступность сфер науки и образования. Какие здесь видятся предметные направления, кроме уже обозначенных С.Ф. Милюковым. Их много, например, словесное образование; внедрение в образование преступных идеологий. Таковые используются для преступного управления нашим обществом.

В настоящее время на развитии всего человечества крайне негативно сказывается проблема глобальной информационно-идеологической преступной деятельности. Она заключается в установлении ГОВ через мировые СМИ контроля над общественным мнением, управление им, в том числе посредством сообщения искажённой и/или ложной информации, разложении через литературу, музыку, образование и кинематограф нравственности, национальных культур, развитию у населения различных страхов для достижения своих корыстных целей и облегчения совершения преступлений, например, актов агрессии.

Одна из восточных мудростей гласит: «Хочешь победить врага – воспитай его детей». Этого правила чётко придерживаются при ведении глобальной информационно-идеологической преступной деятельности, используя возможности института образования. Его целенаправленно разрушают во всех странах, внедряют в него преступные идеологии, в том числе разрушающие духовные начала (религиозный экстремизм, развращение, потребительство).

*П.А. Кабанов (Набережные Челны, Россия).
Основные тенденции развития современной
российской криминологии и некоторые
перспективные научные направления её
дальнейшего развития: взгляд провинциального
оптимиста.*

Специалистам, длительное время формирующим и развивающим современную российскую криминологическую науку, трудно не согласиться с основными положениями доклада авторитетного российского криминолога, доктора юридических наук, профессора, заслу-

женного юриста Российской Федерации С.М. Иншакова, исследования и публикации которого широко известны в России и за рубежом.

Действительно, значение для государства и общества криминологической науки изменчиво, ситуативно и требует постоянного мониторинга. Оценка С.М. Иншаковым развития и состояния современной российской криминологии верна, объективна, но слишком пессимистична. Это позволяет нам высказать свое, более оптимистичное видение этого вопроса.

Научные исследования в сфере противодействия преступности формируются, как правило, по двум направлениям, вызванным потребностями правоприменительной, в том числе и правотворческой деятельности и потребностями научно-исследовательских коллективов или отдельных специалистов в разработке и/или создании новых криминологических теорий.

В отдельных случаях основные направления развития научных, в том числе и криминологических исследований, закрепляются ведомственными нормативными актами. При этом постоянно обновляется перечень перспективных направлений, а специалисты, критически относясь к имеющимся научным наработкам, предлагают новые направления в виде отдельных криминологических отраслей или частных криминологических теорий.

Такие научно обоснованные криминологические направления находят понимание и поддержку в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе, где и зародилась современная российская отраслевая криминология.

Основные тенденции развития современной российской криминологической науки характеризуются целым рядом взаимосвязанных и взаимообусловленных признаков.

Наблюдается расширение научных связей отечественных криминологов с зарубежными коллегами. Происходит расширение криминологических знаний за счет формирования и использования новых источников криминологической информации, в результате чего криминологические исследования становятся востребованными в смежных науках и сферах жизнедеятельности и обогащают их. Развитие отраслей и частных криминологических теорий позволяет им переходить в другие отрасли знаний, насыщая и дополняя их необходимой криминологической информацией.

6 октября 2017 года Санкт-Петербургский международный криминологический клуб совместно с Балтийским федеральным университетом имени Иммануила Канта провёл в г. Калининграде международную беседу «Нарушение государственного суверенитета как криминологическая и уголовно-правовая проблема».

С основными докладами выступили Д.А. Шестаков – заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., профессор, соучредитель, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия): «Преступное вмешательство в государственный суверенитет и правовые рычаги противодействия ему (Ключевые положения по промежуточным итогам разработки вопроса в невиско-волжской преступноведческой школе)» и Й. Арнольд – доктор права, профессор, руководитель исследовательской группы Института зарубежного и международного уголовного права им. Макса Планка (Фрайбург, Германия), содокладчик – К. Хаза – докторант (Фрайбург, Германия): «К вопросу об актуальности трактата И. Канта «К вечному миру», где обращается наше внимание на принцип невмешательства в государственный и национальный суверенитет».

Беседу вели: заместитель президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, к.ю.н. А.П. Данилов, директор Юридического института БФУ им. И. Канта, к.ю.н., профессор О.А. Заячковский, заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., профессор, соучредитель, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба Д.А. Шестаков.

На беседу собрались криминологи из Калининграда (Россия), Санкт-Петербурга (Россия) и Фрайбурга (Германия). В обсуждении доклада участвовали: А.П. Данилов, С.У. Дикаев, М.Г. Миненок, И.Л. Ландау, С.В. Лонская.

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия). Преступное вмешательство в государственный суверенитет и правовые рычаги противодействия ему (Ключевые положения по промежуточным итогам разработки вопроса в невиско-волжской преступноведческой школе).

Предыстория разработки вопроса в клубе и школе. Ядро Санкт-Петербургского между-

народного криминологического клуба сегодня образует небольшой круг криминологов, сплотившихся в научную школу преступных подсистем (невско-волжская преступности-ведческая школа). Путь к теме вмешательства в суверенитет для школы, насколько я себе представляю, сложился из ниженазванных этапов: концепция преступных подсистем, возникновение соответствующих данной концепции преступности-ведческих отраслей – политической криминологии и криминологии закона. Продоланный путь вывел нас уже в 2006 году на осмысление тех грубых нарушений норм международного, в частности международного уголовного права, которые, начиная с агрессивной войны против Югославии, столь участились в мире [48].

Основные направления вмешательств – криминализированное и (пока) не криминализированное зло. Назову эти направления.

1. *Управление «пятой колонной»,* т.е. той частью оппозиции в суверенных государствах, которая работает на ослабление государственной власти, разложение экономики и постановку экономики этих стран в кабальную зависимость от западной экономики, прежде всего от экономики США, работает на воцарение хаоса в подвергаемых вмешательству странах.

2. *Вмешательство в выборы* в органы власти, поддержка на выборах настроенных на разрушение сложившегося в странах порядка сил [10].

3. *Вмешательство в деятельность дипломатической службы.*

4. *Осуществление государственных переворотов,* обычно под видом борьбы против «жестких» политических режимов за свободу и демократию.

5. *Учинение расправы,* в частности при помощи органов международной юстиции, над негодными глобальной олигархической власти главами государств.

6. *Развязывание и ведение агрессивных войн,* в том числе с использованием подложных данных, применяемых в качестве предлога для войны, нередко в соучастии с международными политическими институтами (Советом Безопасности ООН, Европарламентом и др.). В военных вмешательствах в суверенитет всё большую роль играют наёмные частные военные компании.

Вмешательство в свете преступности-ведческой теории. В соответствии с учением

о многослойном (девятиуровневом) строении преступности вмешательство в суверенитет относится к нижеперечисленным уровням: организованные терроризм и экстремизм (5-й уровень), внутренний олигархический (7-й уровень), внешнегосударственный (8-й уровень), планетарный олигархический (9-й уровень). На поверхности событий дело выглядит так, будто злом на планете правят собственно Соединённые Штаты Америки. В действительности же за всеми направлениями вмешательства стоит не какая-либо страна, ведь страна – это, прежде всего, люди с различными взглядами, значительная часть которых далека от политики. Балом правит глобальная олигархическая власть (ГОВ).

Цель ГОВ – экономическое и политическое господство во всём мире. Это группа материально сверхбогатых людей, прежде всего финансистов, тесно связанных между собой, и обладающая рычагами мирового управления в интересах собственного капитала. Управление ГОВ осуществляет посредством властей США и других государств; международных политических учреждений; всемирных финансовых инструментов; «независимых» СМИ, через которые по единому шаблону распространяется массовая дезинформация, направленная, в частности, на дискредитацию подвергнутых гонению государств (в наши дни, прежде всего, на дискредитацию России) в глазах мирового общественного мнения; неправительственных организаций, которыми координируется деятельность оппозиции в разных странах, и т.д.

Решающие направления противодействия вмешательству. Конечно, в сопротивлении глобальной олигархической власти, в обороне от неё, в противодействии её преступной деятельности решающее значение обретает укрепление экономики страны, поддержание её обороноспособности, выравнивание имущественного положения граждан, возвышение их национального самосознания (по А.П. Данилову – родолюбия) [13].

Законодательные и правовые меры имеют при этом отнюдь не первостепенное значение. Однако без них, без их совершенствования успешного противодействия не построишь.

Желательное развитие международного права. Самооборона государства. Институт необходимой обороны (самообороны) в международном уголовном праве нужно более

подробно регламентировать в части условий совершения оборонительных действий на территории суверенного государства, повинного в совершении преступления [40; 36]. Данный правовой институт, будучи привнесённым в Конституцию РФ, должен охватить защиту государством находящихся за границей соотечественников (права человека), в т.ч. людей, имеющих основание для получения российского гражданства [49].

Международное судоустройство. Учредить новый международный суд (подобие конституционных судов), задачей которого стало бы сопоставление нормативных актов и иных решений государственных властей и международных соглашений и решений международных организаций утвердившимся нормам и принципам международного уголовного права [40; 36].

Ответственность частных военных компаний. В развитие уже имеющей место нормы об уголовной ответственности за наёмничество требуется учредить также усиленную ответственность за ряд преступлений, если они совершены с использованием частных военных компаний.

В отношении частных военных компаний как юридических лиц установить для случаев совершения с их использованием преступлений ответственность в виде конфискации имущества, а также обеспечения этой меры предварительным арестом имущества и приостановлением операций (замораживанием) с денежными средствами.

Ввести состав преступления в международные уголовно-правовые соглашения, назвав его, например, «преступная деятельность частных военных компаний». Это могло бы быть реализовано в виде дополнения к «Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников» либо в виде специальной конвенции об организованной преступной деятельности ЧВК. При этом странам-участникам конвенции должно быть рекомендовано установление соответствующих мер уголовной ответственности физических и юридических лиц [43].

Необходимые изменения Конституции Российской Федерации. Возвышение роли национального законодательства. Часть 4 статьи 15 Конституции РФ («Общепризнанные принципы и нормы международного права и меж-

дународные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора») дополнить словами: «если они (правила международного договора) не противоречат Конституции РФ. В противном случае действует Конституция РФ».

В часть 3 статьи 46 Конституции РФ добавить: «Если решение межгосударственного органа по защите прав и свобод человека в отношении гражданина России противоречит Конституции РФ, то действуют положения, установленные Конституцией».

Укрепление самосознания граждан России. Исключить положение части 2 статьи 13 Конституции Российской Федерации, согласно которому «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». В этой части записать: «Уважение к России, её истории, стремление к достойному её экономическому и политическому положению в мировом сообществе, равно как признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина составляют основу государственной идеологии России».

Статью 43 Конституции России дополнить частью 6: «Усвоение гражданами России её государственной идеологии обеспечивается всей системой воспитания и образования: учреждениями дошкольного, общего и среднего образования, а также родителями и лицами, их заменяющими». Кроме того, я бы дополнил эту статью ещё частью 7: «Учреждениями всех уровней образования, а также родителями и лицами, их заменяющими, обеспечивается воспитание подрастающего поколения с приоритетом формирования духовно-нравственной, патриотической составляющей его сознания».

Правовая основа противостояния внутри-российскому уровню олигархической преступности. Статью 13 Конституции РФ дополнить частью шестой: «Граждане РФ имеют право на критику неравенства и иной общественной несправедливости».

Из уголовно-правовых предложений, в том числе для развития международного уголовного права. Субъекты военной агрессии. Расширить круг субъектов преступления агрессии, специально указав среди них

нижеследующие: члены полномочных государственных органов власти, включая представительную власть, а также представителей государств в международных организациях; инициаторы глобальных преступлений, в том числе оказывающие влияние на национальную государственную власть (надгосударственные силы) [15; 55].

Требующиеся новые составы преступлений. Использование непроверенных или фальсифицированных данных для развязывания войны [40].

Создание условий для преступления агрессии, в том числе посредством принятия неправомерных (включая преступные) нормативных актов [62, с. 399].

Финансирование избирательной кампании иностранным спонсором, а также принятие и использование зарубежного финансирования в целях предвыборной кампании. (Соответственно дополнить статью 141¹ УК РФ частью третьей).

Обучение методам организации массового неповиновения, в том числе обучение лидеров неповиновения. (Ввести соответствующую статью в УК РФ).

Провокация политических (например, убийство представителей какого-либо государства, выдаваемое за действия тех или иных политических сил) и межнациональных конфликтов (инсценировка актов ксенофобии и др.) [62, с. 399].

Провокация применения силы при проведении массовых протестных мероприятий.

Дезинформация, которая может способствовать совершению вооружённого мятежа, а также преступлений против мира и безопасности человечества.

Противодействие вмешательству ГОВ – многосторонняя преступноведческая проблема. Я коснулся лишь правовой стороны противодействия вмешательству. Между тем в клубе и соответственно на страницах нашего журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра» уже более десяти лет обсуждаются также другие аспекты противодействия, прежде всего экономические и информационные [8] меры.

Мы полагаем, что широкий круг вопросов о коренном девятом уровне преступности – преступной деятельности глобальной олигархической власти – чрезвычайно злободневен. И будем рады дальнейшему подключению к

данному направлению деятельности клуба всё новых специалистов из разных отраслей знания.

Немного мечтаний: постепенное всемирное устранение причин преступных вторжений в суверенитет. Известно, что в обязанности преступноведца входит разработка мер против глубинных причин осмысливаемого им преступного явления. Выдать такие пожелания применительно к причинам преступных вмешательств – дело сложное. Однако такая задача действительно стоит перед экономической и политической отраслями преступноведения. Большинство из предложений, высказываемых на этот счёт в нашем Клубе, на сегодня могут показаться неосуществимыми мечтаниями.

Но они указывают верную, хотя и дальнюю дорогу. Некоторые отрезки дороги, по которой, наверное, следует двигаться человечеству, вырисовываются как возвышение духовности в противовес идеологии потребления, отказ от доллара США в международных и прочих расчётах [34], смена экономической модели [22], превознёсшей роль ростовщического капитала, перераспределение богатств в мире в сторону уменьшения пропасти между бедностью и богатством.

Й. Арнольд (Фрайбург, Германия), К. Хазе (Фрайбург, Германия). К вопросу об актуальности трактата И. Канта «К вечному миру», где обращается наше внимание на принцип невмешательства в государственный и национальный суверенитет.

Центральное место в докладе занимают следующие вопросы: «Способно ли человечество достичь такой идеальной цели по Канту как вечный мир? Само определение «вечный» указывает на полную невозможность достичь такого состояния? Стало ли человечество в XXI веке сознательнее относиться к свободе действовать должным образом, или этот идеал всё ещё недостижим?».

«Состояние мира» на современном этапе характеризуется многочисленными насильственными вмешательствами в государственную и национальную независимость. Этим самым провоцируются многочисленные нарушения 5 статьи 1 раздела трактата Канта о мире, который содержит принцип невмешательства. Таким образом, ни в коем случае речь не может идти о мире как постоянном

состоянии. В соответствии с актуальным состоянием дел видится эта идея Канта в ближайшем будущем как недостижимая.

Поэтому вновь возникают вопросы: «Считает ли себя человечество, в соответствии с идеей Канта, свободным и достойным, нежели те люди, которые наказывают сами себя (в этническом смысле оказываются недостойными)? Или исключают сами себя из мирового сообщества как некоторые обладающие властью, а также политики, которые ответственны за начало войн?».

Что значит трактат о мире во времена процесса глобализации? В своих идеях Кант исходил из того, что человечество, то есть люди, обладающие здравым смыслом, должны сами хотеть достичь такой цели как вечный мир. Возможно ли достичь данного состояния с помощью международного уголовного права, что является сегодня основополагающей всемирной концепцией? В трактате о мире Кант не указывает, каким образом он собирается применить внутригосударственное уголовное право на международном уровне. Означает ли это, что Кант строго различал те же самые данные для людей и те же самые данные для государств? Какой смысл, а точнее говоря, какие параллели можно провести между независимостью личности и суверенитетом государства?

Так как не все люди обладают здравым смыслом в соответствии с европейской политикой просвещения, то достижение цели «вечного мира» останется только неосуществимой идеей, не только благодаря кантовским антагонистическим «естественным состояниям», но и по причине различных человеческо-культурных, общественных процессов развития, в том числе и государств с различными строями. Но это означает только, что необходимо вновь и вновь пытаться приблизиться к данному идеалу «вечного мира», и тогда возможно будет аргументировано поспорить с Кантом, настаивая на принципе запрета на вмешательство как предпосылке существования мира. Устав Организации Объединённых Наций является реализованным базисом для этой цели на сегодняшний день.

*С.У. Дикаев (Санкт-Петербург, Россия).
Внешняя поддержка экстремизма и сепаратизма как способы вмешательства в суверенитет государства.*

Прежде чем говорить о вмешательстве в государственный суверенитет, о формах и способах такого вмешательства, надо определиться с самим понятием «суверенитет». Специалисты в области конституционного права отмечают, что суверенитет – это общепризнанное свойство государства, определить которое очень непросто [31, с. 167]. И это при том, что сам термин «суверенитет» был введён в оборот ещё в XVI веке французским политиком, философом, экономистом, юристом, членом парламента Парижа и профессором права в Тулузе Жаном Боденом. Он считается основателем науки о политике из-за разработанной им теории «государственного суверенитета».

Разъясняя конституционно-правовой смысл суверенитета России, заложенный в статьях 3-5, 67 и 79 Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд России в одном из своих постановлений определил его как «верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий её конституционно-правовой статус» [28].

Процессы глобализации и мировой интеграции, усиление сотрудничества государств вывело часть государственного суверенитета на надгосударственный уровень. Поэтому суверенитет, как абсолютная власть монарха ли, президента ли, верховного правителя ли, в современных условиях практически невозможна, поскольку каждое государство, так или иначе, связано обязательствами, возникающими в связи с признанием и подписанием международных и межгосударственных соглашений.

Будучи связанными международным правом, государствам остаётся совершать тайные операции по подрыву изнутри политических основ государства путём всесторонней поддержки экстремизма и сепаратизма. Раз носителем суверенитета является народ, то с ним и надо работать, указывая ему на конкретные

приоритеты, обучая и стимулируя должным образом определённых лиц или группы для организации массового недовольства властью.

М.Г. Миненок (Калининград, Россия). Криминологически значимые факторы, влияющие на суверенитет государства.

В энциклопедической литературе суверенитет определяется как независимость государства от других государств во внешних отношениях и верховенство во внутренних делах.

На сегодняшний день сложилась определённая нормативная база, укрепляющая государственный суверенитет. Это ряд известных Указов Президента Российской Федерации, а также Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П, в котором отмечено, что «в случае если Конституционный Суд Российской Федерации придёт к выводу, что постановление Европейского Суда по правам человека, поскольку оно основано на Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не может быть исполнено, такое постановление в этой части не подлежит исполнению».

Совет Федерации в июне 2017 года принял решение о создании комиссии по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела России.

Военные способы вмешательства в отношении России малопригодны. Однако остаются иные методы, например, санкционная политика. Авторитет государства, его суверенитет реализуется государственными органами. Они должны пользоваться уважением у граждан. Какие органы вызывают сегодня доверие у россиян? Это особенно важно в нынешних условиях дефицита нравственности, человеческого участия, сочувствия, заботы.

В настоящее время власть всё больше отдаляется от народа. Суверенитетом может обладать только такая власть, которая имеет авторитет, заслуженный, исходящий из оценок простого населения. Он проявляется в помощи людям, принятии своевременных решений, скромном образе жизни. Высокооплачиваемые чиновники не должны кичиться, выставлять напоказ свою высокую материальную обеспеченность.

В.С. Харламов (Санкт-Петербург, Россия). Противодействие вмешательству ГОВ в государственный суверенитет.

В целях противодействия преступному вмешательству в государственный суверенитет следует в кратчайшие сроки сформировать и задействовать следующие международные структуры:

I. Интернациональную службу коммуникационной безопасности при новом международном уголовном суде. В числе её целей можно выделить следующие:

1) создание оперативного механизма реагирования на любую внутрисударственную интервенцию, осуществлённую посредством а) нарушения тайны переписки, телефонных переговоров, иных коммуникаций с использованием технических средств (прежде всего, когда жертвами оказываются лидеры государства и другие видные государственные деятели);

б) вирусных кибератак на государственные и значимые финансовые структуры, а также сообщений ложных сведений об акте терроризма из-за рубежа;

2) сбор и предоставление доказательств в новый международный уголовный суд о криминальной деятельности виновных.

II. Интернациональный союз экспертов для представления заключений в новый международный уголовный суд о резонансных фактах нарушения международного уголовного права. В числе первоначальных задач указанного союза можно назвать оценку действий США и коалиции:

- 1) В Сирии в период 2012–2017 гг.;
- 2) В Югославии в 1999 г.;
- 3) В Афганистане в период 2000–2017 гг.;
- 4) В Ираке в период 2003–2017 гг.

А.П. Данилов (Санкт-Петербург, Россия). Вмешательство в государственный суверенитет как звено глобальной политической преступной деятельности.

Для понимания действительных причин вмешательства в жизнь независимых государств необходимо обратиться к предложенному Д.А. Шестаковым термину «ГОВ». О ней он говорит в своём докладе, выявляя корни проблемы вмешательства в государственный суверенитет.

ГОВ ведёт разноплановую преступную деятельность: экономическую, политическую,

информационно-идеологическую, противозологическую и др. ГОВ – не теория заговора, не конспирологическая теория, а многочисленные печальные факты нашей жизни.

Глобальная политическая преступная деятельность (ГППД) – вид преступной деятельности ГОВ. Конечной задачей ГППД является построение ГОВ тоталитарного глобального псевдогосударства, возглавляемого её представителями (мировым правительством). Для этого первоначально она установила контроль над всеми суверенными государствами. Теперь же подготавливает соответствующее общественное мнение: население всех стран должно якобы самостоятельно прийти к осознанию того, что миром следует управлять глобальной властью. Ей, мол, и с экологическими проблемами, и с другими всемирными вызовами будет справиться легче. То, что именно она является источником всех мировых проблем, населению узнать не дают, ГОВ о таком «забвении» бережно заботится.

Способы установления контроля над государствами. ГОВ внимательно следит за тем, чтобы ключевые должности во всех государствах занимали её ставленники. Так, в 2017 году семейством Ротшильдов – известной династией банкиров – на пост Президента Франции был приведён Э. Макрон.

Однако ненасильственным путём утвердить своего кандидата у руля государства ГОВ удаётся далеко не всегда. Поэтому-то так часто в современной жизни мы видим различные виды давления на страны. Среди них и преступные вмешательства в избирательный и иные политические и социальные процессы. Подобные способы воздействия могут сопровождаться провокациями массовых беспорядков, вооружённых конфликтов, революций, развязыванием войн.

Суть глобального государства. Реализуемая ГОВ концепция построения тоталитарного глобального государства предусматривает проведение преступной политики, направленной на:

– сокращение численности населения Земли за счёт сведения к минимуму рождаемости, способствования повышенной смертности (естественные болезни и управляемая медицина, войны);

– стирание национального самосознания и культур народов, их обезличивание и созда-

ние безнациональной человеческой единицы (гражданин мира).

Те несколько сот тысяч людей, что по замыслу ГОВ останутся на планете через тройку десятков лет, будут её обслуживающим персоналом, в основном, обеспечивающим работу роботов, на которых мировая элита делает основную ставку.

Техника заменит человека почти на 100 %. Именно на неё возложат все трудовые обязанности. Олигархам надоело платить работникам заработную плату, выплачивать пособия, обеспечивать надлежащие условия труда. В глобальном государстве воробогачам эти расходы, лишние рты и хлопоты не нужны. Само человечество, по представлению ГОВ, – это всего лишь несколько десятков богатейших семей.

М.М. Миненок (Калининград, Россия). Гуманитарная интервенция – угроза государственному суверенитету.

До настоящего времени определение «гуманитарная интервенция» в международных нормативных актах не закреплено. Отдельные авторы рассматривают её, как «военное вторжение на суверенную территорию другого государства (обычно, против его воли), имеющее целью защиту людей в бедственных гуманитарных ситуациях, поскольку пострадавшее государство не может или не желает обеспечить защиту этих людей» [1, с. 193].

Однако необходимо отметить тот факт, что гуманитарные интервенции противоречат нормам международного права. Да и что гуманного в действиях вмешивающихся государств, если в результате таковых гибнут люди, разрушаются дома, возникают гуманитарные катастрофы.

Как подмечают немецкие исследователи, «множество недавних насильственных посягательств на государственный суверенитет подаётся общественности как «гуманитарные интервенции» или в качестве так называемой «обязанности защищать» («Responsibility to Protect»). Эти вмешательства обозначаются часто также как «справедливые войны». Поводами для вмешательств служат тяжкие нарушения прав человека в различных государствах. Как правило, интервенции должны одновременно привести к изменению системы («regime change»). Примерами военных интервенций последних 20 лет являются ин-

тервенции против Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии» [2, с. 46].

Оценки гуманитарных интервенций различны. Отдельные учёные считают, что вмешательство одного государства во внутренние дела другого допустимо при наличии определённых условий. Другие им возражают: по-

скольку гуманитарная интервенция связана с использованием насилия, вне зависимости от согласия на таковое властей страны, подвергшейся гуманитарной интервенции, то это опасно для государства, фактически подвергающегося агрессии, и потому интервенция неприемлема.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Nohlen* (Hrsg.). *Kleines Lexikon der Politik*. München, 2002.
2. *Арнольд Й., Хазе К.* К актуальности труда Канта «К вечному миру» ввиду запрета на вмешательство в государственный и народный суверенитет // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2017. № 3 (46). С. 45–51.
3. Афоризмы. URL: <https://quotesbook.info/quotes/comment/14417> (дата обращения: 15.08.2017).
4. *Бурлаков В.Н., Гилинский Я.И., Шестаков Д.А.* Преподавание криминологии в современных условиях. Отчёт о криминологическом семинаре // *Вестник СПбГУ*. 1996. Сер. 6, вып. 3.
5. *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2013.
6. *Гилинский Я.И.* Некоторые тенденции мировой криминологии // *Российский ежегодник уголовного права*. 2012. № 6.
7. *Горшенков Г.Н.* Криминология как «расширенная наука» о преступности: время становления и развития. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2015.
8. *Горшенков Г.Н.* Криминология массовых коммуникаций: Научно-учебное издание. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2003.
9. *Горшенков Г.Н.* Проблемы криминологии: курс лекций. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2016.
10. *Данилов А.П.* Иностранное вмешательство в выборы президента суверенной Республики Беларусь в декабре 2010 года // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2012. № 1 (24). С. 70–75.
11. *Данилов А.П.* Преступноведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2015. № 4 (39). С. 27–30.
12. *Данилов А.П.* Противодействие внешнегосударственному и надгосударственному уровням преступности в свете событий в Южной Осетии // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2009. № 2 (17). С. 98–103.
13. *Данилов А.П.* Родолубие и мы // Крымские юридические чтения: материалы международной научно-практической конференции 11 мая 2012 г. / Национальный университет «Одесская юридическая академия». Экономико-правовой факультет в г. Симферополь. Симферополь: КРП «Издательство «Крымчупедгиз», 2012. На украинском и русском языках. С. 28–33.
14. *Делягин М.* Манифест. URL: <http://forum-msk.org/material/economic/9581606.html> (дата обращения: 31.12.2017).
15. *Дикаев С.У.* Юридическая оценка иностранного вмешательства в избирательный процесс суверенного государства // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2012. № 3 (26). С. 18–23.
16. *Долгова А.И.* Учения о преступности и криминология // *Криминология: Учебник для вузов* / Под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005.
17. *Духовской М.В.* Задачи науки уголовного права // *Временник Демидовского юридического лица*. Ярославль, 1873. № 10.
18. *Жестеров В.П.* Уголовная репрессия в постиндустриальном обществе / Под. ред. Г.Ю. Лесникова. М., 2016.
19. Интеллектуальный клуб «Команда 10003». URL: https://samopoznanie.ru/msk/organizers/intellektualnyy_klub_komanda_10003/ (дата обращения: 06.06.2017).
20. *Инишаков С.М.* Криминология в XXI веке // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2017. № 3 (46). С. 36–44.
21. *Каданёва Е.А.* Негативные последствия уголовного наказания в виде лишения свободы на определённый срок, обуславливающие рецидивную преступность // *Чёрные дыры в российском законодательстве*. 2010. № 2.

22. Колесников В.В. Криминогенность современных моделей экономики – ключевой фактор детерминации мирового финансово-экономического кризиса // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 1 (18). С. 163–191.
23. Кристи Н. Пределы наказания М., 1985.
24. Лунеев В.В. Проект Закона «О предупреждении преступности» // Государство и право. 1996. № 11.
25. Миняева Т.Ф. Классификация осуждённых к лишению свободы // Российский следователь. 2014. № 23. С. 39–43.
26. О феминистке на ст. 156 УК РФ. URL: <http://criminologyclub.ru/home/5-video/240--156-.html> (дата обращения: 31.12.2017).
27. Орлов В.Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты. Монография. М., МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2011.
28. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»» // Российская газета. – 2000. – 21 июня.
29. Смирнов Л.Б. Проблемы и перспективы уголовно-исполнительной системы России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 3 (248).
30. Смирнов Л.Б. Уголовно-исполнительное право: учебник для бакалавров. СПб.: ИВЭСЭП, 2014.
31. Страшун Б.А. Суверенитет государства в современном национальном, международном и наднациональном праве // Lex russica. 2016. № 7. С. 167–176.
32. Харламов В.С. МВД по Республике Коми в борьбе с криминальными проявлениями в семейно-бытовой сфере. СПб., Сыктывкар: Филиал ФКГУ ВНИИ МВД России по Северо-Западному федеральному округу, 2013.
33. Чураков А.В. Законодательство о противодействии семейному насилию: предпосылки, теория, разработка в России, Грузии, Кыргызстане, Украине. СПб., 2014.
34. Чураков А.В. Отказ от доллара США как средство противодействия мировой олигархической преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (18). С. 97–100.
35. Шайхисламова О.Р. Классификация осуждённых к лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2007. Т. 7. № 2. С. 53–55.
36. Шестаков Д.А. Агрессия против суверенной Ливии, набросок формул обвинения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 4 (23). С. 10–15.
37. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. СПб: Юридический центр Пресс, 2011.
38. Шестаков Д.А. Введение в криминологию семейных отношений. Л.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1980.
39. Шестаков Д.А. Вера и кара. В связи с книгой И.М. Рагимова «О нравственности наказания» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 3 (38). С. 13–20.
40. Шестаков Д.А. Журналу «Криминология: вчера, сегодня, завтра» – пять лет. Интервью Г.А. Янковской // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 1 (10). С. 11–15.
41. Шестаков Д.А. Законодательная регламентация предупреждения насилия в семье // Criminological Situation and Security in Society. First International Social Deviant Behavior Symposium of the Black Sea Countries. Chinau, 9–11 November. 1995. P. 128–130.
42. Шестаков Д.А. Контроль преступности и криминологическое законодательство // Организованная преступность, уголовно-правовые и криминологические проблемы. Отв. ред. М.Г. Миненок. Калининград, 1999.
43. Шестаков Д.А. Криминологический аспект деятельности частных военных компаний // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 1 (10). С. 226–229.
44. Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 47–50.
45. Шестаков Д.А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменившемся мире. Учебник. 2-е издание, переработанное и дополненное. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
46. Шестаков Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, Издательство «Лань», 2001.
47. Шестаков Д.А. О понятии преступности и криминологии закона // Общественные науки и современность. 2008. № 6.

48. Шестаков Д.А. Обусловленность качества профилактической деятельности милиции // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 2 (11). С. 9–16.
49. Шестаков Д.А. От преступноведческой теории причинности к изменению Конституции (на примерах России и Казахстана) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 3 (46). С. 15–20.
50. Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 12–22.
51. Шестаков Д.А. Постлиберальная парадигма и право противодействия преступности // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования. Коллективная монография // Ответствен. ред. д.ю.н. А.Е. Мизанбаев. Костанай, 2012.
52. Шестаков Д.А. Предупреждение преступлений и меры безопасности в праве противодействия преступности // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 1 (5). С. 110–120.
53. Шестаков Д.А. Преступность и правосознание в свете российской критической криминологии // Региональные особенности состояния правопорядка, уровня правосознания и защищённости населения. Волгоград, Московский институт потребительской кооперации. Волгоградский филиал. Юридический факультет. 2003.
54. Шестаков Д.А. Преступность среди социальных подсистем. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России; Юридический центр Пресс, 2003.
55. Шестаков Д.А. Противодействие глобальному злу как предмет общей криминологической теории // XX международный балтийский криминологический семинар. Санкт-Петербург 29 июня–1 июля 2007. Информация. Краткая программа. Тезисы докладов. СПб., 2007.
56. Шестаков Д.А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. № 4.
57. Шестаков Д.А. Семейная криминология (криминофамилистика). 2-е издание. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003.
58. Шестаков Д.А. Семейная криминология. Семья – конфликт – преступление. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
59. Шестаков Д.А. Семейные суды – перспектива правосудия в отношении несовершеннолетних // Предупреждение преступности. Казахстанская криминологическая ассоциация. Юридический журнал. 2004. № 1 (7). С. 28–30.
60. Шестаков Д.А. Синдром Понтия Пилата в реформе уголовного законодательства // Актуальные вопросы реформы уголовного законодательства. Тарту, 1989. С. 66–70;
61. Шестаков Д.А. Суждения о преступности и вокруг неё / Предисл. Э. Гондольфа. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2015.
62. Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии: Избранное. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2015.
63. Шестаков Д.А. Чего я жду от криминологии уже завтра? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4 (31). С. 21–25.
64. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: Монография. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1999.

REFERENCES

1. Nohlen (Hrsg.). Kleines Lexikon der Politik. München, 2002.
2. Arnold J., Hase K. K aktualnosti truda Kanta «K vechnomu miru» vvidu zapreta na vmeshatelstvo v gosudarstvenniy i narodniy suverenitet. [To the relevance of Kant's work «To Eternal Peace» in view of prohibition on interference in state and people's sovereignty]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 3 (46), pp. 45–51.
3. Aforizmy. [Aphorisms]. URL: <https://quotesbook.info/quotes/comment/14417> (date of submission: 15.08.2017).
4. Burlakov V.N., Gilinskiy Y.I., Shestakov D.A. Prepodavanie kriminologii v sovremennykh usloviyakh. Otchet o kriminologicheskom seminare. [Teaching criminology in modern conditions. Report on the criminological seminar]. *Vestnik SPbGU – Bulletin of St. Petersburg State University*. 1996, ser. 6, vol. 3.
5. Gilinskiy Y.I. Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystv i drugikh «otkloneniy». [Deviantology: sociology of crime, narcotism, prostitution, suicide and other «deviations»]. 3-e izd., ispr. i dop. SPb., 2013.
6. Gilinskiy Y.I. Nekotorye tendentsii mirovoy kriminologii. [Some trends of world criminology]. *Rossiyskiy ezhegodnik ugolovno go prava – Russian Yearbook of Criminal Law*. 2012, no. 6.

7. Gorshenkov G.N. Kriminologiya kak «rasshirennaya nauka» o prestupnosti: vremya stanovleniya i razvitiya. [Criminology as an «extended science» about crime: time for formation and development]. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2015.

8. Gorshenkov G.N. Kriminologiya massovykh kommunikatsiy: Nauchno-uchebnoe izdanie. [Criminology of mass communications]. N. Novgorod: Nizhegorodskiy gosudarsvenniy universitet im. N.I. Lobachevskogo, 2003.

9. Gorshenkov G.N. Problemy kriminologii: kurs lektsiy. [Problems of criminology: a course of lectures]. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2016.

10. Danilov A.P. Inostrannoe vmeshatelstvo v vybory prezidenta suverennoy Respubliki Belarus v dekabre 2010 goda. [Foreign interference in the presidential elections of the sovereign Republic of Belarus in December 2010]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 1(24), pp. 70–75.

11. Danilov A.P. Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpimosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti). [Criminological theory of tolerance]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2015, no. 4 (39), pp. 27–30.

12. Danilov A.P. Protivodeystvie vneshnegosudarstvennomu i nadgosudarstvennomu urovnym prestupnosti v svete sobytii v Yuzhnoy Osetii. [The counteraction to foreign-national and above-national crime levels in the light of events in South Osetia]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2009, no. 2 (17), pp. 98–103.

13. Danilov A.P. Rodolyubieimy. [Rodolyubie and we]. Krymskie yuridicheskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 11 maya 2012 g. Natsionalniy universitet «Odesskaya yuridicheskaya akademiya». Ekonomiko-pravovoy fakultet v g. Simferopol. Simferopol: KRP «Izdatelstvo «Krymchpedgiz», 2012. Na ukrainskom i russkom yazykah. pp. 28–33.

14. Delyagin M. Manifest. [Manifest]. URL: <http://forum-msk.org/material/economic/9581606.html> (date of submission: 31.12.2017).

15. Dikaev S.U. Yuridicheskaya otsenka inostrannogo vmeshatelstva v izbiratelniy protsess suverennoy gosudarstva. [Legal view on foreign interference in the electoral process of a sovereign state]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 3 (26), pp. 18–23.

16. Dolgova A.I. Ucheniya o prestupnosti i kriminologiya. Kriminologiya: Uchebnik dlya vuzov. [The doctrine of crime and criminology. Criminology: A Textbook for high schools]. Pod obshch. red. A.I. Dolgovoy. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2005.

17. Dukhovskoy M.V. Zadachi nauki ugolovnoy prava. [The tasks of the science of criminal law]. *Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya – Journal of the Demidov Legal Lyceum*. Yaroslavl, 1873, no. 10.

18. Zhesterov V.P. Ugolovnaya repressiya v postindustrialnom obshchestve. [Criminal repression in a post-industrial society]. Pod. red. G.Y. Lesnikova. M., 2016.

19. Intellektualniy klub «Komanda 10003». [Intellectual club «Team 10003»]. URL: https://samopoznanie.ru/msk/organizers/intellektualnyy_klub_komanda_10003/ (date of submission: 06.06.2017).

20. Inshakov S.M. Kriminologiya v XXI veke. [Criminology in the XXI century]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 3 (46), pp. 36–44.

21. Kadaneva E.A. Negativnye posledstviya ugolovnoy nakazaniya v vide lisheniya svobody na opredelenniy srok, obuslavlivayushchie retsidivnuyu prestupnost. [Negative consequences of criminal punishment in the form of imprisonment for a certain period, causing a recidivism]. *Chernye dyry v rossiyskom zakonodatelstve – Black Holes in Russian Legislation*. 2010, no. 2.

22. Kolesnikov V.V. Kriminogennost sovremennykh modeley ekonomiki – klyuchevoy faktor determinatsii mirovogo finansovo-ekonomicheskogo krizisa. [Criminogenity of the modern economy models as the key factor for the determination of the world financial economic crisis]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2010, no. 1 (18), pp. 163–191.

23. Kristi N. Predely nakazaniya. [Limits of punishment]. M., 1985.

24. Luneev V.V. Proekt Zakona «O preduprezhdenii prestupnosti». [Draft Law «On Crime Prevention»]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 1996, no. 11.

25. Minyazeva T.F. Klassifikatsiya osuzhdennykh k lisheniyu svobody. [Classification of convicts sentenced to imprisonment]. *Rossiyskiy sledovatel – Russian Investigator*. 2014, no. 23, pp. 39–43.

26. O feminoatake na st. 156 UK RF. [On feminist's attack on the Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation]. URL: <http://criminologyclub.ru/home/5-video/240--156-.html> (date of submission: 31.12.2017).

27. Orlov V.N. Ugolovnoe nakazanie: ponyatie, tseli, sistema, obyekt i subyekt. Monografiya. [Criminal punishment: concept, goals, system, objects and subjects. Monograph]. M., MGYUA im. O.E. Kutafina, 2011.

28. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 07.06.2000 № 10-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti otdelnykh polozheniy Konstitutsii Respubliki Altay i Federalnogo zakona „Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatelnykh (predstavitelnykh) i ispolnitelnykh organov gosudarstvennoy vlasti subyektov Rossiyskoy Federatsii“». [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 10-P of 07.06.2000 «On the case on verification of the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Republic of Altai and the Federal Law „On general principles for the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation“»]. Rossiyskaya gazeta. 2000, June 21.

29. Smirnov L.B. Problemy i perspektivy ugovolno-ispolnitelnoy sistemy Rossii. [Problems and prospects of the criminal executive system of Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie – Bulletin of Institutions of Higher Education. Jurisprudence*. 2003, no. 3 (248).

30. Smirnov L.B. Uголовно-исполнительное право: учебник для бакалавров. [Criminal executive law: a textbook for bachelors]. SPb.: IVESEP, 2014.

31. Strashun B.A. Suverenitet gosudarstva v sovremennom natsionalnom, mezhdunarodnom i nadnatsionalnom prave. [Sovereignty of the state in modern national, international and supranational law]. *Lexrussica*. 2016, no. 7, pp. 167–176.

32. Kharlamov V.S. MVD po Respublike Komi v borbe s kriminalnymi proyavleniyami v semeyno-bytovoy sfere. [Ministry of Internal Affairs of the Republic of Komi in counteraction to domestic crime]. SPb., Syktyvkar: Filial FKGU VNII MVD Rossii po Severo-Zapadnomu federalnomu okrugu, 2013.

33. Churakov A.V. Zakonodatelstvo o protivodeystvii semeynomu nasiliyu: predposylki, teoriya, razrabotka v Rossii, Gruzii, Kyrgyzstane, Ukraine. [Legislation on counteraction to domestic violence: background, theory, development in Russia, Georgia, Kyrgyzstan, Ukraine]. SPb., 2014.

34. Churakov A.V. Otkaz ot dollara SSHA kak sredstvo protivodeystviya mirovoy oligarkhicheskoy prestupnosti. [Rejection of the dollar as a method of fight against world's oligarchic crime]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2014, no. 1 (18), pp. 97–100.

35. Shaykhislamova O.R. Klassifikatsiya osuzhdennykh k lisheniyu svobody. [Classification of convicts sentenced to imprisonment]. *Uголовно-исполнительное право. Izvestiya Saratovskogo universiteta – Criminal Executive Law. Bulletin of the Saratov University*. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2007. Vol. 7, no. 2, pp. 53–55.

36. Shestakov D.A. Agressiya protiv suverennoy Livii, nabrosok formul obvineniya. [Aggression against sovereign Libya, outline of charges]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2011, no. 4 (23), pp. 10–15.

37. Shestakov D.A. Vvedenie v kriminologiyu zakona. [Introduction to criminology of law]. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2011.

38. Shestakov D.A. Vvedenie v kriminologiyu semeynykh otnosheniy. [Introduction to criminology of family relations]. L.: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenniy universitet, 1980.

39. Shestakov D.A. Vera i kara. V svyazi s knigoy I.M. Ragimova «O npravstvennosti nakazaniya». [Faith and punishment. In relation to the book by I.M. Ragimov «On morality of punishment»]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2015, no. 3 (38), pp. 13–20.

40. Shestakov D.A. Zhurnalu «Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra» – pyat let. Intervyu G.A. Yankovskoy. [The journal «Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow» – five years. Interview by G.A. Yankovskaya]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2006, no. 1 (10), pp. 11–15.

41. Shestakov D.A. Zakonodatel'naya reglamentatsiya preduprezhdeniya nasiliya v seme. [Legislative regulation of the prevention of domestic violence]. *Criminological Situation and Security in Society. First International Social Deviant Behavior Symposium of the Black Sea Countries*. Chianau, 9–11 November, 1995, pp. 128–130.

42. Shestakov D.A. Kontrol prestupnosti i kriminologicheskoe zakonodatelstvo. [Crime control and criminological legislation]. *Organizovannaya prestupnost, ugovolno-pravovye i kriminologicheskie problemy – Organized Crime, Criminal Law and Criminological Problems*. Otv. red. M.G. Minenok. Kaliningrad, 1999.

43. Shestakov D.A. Kriminologicheskii aspekt deyatel'nosti chastnykh voennykh kompaniy. [The criminological aspect of the activities of private military companies]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2006, no. 1 (10), pp. 226–229.

44. Shestakov D.A. Kriminologicheskoe zakonodatelstvo i pravo protivodeystviya prestupnosti. [Criminological legislation and right of crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2013, no. 1 (28), pp. 47–50.

45. Shestakov D.A. Kriminologiya: novye podkhody k prestupleniyu i prestupnosti. Kriminogennyye zakony i kriminologicheskoe zakonodatelstvo. Protivodeystvie prestupnosti v izmenivshemsya mire. Uchebnik. [Criminology: new approaches to crime. Criminogenic laws and criminological legislation. Counteracting crime

in a changed world]. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. SPb.: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press», 2006.

46. *Shestakov D.A.* Kriminologiya: prestupnost kak svoystvo obshchestva. Kratkiy kurs. [Criminology: crime as a social trait]. SPb.: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenniy universitet, Izdatelstvo «Lan», 2001.

47. *Shestakov D.A.* O ponyatii prestupnosti i kriminologii zakona. [On the concept of crime and the criminology of law]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost – Social Sciences and Modernity*. 2008, no. 6.

48. *Shestakov D.A.* Obuslovlennost kachestva profilakticheskoy deyatel'nosti militsii. [Conditionality of quality in militia prevention activities]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2006, no. 2 (11), pp. 9–16.

49. *Shestakov D.A.* Ot prestupnostivedcheskoy teorii prichinnosti k izmeneniyu Konstitutsii (na primerakh Rossii i Kazmakhstana). [From the criminological theory of causality to the change of the constitution (on the example of Russia and Kazakhstan)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 3 (46), pp. 15–20.

50. *Shestakov D.A.* Planetarnaya oligarkhicheskaya prestupnaya deyatel'nost: devyatiy uroven prestupnosti. [Global oligarchic criminal activity: ninth level of crime]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 2 (25), pp. 12–22.

51. *Shestakov D.A.* Postliberalnaya paradigma i pravo protivodeystviya prestupnosti. [The post-liberal paradigm and the right to counteract crime]. Pravotvorcheskie i pravoprimenitelnye paradigmy rekonstruktsii ugolovnogo zakonodatel'stva: natsionalniy i mezhdunarodniy opyt modelirovaniya. Kollektivnaya monografiya. Otvetstven.red. d.yu.n. A.E. Mizanbaev. Kostanay, 2012.

52. *Shestakov D.A.* Preduprezhdenie prestupleniy i mery bezopasnosti v prave protivodeystviya prestupnosti. [Crime prevention and security measures in the law of counteracting crime]. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii – Library of Criminal Law and Criminology*. 2014, no. 1 (5), pp. 110–120.

53. *Shestakov D.A.* Prestupnost i pravosoznanie v svete rossiyskoy kriticheskoy kriminologii. [Crime and sense of justice in the light of Russian critical criminology]. Regionalnye osobennosti sostoyaniya pravoporyadka, urovnya pravosoznaniya i zashchishchennosti naseleniya. Volgograd, Moskovskiy institut potrebitelskoy kooperatsii. Volgogradskiy filial. Yuridicheskiy fakultet. 2003.

54. *Shestakov D.A.* Prestupnost sredi sotsialnykh podsystem. [Crime among social subsystems]. SPb.: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii; Yuridicheskiy tsentr Press. 2003.

55. *Shestakov D.A.* Protivodeystvie globalnomu zlu kak predmet obshchey kriminologicheskoy teorii. [Counteracting global evil as a subject of general criminological theory]. XX mezhdunarodniy baltiyskiy kriminologicheskiy seminar. Sankt-Peterburg 29 iyunya – 1 iyulya 2007. Informatsiya. Kratkaya programma. Tezisy dokladov. SPb., 2007.

56. *Shestakov D.A.* Rossiyskaya ugolovno-pravovaya politika pod uglom zreniya istoricheskoy tendentsii k smyagcheniyu repressii. [Russian criminal law policy from the perspective of historical trend of mitigating the repression]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. 1998, no. 4.

57. *Shestakov D.A.* Semeynaya kriminologiya (kriminofamilistika). [Family criminology: (criminofamilistics)]. 2-e izd. SPb.: «Yuridicheskiy tsentr Press». 2003.

58. *Shestakov D.A.* Semeynaya kriminologiya. Semya – konflikt – prestuplenie. [Family Criminology. Family – conflict – crime]. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1996.

59. *Shestakov D.A.* Semeynyye sudy – perspektiva pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh. [Family courts - the prospect of juvenile justice]. Preduprezhdenie prestupnosti. Kazakhstanskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya. Yuridicheskiy zhurnal – Prevention of Crime. Kazakhstan Criminological Association. Legal Journal. 2004, no. 1 (7), pp. 28–30.

60. *Shestakov D.A.* Sindrom Pontiya Pilata v reforme ugolovnogo zakonodatel'stva. [Syndrome of Pontius Pilate in the reform of criminal legislation]. *Aktualnye voprosy reformy ugolovnogo zakonodatel'stva – Actual Issues of the Reform of Criminal Legislation*. Tartu, 1989, pp. 66–70.

61. *Shestakov D.A.* Suzhdeniya o prestupnosti i vokrug nee. [Judgments about and around crime]. Predisl. E. Gondolfa. SPb.: «Yuridicheskiy tsentr Press», 2015.

62. *Shestakov D.A.* Teoriya prestupnosti i osnovy otraslevoy kriminologii: Izbrannoe. [Theory of crime and the basics of branch criminology: selected]. SPb.: Izdatelstvo «Yuridicheskiy tsentr Press», 2015.

63. *Shestakov D.A.* Chego ya zhdu ot kriminologii uzhe zavtra? [What I expect from criminology tomorrow?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2013, no. 4 (31), pp. 21–25.

64. *Shchedrin N.V.* Vvedenie v pravovuyu teoriyu mer bezopasnosti: Monografiya. [Introduction to the legal theory of security measures: Monograph]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarsk. gos. un-ta, 1999.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитрий Анатольевич Шестаков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, соучредитель, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий криминологической лабораторией Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: shestadi@mail.ru

Салман Умарович Дикаев – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, соучредитель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: dikaev@mail.ru

Андрей Петрович Данилов – кандидат юридических наук, заместитель президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: danilov-a1@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dmitriy Anatolievich Shestakov – Doctor of Laws, professor; honoured scientist of the Russian Federation, co-founder, president of Saint-Petersburg International Criminology Club, head of the Laboratory of criminological at Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: shestadi@mail.ru

Salman Umarovich Dikaev – Doctor of Laws, professor, head of the department of criminal procedure at Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, co-founder of the Saint-Petersburg International Criminology Club (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: dikaev@mail.ru

Andrey Petrovich Danilov – PhD in Law, deputy president of the Saint-Petersburg International Criminology Club (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: danilov-a1@mail.ru

4. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

ЗАРИПУ САИДОВИЧУ ЗАРИПОВУ – 70 ЛЕТ!

Зарип Саидович Зарипов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН РФ (г. Рязань).

Родился Зарип Саидович в городе Чарджоу Республики Туркменистан 21 ноября 1947 года. С 1966 по 1968 гг. служил в Воздушно-десантных войсках – в городах Пскове, Кутаиси, Кировабаде. С декабря 1968 года работал на заводе.

В мае 1969 года он поступил в Ташкентскую высшую школу МВД СССР, которую закончил с отличием в 1973 г. В ноябре 1975 г. поступил в адъюнктуру Академии МВД СССР (Москва) на кафедру криминологии и профилактики правонарушений. 12 апреля 1979 г. Зарип Саидович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Организация и осуществление профилактики правонарушений следственными подразделениями органов внутренних дел» (научный руководитель – заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.ю.н., профессор Г.А. Аванесов).

С 1979 по 2001 год Зарип Саидович работал в Ташкентской высшей школе МВД СССР: с 1986 г. – доцентом кафедры криминологии, с 1988 г. – начальником кафедры криминоло-

гии, а с 1988 по 1992 год – заместителем начальника по научной работе этого высшего учебного заведения.

25 сентября 1991 г. Зарипом Саидовичем защищена докторская диссертация на тему «Система правовых мер профилактики правонарушений и основные условия её эффективного функционирования». В 1992 году ему присвоено учёное звание «профессор».

З.С. Зариповым подготовлено и опубликовано свыше 170 научных работ, в том числе обращающие на себя внимание содержательные книги: «Профилактика преступлений» (2008, в соавторстве с Е.О. Алаухановым), «Профилактика преступлений среди маргинальной части населения (безработных)» (2008, в соавторстве с Е.О. Алаухановым), «Пенитенциарная криминология» (2009); «Наркотики в России и в мире. Криминологические очерки» (2009), «Преступность несовершеннолетних и её профилактика» (2010) и другие.

Под научным руководством юбиляра защищено 11 кандидатских и 3 докторские диссертации. Сфера его научных интересов – социальная профилактика преступлений.

Дорогой Зарип Саидович! Желаем Вам крепкого здоровья, творческих успехов, бодрости духа и энергии для подъёма на новые научные вершины!

Совет Клуба

НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЩЕДРИНУ – 65 ЛЕТ!

Николай Васильевич Щедрин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета.

Николай Васильевич родился 18 декабря 1952 года в д. Карелино Новосёловского района Красноярского края, однако «легализовался» только 5 января 1953 г. после регистрации в сельсовете. В 1970 году закончил Светлолобовскую среднюю школу, в 1975 г. – юридический факультет Красноярского государственного университета. С мая 1976 по май 1977 г. служил в Советской Армии в звании рядового. В период 1977–1980 гг. работал в прокуратурах Хакасии и Красноярского края следователем, помощником прокурора, прокурором следственного управления.

С октября 1980 г. работает в Красноярском государственном университете (с 2007 г. – Сибирский федеральный университет), на юридическом факультете которого прошёл все ступени: от ассистента до профессора. В 1997–2007 годах Николай Васильевич возглавлял Центр социально-правовых исследований, 2003–2006 гг. – был заместителем декана, затем заведовал кафедрой деликтологии и криминологии.

Наш юбиляр закончил очную аспирантуру Томского государственного университета, защитив в нём в 1988 году кандидатскую диссертацию на тему «Индивидуальная профилактика преступного поведения лиц, освобождённых из воспитательно-трудовых колоний» (научные руководители – д.ю.н., профессор А.Л. Ременсон, д.ю.н., профессор В.Д. Филимонов). В 2001 году в Уральской юридической академии защитил докторскую диссертацию на тему «Меры безопасности как средство предупреждения преступности» (научный консультант – д.ю.н., профессор В.И. Горобцов).

Николай Васильевич читает курсы лекций по криминологии, правовым аспектам мер безопасности, противодействию коррупции,

основам научных исследований, актуальным проблемам ювенальной юстиции, проблемам общей теории предупреждения преступности. Он частый гость у зарубежных коллег: научные стажировки и повышение квалификации в университетах Германии (Грайфсвальд – 1995, 1996, 2006, 2007 годы, Пассау – 1998, 1999, 2002, 2006, 2010 годы) и Швейцарии (Базель – 2004 г.).

Основные научные интересы Н.В. Щедрина связаны с исследованием общей теории предупреждения преступлений, противодействия коррупции, ювенальным правом и ювенальной юстицией. Он является основателем нового научного направления и руководителем научной школы «Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности», сформулировал и предложил для обсуждения ключевые категории концепции антикриминальной безопасности.

Н.В. Щедриным подготовлено и опубликовано свыше 150 научных работ, в том числе обращающие на себя внимание содержательные монографии: «Введение в правовую теорию мер безопасности» (Красноярск, 1999), «Меры безопасности для охраны власти и для защиты от неё» (в соавторстве с О.М. Кылиной, Красноярск, 2006), *Juvenile Justice System in Europe. Current Situation and Reform Developments: Forum Verlag Godesberg GmbH, Moenchengladbach. 2010* (в соавторстве).

Николай Васильевич подготовил 11 кандидатов юридических наук. В ноябре 2013 года он выступил с основным докладом «Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности» в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе.

Уважаемый Николай Васильевич! Желаем Вам столь же успешно идти по научной дороге познания, крепкого здоровья и благополучия!

Совет Клуба

5. НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ ВИКТОРА ГРИГОРЬЕВИЧА ШАРЫГИНА

21 октября 2017 года на 72-м году жизни от нас навсегда ушёл член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Юридического института Виктор Григорьевич Шарыгин.

Виктор Григорьевич родился 16 марта 1946 года в селе Борское Борского района Куйбышевской области (ныне – Самарская). С конца 1946 года проживал с родителями в г. Куйбышеве. В этом же городе учился в начальной школе № 66, после окончания которой сдавал экзамены в Куйбышевское военное суворовское училище, но из-за слабого зрения не прошёл медкомиссию.

У Виктора Григорьевича было большое желание обучаться в суворовском училище, поскольку его привлекала профессия военного. Программа обучения в училище помимо общих предметов включала верховую езду, фехтование, занятия музыкой и танцами. За основу программ суворовских училищ были взяты дореволюционные программы кадетских корпусов.

Уже в детстве он полюбил классическую музыку и театр. С 3-х лет посещал оперный театр, в котором работал его отец. А в коммунальной квартире Шарыгиных жили музыканты, солисты балета и оперы.

Не поступив в суворовское училище, Виктор Григорьевич обучался в средней школе

№ 63 (с физико-математическим уклоном), после окончания которой в 1965 году поступил в Куйбышевский политехнический институт на вечернее отделение факультета автоматизации и телемеханики. С этого времени он стал работать: сначала ротаторщиком, затем художником-оформителем на кафедре ОТМС филиала ВМА.

Поняв, что технический вуз – не его призвание, он решил перевестись на 1-й курс Куйбышевского медицинского института, но, только забрав документы из Политехнического института, через 3 дня был призван в армию с правом восстановления в вузе по окончании срочной службы. Службу проходил в военной части г. Куйбышева, выполняя обязанности по несению патрульной службы, охраняя общественный порядок.

В этот период увлёкся философией и психоаналитикой, пользовался закрытым фондом Областной библиотеки, где были представлены работы Фрейда, Фореля, Авенариуса, Шопенгауера и других.

По окончании срочной службы в августе 1970 года поступил на первый курс гуманитарного факультета по специальности «правоведение» в только что открывшемся Куйбышевском государственном университете.

По окончании вуза Виктор Григорьевич был направлен на работу в систему управлений исправительно-трудовых учреждений

(УИТУ). Через 3 месяца переведён в паспортный отдел Куйбышевского УВД, затем перешёл на следственную работу в этом же УВД. В этот период он сдал кандидатский минимум, но возможность обучаться в Академии МВД не представилась.

Во время следственной работы хорошо узнал её специфику: большая ответственность, работа без выходных и отпусков, огромная нагрузка – одновременно в производстве находилось до 30 дел. В 1981 году добился перевода в Ленинград, где продолжил работу в следственных отделах: сначала в Красносельском районе, с 1983 года – в Василеостровском. В 1990 году продолжил службу в межрайонном отделе по расследованию транспортных преступлений. В 1991 году перешёл на службу в контрольно-методический отдел Следственного управления ГУВД Ленинграда и Ленинградской области.

Прошёл путь от следователя до старшего следователя по особо важным делам и заместителя начальника отдела. После перешёл на преподавательскую работу в Санкт-Петербургскую высшую школу МВД: сначала на кафедру уголовного процесса, а затем – уголовного права.

Работая на кафедре уголовного права, Виктор Григорьевич вновь сдавал кандидатский минимум, выбрав тему диссертации «Причинная связь в уголовном праве и особенности её установления по делам о дорожно-транспортных происшествиях». Однако защититься не пришлось: по семейным обстоятельствам он был вынужден уйти со службы. Его мать нуждалась в попечении, её нужно было перевезти из Самары в Петербург.

Дальнейшую преподавательскую работу Виктор Григорьевич продолжил в гражданских вузах. В 2001 году он занимал должность заместителя директора Северо-Западного филиала Академии правосудия. Затем два года работал в Городской коллегии адвокатов. Несколько лет преподавал правоведение в Институте богословия и философии.

С 2003 года В.Г. Шарыгин работал старшим преподавателем Юридического института.

В данном вузе он провёл не одну значимую конференцию. Например, «Проблемы системности и логики в уголовном законодательстве» (приурочена к 70-летию учителя В.Г. Шарыгина – д.ю.н., профессора Э.Ф. Побегайло), «Защита естественного права в современном уголовном законодательстве», «Проблемы правового регулирования культурного и исторического достояния в России».

Вопросы чести были близки Виктору Григорьевичу, о чём свидетельствуют преступноведческие проблемы, к осмыслению которых он обращался. Дважды Виктор Григорьевич выступил с основными докладами в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе. 12 октября 2007 года – на тему «Феномен предательства в новой и новейшей истории России (криминологический взгляд)». Он проанализировал социально-психологическое явление предательства, как криминологически значимого явления, а также опыт превентивной политики в отношении предательства в России XIX века. В данной плоскости дал преступноведческую оценку идеолого-политической метаморфозы российской государственности в период крушения монархии и установления советской власти. К монархии и белому движению он относился с пониманием, уважением и сочувствием.

1 марта 2013 года Виктор Григорьевич осветил с криминологической стороны проблему «Закон и совесть». В своём выступлении отметил, что нам «необходим анализ реализации моральных принципов, заложенных в действующем уголовном законодательстве. Последние законодательные инновации нарушают не только правовые принципы, но также системность и логику действующего законодательства. Важно расширение законодательной практики аутентичного толкования, что способствовало бы единству правоприменения уголовного законодательства».

Вечная Вам память, дорогой Виктор Григорьевич.

Совет Клуба.

К НАШИМ АВТОРАМ

Журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра» – первый в истории России криминологический журнал. Редакция уделяет особое внимание содержательной стороне представляемых для опубликования материалов.

Наш журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук. В начале 2015 года подана заявка на включение журнала в крупнейшую в мире единую реферативную базу данных Scopus.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ РЕДАКЦИЕЙ К СТАТЬЯМ:

1. Представляемая статья не должна быть опубликована или направлена в другие издания.

2. Статья должна быть криминологической, обладать научной новизной и теоретической значимостью, раскрывать значимые вопросы криминологии.

3. Объём статей студентов, аспирантов, соискателей учёной степени кандидата наук – 3–4 страницы формата А4 (до 10 000 знаков с пробелами), кандидатов наук – до 10 страниц (до 20 000 знаков с пробелами), докторов наук – до 20 страниц (до 40 000 знаков с пробелами).

4. Статья оформляется в соответствии с межгосударственным стандартом ГОСТ 7.1-2003. Набор статьи: верхнее и нижнее поле – по 20 мм, левое – 30 мм, правое – 10 мм. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта основного текста – 14, сносок – 12; межстрочное расстояние – полуторное; абзацный отступ – 1,25. Формулы выравниваются по центру, их номера в круглых скобках по правому краю; таблицы нумеруются сверху (Таблица 1 – Название), рисунки нумеруются снизу (Рисунок 1 – Название). Ссылки на источники и литературу выполняются постранично внизу страницы. Не допускается использование вместо буквы «ё» буквы «е». Нумерация страниц – внизу, посередине, на каждой странице.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией, ключевыми словами (объём до 700 знаков с пробелами), пристатейным списком литературы, сведениями об авторе на русском и английском языках. Аннотация не должна содержать в себе вводных уведомлений: «в статье рассматривается, идёт речь...» и т.п.

6. Статья оформляется в соответствии с прилагаемым редакционной коллегией образцом оформления материала статьи.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ:

1. Для опубликования статьи автор должен отправить заявление (в сканированном виде или оригинале) на имя главного редактора журнала о публикации статьи (форма заявления размещена на сайте Клуба), а также сведения об авторе (в сканированном виде или оригинале) по установленной форме (форма размещена на сайте Клуба) на электронный адрес Клуба: criminology_club@mail.ru или по почтовому адресу Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, юридический факультет: 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, корп. 20, каб. 5–6.

2. Представляемая статья должна соответствовать требованиям, предъявляемым редакцией к публикуемым материалам.

3. Статья представляется в установленные редакцией сроки:

в № 1 (январь) – до 1 ноября предшествующего года;

в № 2 (апрель) – до 1 февраля текущего года;

в № 3 (июль) – до 1 мая текущего года;

в № 4 (октябрь) – до 1 августа текущего года.

4. Студенты, аспиранты, соискатели учёной степени кандидата наук для опубликования статьи должны представить рекомендацию (в сканированном виде или оригинале), подписанную лицом, имеющим учёную степень и заверенную печатью учреждения или организации. В рекомендации отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень представленного материала и делаются выводы о возможности опубликования статьи в журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ:

1. В течение 3 (трёх) дней с момента получения статьи автору по указанному им адресу электронной почты направляется соответствующее уведомление.

2. Все статьи, поступившие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.

3. Главный редактор определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему близкую к теме статьи научную специализацию.

4. Статьи проходят двустороннее анонимное («слепое») рецензирование.

5. В рецензии освещаются следующие вопросы:

– соответствие содержания статьи заявленной в названии теме;

– соответствие современным достижениям науки;

– что нового предлагается автором, научная новизна;

– доступность читателям с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

– знание автором статьи научной литературы по обсуждаемому кругу проблем, в том числе международный опыт.

6. Рецензия должна содержать конкретные выводы:

– целесообразность публикации с учётом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

– в чём конкретно заключаются недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

– заключение о возможности опубликования: «рекомендуется», «рекомендуется с учётом исправления отмеченных недостатков» или «не рекомендуется».

7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

8. Решение о публикации по итогам рецензирования принимается в течение 3 (трёх) месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

9. Рецензии на поступившие материалы отправляются авторам по электронной почте.

10. В случае отклонения статьи от публикации редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ.

11. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

12. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционной коллегией.

13. После принятия редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации редколлегия информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

14. Оригиналы рецензий хранятся в редакционной коллегии и редакции журнала в течение 5 лет.

ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЬИ:

1. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, список цитат, криминологических, социологических, психологических и иных данных, имён собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

2. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение её в сети Интернет на официальных сайтах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (<http://www.criminologyclub.ru/>), других справочно-правовых системах, с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

3. Решение об опубликовании или удалении статьи принимает редакционная коллегия.

4. Статья, представленная редколлегии журнала, не будет принята к рассмотрению, если автором не соблюдены требования, предъявляемые редакцией, или правила представления статей.

5. Редколлегия журнала примет любые пожелания по совершенствованию её деятельности. Возникающие вопросы разрешаются путём электронной переписки.

6. Редакционная коллегия правомочна осуществлять научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости сокращать их по согласованию с автором.

7. Представленные статьи публикуются бесплатно.

ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА СТАТЬИ

Образец заглавия статьи, аннотации и ключевых слов:

В.В. Лунеев

О КРИМИНОЛОГО-АНАЛИТИЧЕСКОМ И СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К ЗАКОНОТВОРЧЕСТВУ

Аннотация: Исследователем реальных тенденций и закономерностей преступности, системным и независимым разработчиком новых законопроектов по противодействию преступности должен стать специальный информационно обеспеченный центр, действующий на основе принципов самостоятельности, непрерывности и системности.

Ключевые слова: закономерности преступности; статистика; законотворчество; прогнозирование.

V.V. Luneev

ON CRIMINOLOGICAL, ANALYTIC AND SYSTEMIC AP- PROACHES TO LAWMAKING

Summary: A special information-provided centre relying upon the principles of independence, continuity, consistency must be the researcher of the actual tendencies and crime patterns, system and independent drafter of new crime preventions bills.

Key words: crime pattern; statistics; lawmaking; forecast.

Пристатейный список литературы и сведения об авторе в конце публикации:

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004.

2. Горяинов К.К., Овчинский В.С., Кондратьев Л.В. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции. Научный доклад. М., 2001.

3. РАН, реформа, воровство, коррупция // Московский комсомолец. – 2013. – 1 июля.

4. Тезисы выступления П.В. Крашенинникова на Парламентских слушаниях «Актуальные вопросы уголовного законодательства». URL: <http://old.alrf.ru/publication/2009/12article998/> (дата обращения: 01.02.2014).

REFERENCES

1. *Beccaria C.* On prestupleniyakh i nakazaniyakh. [On crimes and punishments]. Moscow, 2004.

2. *Goryainov K.K., Ovchinskiy V.S., Kondratyuk L.V.* Uluchshenie vzaimootnosheniy grazhdan i

militsii. [Improvement of relations between citizens and militia. Scientific report]. Moscow, 2001.

3. Rossiyskaya akademiya nauk, reforma, vorovstvo, korruptsiya. [Russian Academy of Sciences, reform, theft, corruption]. *Moskovskiy Komsomolets – Moscow Komsomolets*, 2013, July 01.

4. Tezisy vystupleniya P.V. Krashenninnikova na Parlamentskikh slushaniyakh «Aktualnye voprosy ugovolnogo zakonodatelstva». [Speaking notes of the lecture by P.V. Krashenninnikov at the Parliament hearings «Relevant issues of the criminal law»]. Available at: <http://old.alrf.ru/publication/2009/12article998/> (date of submission: 01.02.2014.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Васильевич Лунеев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии РФ, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия); e-mail: luneevvv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Viktor Vasilievich Luneev – honoured scientist of the Russian Federation, doctor of Laws, professor, laureate of the State Prize of the Russian Federation, chief research scientist of the department of criminal law and criminology at Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: luneevvv@yandex.ru

Примеры оформления материалов пристатейного списка литературы

Статья из журнала:

Харламов В.С. Старшее поколение и внутрисемейное насилие в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4 (27). С. 60–63.

Монография:

Дикаев С.У. Террор, терроризм, преступления террористического характера. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 464 с.

Автореферат:

Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 60 с.

Диссертация:

Шестаков Д.А. Криминологические проблемы семейных отношений: дис. ...докт. юрид. наук. Л., 1986. 46 с.

Интернет-документы:

Талькова Т. Убийство // Сайт памяти Игоря Талькова. URL: <http://www.talkov.su/murder.php> (дата обращения: 25.11.2012).

Данилов А.П. Родолюбие спасёт мир // Сайт «Crimpravo.ru». URL: <http://crimpravo.ru/blog/1800.html> (дата обращения: 25.11.2012).

Книга без ответственного редактора:

Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. М., 2001. 200 с.

Книга с ответственным редактором:

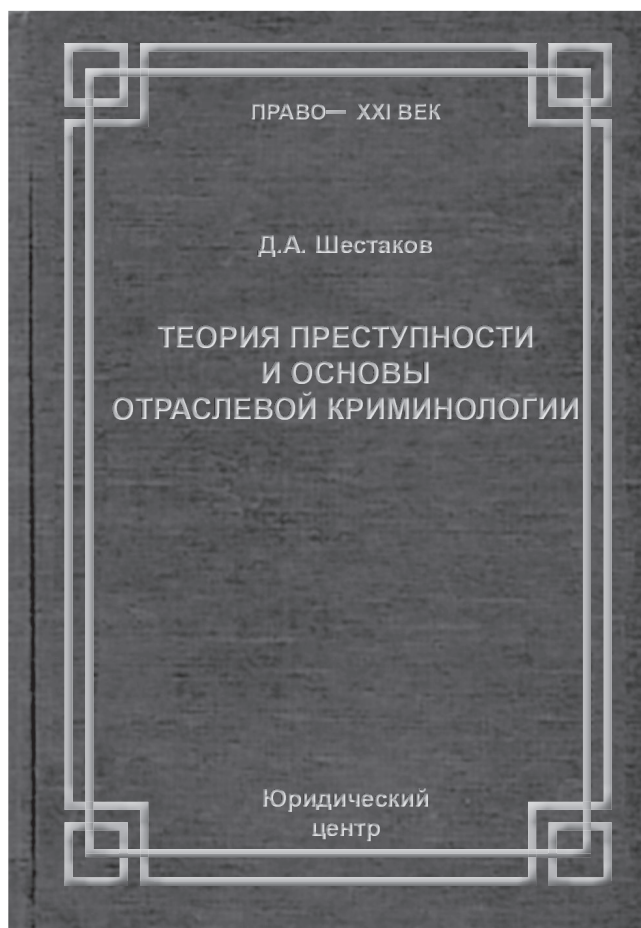
Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 800 с.

Статья в газете:

Фалалеев М. «Стоп» маршрутке // Российская газета. – 2012. – 10 октября.

**Д.А. Шестаков. ТЕОРИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
И ОСНОВЫ ОТРАСЛЕВОЙ КРИМИНОЛОГИИ.
ИЗБРАННОЕ.**

Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр», 2015. 432 с.

В настоящее собрание вошли фрагменты из ранее опубликованных Д.А. Шестаковым книг: «Криминология» и «Семейная криминология», а также его переработанные и дополненные: «Преступность политики», «Введение в криминологию закона» и «Суждения о преступности и вокруг неё».

Полезна для всех, интересующихся проблемами преступности. Особую ценность она представляет для студентов и преподавателей криминологии.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**Д.А. Шестаков. ОТ ПРЕСТУПНОЙ ЛЮБВИ
ДО ПРЕСТУПНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.**
Санкт-Петербург, Издательский дом «АЛЕФ-ПРЕСС», 2015. 292 с.

ШЕСТАКОВ
Дмитрий Анатольевич

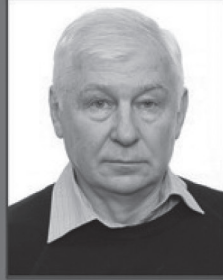
Д.А. Шестаков

Криминолог Дмитрий Анатольевич Шестаков, родился в северной столице России 2 января 1949 года.
Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба.
Два года после окончания университета трудился следователем прокуратуры. С 1976 по 2001 годы — в Санкт-Петербургском государственном университете, затем — в Российском государственном педагогическом университете и одновременно (до 2012 г.) в Санкт-Петербургском университете МВД.
В девяностых — начале двухтысячных годов совмещал работу в вузе с адвокатской деятельностью.
От предлагаемых административных должностей неизменно отказывается.
В соавторстве с братом, Анатолием Анатольевичем Шестаковым, издал девятитомное собрание художественной прозы.

**ОТ ПРЕСТУПНОЙ ЛЮБВИ
ДО ПРЕСТУПНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Статьи по криминологии, интервью

Д.А. ШЕСТАКОВ
От преступной любви до преступного законодательства

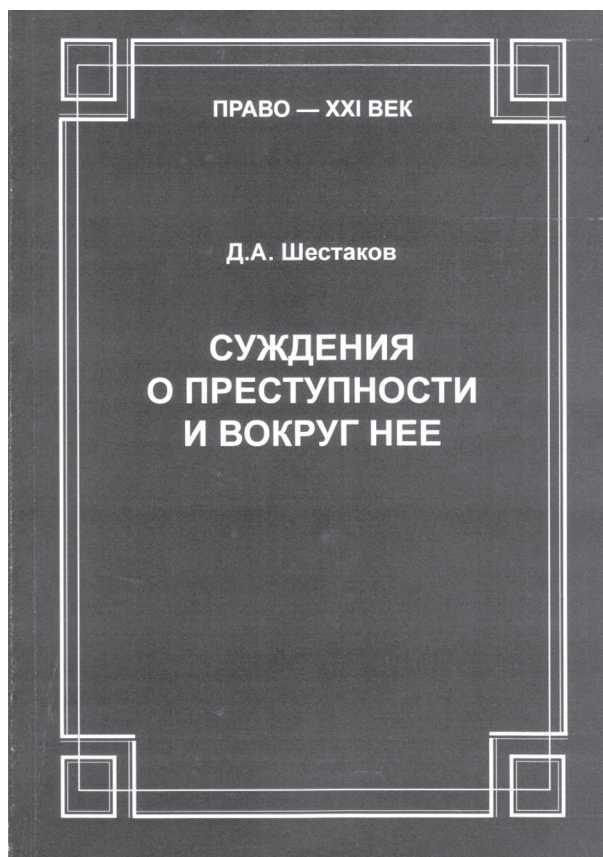

В сборник вошли те из преступноведческих статей, которые, как полагает автор, несколько дополняют и оттеняют его недавнюю книгу «Теория преступности и отраслевая криминология. Избранное».

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**Д.А. Шестаков. СУЖДЕНИЯ О ПРЕСТУПНОСТИ
И ВОКРУГ НЕЁ.**

Монография. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. 84 с.

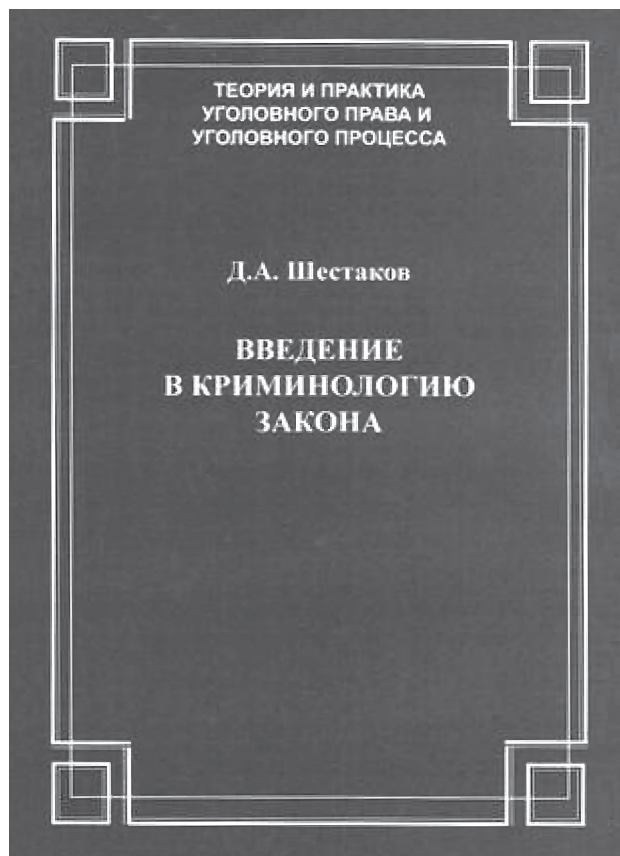

Небольшая по объёму, но ёмкая по содержанию книга президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба содержит избранные из его теоретических положений по общей, частной, а также отраслевой криминологии. Отличается остротой постановки вопросов и новаторством. Полезна для всех, интересующихся проблемами преступности. Особую ценность она представляет для преподавателей криминологии.

Служит подспорьем для желающих ознакомиться с основами школы преступных подсистем, выступить в клубе, обнародовать статью в журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

Д.А. Шестаков. ВВЕДЕНИЕ В КРИМИНОЛОГИЮ ЗАКОНА.
2-е изд., испр. и доп. / Предисл. докт. юрид. наук Г.Н. Горшенкова.
СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. 92 с.

В работе изложены теоретические основы криминологии закона – финальной отрасли невско-волжской научной школы преступных подсистем. Формулируется криминологический подход к понятию преступления, анализируется парадокс преступности закона, предлагается парадигма функций уголовной ответственности, даётся понятие и систематизация криминологического законодательства.

Для преподавателей и студентов высших и средних учебных заведений юридического профиля, практических работников правоохранительных и государственных органов.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**С.Ф. Милюков, А.В. Никуленко. ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА
ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА,
СОВЕРШИВШЕГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ.
СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. 560 с.**

В работе детально исследуется институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, как самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния. На основе анализа действующего отечественного и зарубежного уголовного и иного законодательства раскрываются особенности данного уголовно-правового института в законодательной и правоприменительной практике. Подробно раскрываются основания и условия правомерности причинения вреда (в том числе путём применения оружия) при задержании лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние. Рассмотрены также иные обстоятельства, исключающие преступность деяния, как содержащиеся в действующем УК РФ, так и не получившие пока законодательного закрепления. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовного и иного законодательства, регламентирующего затрагиваемые в книге вопросы.

Работа рассчитана на преподавателей и студентов высших и средних образовательных учреждений юридического профиля, практических работников правоохранительных, судебных и контролирующих государственных органов, юристов, а также широкий круг читателей, озабоченных состоянием правопорядка в России.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**КРИМИНОЛОГИЯ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Журнал Санкт-Петербургского
международного
криминологического клуба

№ 1 (48), 2018

Формат 60x84/8. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,4.
Тираж 1050 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Трувор».
199106, Санкт-Петербург, Большой пр. В.О., д. 83, офис 336
тел./факс: (812) 449-3917
e-mail: 4493917@inbox.ru